

4
1963

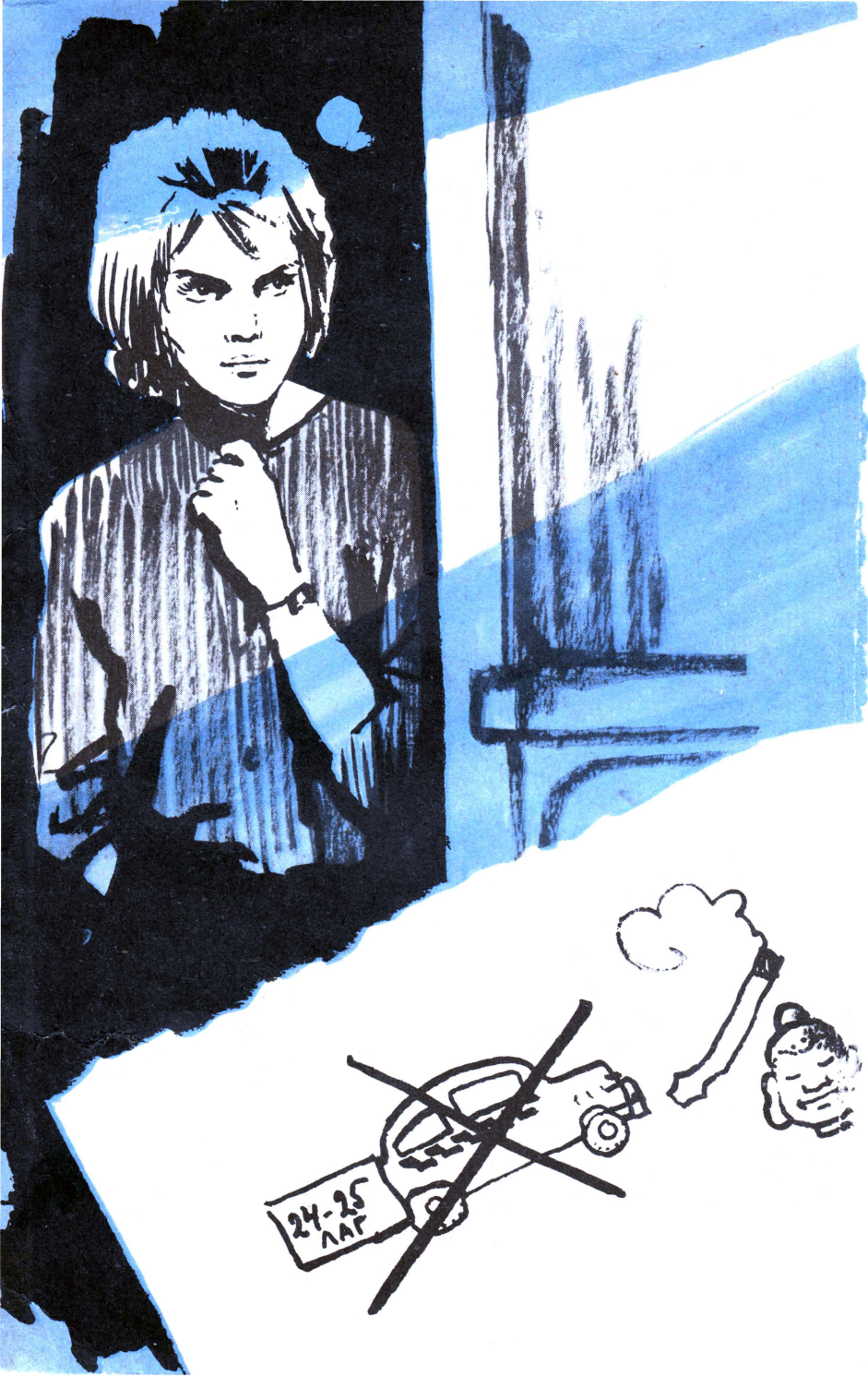
Искажатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

24-25
ААТ

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Космический гимн коммунизму . . .	2
М. РЕБРОВ. Ждите нас, звезды! . . .	3
В. МИХАЙЛОВ. Черные Журавли Вселенной	42
Г. ЦИРУЛИС, А. ИМЕРМАНИС. 24-25 не возвращается	65
В. ЧИЧКОВ. Юркина граната	117
М. СОСИН. Пять ночей	126
Красный крест	133
Из блокнота «Искателя»	141, 159
У. АЙРИШ. Срок истекает на расвете	142

№ **4** (16)

1963
ТРЕТИЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

КОСМИЧЕСКИЙ

Новый длительный совместный космический полет кораблей-спутников «Восток-5» и «Восток-6» является славной победой труда, мысли и разума советского человека — первооткрывателя космической эры, колоссальным научно-техническим успехом. Этот дерзновенный полет советских людей в космос, как и все предыдущие полеты, представляет собой живое воплощение титанической силы, таланта и гения советского народа, яркую демонстрацию преимуществ советского социалистического общественного строя. Нынешняя величественная победа, одержанная в борьбе за освоение космоса, является образцом беспримерного мужества и отваги советских людей, воспитанных нашей родной Коммунистической партией, окрыленных всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма.

...Славные сын и дочь нашей Родины товарищи Быковский и Терешкова проявили подлинный героизм и безупречное мастерство космонавтов, смело и бесстрашно вели замечательные космические корабли по космическим трассам. Коммунистическая партия и советский народ гордятся вами, дорогие товарищи Быковский и Терешкова.

Из Обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Правительства Советского Союза к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству.

ГИМН КОММУНИЗМУ

ЖДИТЕ НАС, ЗВЕЗДЫ!

М. РЕБРОВ

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

«Труд— стержень, на котором держится все в человеке. Это ствол, от которого бегут ветви идеологии, воззрений, характера. Вот и суди, что от тебя требуется», — эти слова отца Валерий вспоминал всегда, когда жизнь ставила перед ним трудные задачи.

В первый самостоятельный полет Валерий отправился в канун своего дня рождения. Особенно он не волновался. Регулярные тренировки выработали чувство уверенности в себе и машине. Да и задание было несложным: взлет, набор высоты, круг над аэродромом и посадка. Основное — умение приземлиться на три точки, точно у посадочного знака.

Журнальный вариант. Полностью повесть выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Я приношу самую глубокую благодарность родной Коммунистической партии, Советскому правительству за то, что высокая честь совершить многодневный космический полет была оказана мне — члену Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
В. Ф. Быковский

Когда самолет набрал нужную высоту, Валерий начал разворот. Все шло нормально. «ЯК» послушно описал в воздухе большую дугу и вышел на посадочный курс. Валерий чуть «отдал» ручку от себя и тут же не удержался: стал искать глазами аэродром.

Впереди показался неглубокий овраг, который огибал край аэродрома.

Валерий потянул ручку на себя, совершенно забыв, что мотор работает на малых оборотах. Потеряв скорость, самолет

Коммунистическая партия, Родина, великий советский народ дали нам силу и крылья для осуществления столь сложного полета.

Летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
В. В. Терешкова

стал проседать и плюхнулся на травяное поле, не дотянув до посадочного «Т».

Чувство недавней гордости сменилось унынием:

«Растяпа! Разрешения на второй полет не дадут».

Но дело обернулось иначе. Когда «ЯК» рулил по аэродрому, Валерий увидел бегущего навстречу инструктора. Лицо его выражало скорее одобрение, чем гнев. Вскочив на крыло самолета, он бодро крикнул:

— Ничего, Валера, ничего! Не забывай газ! Давай еще разок!

И снова застрекотал, набирая силу, мотор. Машина плавно оторвалась от земли. С особой тщательностью выполнив все положенное, Валерий опять повел самолет на посадку.

На этот раз удачно. Колеса шасси коснулись травы у буквы «Т».

Валерий торжествовал. Товарищи и инструктор поздравляли его с победой. Да, это была победа, и он добился ее трудом, тренировкой, желанием стать летчиком.

Осенью, когда дожди и холод пришли в Подмоскowie, Валерий продолжал летать. Предстоял экзамен на получение путевки в небо. Учлеты по-прежнему жили в палатках, чуть мерзли по ночам.

Дни полегонку вползли в октябрь. Пожелтели и начали опадать листья. По утрам становилось все холоднее. Рассвет наступал медленно, тягуче, точно цедился сквозь плотную тьму. Все чаще день начинался морозящим дождем. Лишь иногда луч солнца прорывался сквозь завесу туч, играя бликами на мокрых телах самолетов. Но такие моменты бывали все реже и реже. Осень!

Курсанты аэроклуба стали поговаривать о будущем. Кто куда пойдет учиться дальше? Одни мечтали о бомбардировщиках, другие стремились попасть на скоростные истребители, третьи — сесть за штурвал самолетов ГВФ.

В один из осенних дней учлетам выдали документы об окончании аэроклуба. Получил их и Валерий. В его характеристике говорилось:

«Летное дело любит, летает смело, уверенно. Летную программу усваивает быстро и легко. Летных нарушений не имеет. Матчасть эксплуатирует грамотно. Теоретическая успеваемость отличная. Имеет большое желание к дальнейшему обучению в военной школе летчиков. За отличный вылет имеет благодарность».

После окончания аэроклуба Валерий решил пойти в военное училище летчиков-истребителей. Путь этот был избран после долгих раздумий, но окончательно, навсегда.

Сначала он попал в «первоначалку» — так называли школу первоначального обучения. Летали на «ЯК-18» и «ЯК-11». Потом училище. Учеба здесь была покрепче, чем в аэроклубе. В знойные летние дни над аэродромом рыжим туманом висела пыль: одни самолеты поднимались, другие садились, чтобы после короткой передышки и заправки горючим снова взмыть в небо.

На стоянку то и дело заруливали «УТИ» с открытыми фонарями. Курсанты, выключив двигатель, быстро выбирались из кабины и внимательно слушали замечания инструктора. И снова в полет.

Валерий отличался горячим характером. Небольшого роста, юркий, проворный, он заметно выделялся среди других молодых летчиков вдумчивостью и трудолюбием. Во время учебы часто приходилось менять аэродромы, летать на разных машинах. Но в аттестационных листах Валерия неизменно повторялись одни и те же записи:

«Перерывы на технику пилотирования не влияют. Ориентируется в полете хорошо».

«Дальнейшее обучение на реактивном самолете целесообразно».

«В полете вынослив и инициативен».

И, наконец, итог: «Выпускные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал на «отлично».

В СТРОЮ ВЕТЕРАНОВ

После училища — часть.

На полковом построении Валерий становился на левый фланг эскадрильи. По расчету да и по росту его место было там. Что греха таить, многие из молодых, кто пришел вместе с ним в часть, глядя на бывалых классных летчиков с ленточками боевых наград на груди, считали, что опоздали родиться.

Кто в юношеские годы не мечтает о подвиге! А где же слава и подвиги у молодых летчиков послевоенного времени? Вот командир — ас! Его Валерий сразу полюбил: Герой Советского Союза, на счету много сбитых фашистских самолетов, во время войны летал ведомым у самого Александра Ивановича Покрышкина и в то же время какой простой человек!

В эскадрилье, куда попал Валерий, уже были молодые летчики. У одного из них он спросил на следующий день:

— Ну, как здесь?

— Как на столе у закройщика, — ответил тот, слегка улыбнувшись, — на «спарках» небо уютным. А когда до дела доходит, летают только «старики».

Начались занятия в классах, сдача зачетов. В который раз! В ясные дни — несколько самостоятельных полетов по кругу, потом в зону. Вот и все.

И снова — труд, труд. Повседневный, порой кажущийся таким однообразным. Но к словам отца: «Труд — стержень, на котором держится все в человеке», добавилась любимая присловица комэска: «Без «элементарщины» мастером не станешь!»

Полетные задания постепенно становились все сложнее и сложнее. На одном из построений зачитали приказ о переводе старшего лейтенанта Быковского в эскадрилью перехватчиков. Теперь ему предстояло летать на «МИГе».

ВЕДУЩИЙ АТАКУЕТ

Пронзительный звук сирены разорвал тишину раннего утра. Тревога!

Застегивая на ходу кожаную куртку, Валерий спешил на аэродром. Самолет, на котором он летал, уже расчехлен, и около

него хлопочет техник Коньков. В этом человеке Валерий с первых же дней знакомства заметил одну черту — «дотошность». Он вникал во все, всюду успевал, и его «МИГ» всегда был в образцовом состоянии.

Короткое: «Все готово, командир!» — звучало в его устах с твердой убежденностью, которая заставляет без малейших сомнений верить в успех предстоящего дела. Коньков помог Валерию приладить парашют, обежал взглядом все тумблеры на щитках кабины и пробурчал обычное: «Ну, добро».

Где-то за низкими облаками скрытно пробирался к намеченному объекту самолет «противника». Он шел на большой высоте и с большой скоростью. Но радиолокационные станции уже нащупали его.

В наушниках шлемофона Валерий услышал голос штурмана командного пункта. Ему дали взлет.

— Вас понял! — Он привычным движением включил тумблер запуска двигателя. Уверенно направил самолет на взлетно-посадочную полосу. За ним вырулил его ведомый. Через стекло фонаря кабины видно, как он пристраивается левее и чуть сзади.

Надо дорожить каждой секундой — в этом успех перехвата. Сразу же после взлета Валерий устремил машину вверх. Самолет вошел в облака. В кабине стало сумрачно. Стрелка высотомера показывала 4 000, 5 000, 6 000 метров, а конца облачности не было. Лишь на высоте 7 000 метров пространство вокруг самолета стало светлеть. Истребитель вырвался на солнечный простор.

— Курс 230. Высота набора 9 500, — раздалось в наушниках.

Говорил штурман наведения. Там, на земле, отделенной от самолета многокилометровой толщей облаков, он с помощью локаторов «видел» и истребители-перехватчики и самолет-цель.

Валерий повернул машину на указанный курс. За ним последовал ведомый.

Приближался рубеж перехвата.

«Противник» ловко маневрировал. Об этом можно было догадаться по тому, что второй паре перехватчиков, которая шла где-то рядом, вдруг дали новый курс. Значит, машины «противника» разделились. Штурман на КП обнаружил это вовремя.

Валерий услышал:

— Ускорьте набор высоты!

Секунды. Драгоценные секунды! Валерий включил форсаж двигателя. Самолет словно толкнуло вперед. Стрелка высотомера быстрее побежала по черному циферблату.

Напряженно вглядываясь в темно-синее небо, Валерий искал цель. Наконец справа что-то мелькнуло. Или показалось? Он еще раз осмотрел сектор и сильнее сжал ручку. Теперь Валерий ясно видел реактивный бомбардировщик «врага». Тот шел с предельной скоростью.

— Вижу цель! — доложил Быковский.

Штурман наведения ответил:

— Цель ваша, атакуйте!

Используя выигрыш в высоте, хорошо владея самолетом, Валерий с ходу устремился в атаку, чтобы она была неожиданной для «противника». Но бомбардировщик еще имел возможность для маневра: в момент, когда ведущий и его ведомый пошли в атаку, «противник» выпустил все воздушные тормоза, рассчитывая, что истребители проскочат мимо.

Но Валерий быстро изменил план атаки. Чтобы не оказаться впереди бомбардировщика, он ринулся вверх и снова занял выгодное положение. Ведомый неотступно следовал за ним.

Новая атака. «Противник» уже ничего не мог предпринять. Кадры фотопулемета фиксировали условный огонь.

После вылета Быковский докладывал комэску майору И. В. Шиллову о выполнении задания. И когда говорил о своем маневре, легкая улыбка тронула губы командира. Валерий не мог догадаться, что Шиллов улыбается своим мыслям: «Да, молодец Быковский! Появилась уверенность, свойственная только летчикам, до тонкости познавшим «характер» своего самолета. Появился «почерк» в воздухе. Из парня выйдет настоящий ас, если он будет и дальше много работать».

«ЧИСТИЛИЩЕ»

Колеса поезда отстукивали свой обычный ритм. Далеко позади остался родной полк, товарищи и друзья, с которыми вместе летали, перехватывали воздушные цели, а свободное время отдавали спорту и книгам.

Дорога в космос началась с госпиталя. Предстояло пройти строжайшую комиссию. У летчика встреча с врачом никогда не вызывает радости. Авиационные врачи строги, неумолимы и, как ни странно, мнительны. Да, да, мнительны. Любое, даже самое малейшее подозрение толкает их на глубокие раздумья.

Бывает так: поднимется у летчика давление на какой-нибудь десяток единиц, и лицо полкового врача мрачнеет, взгляд делается серьезным, сосредоточенным. Следует многозначительное: «Да-с»...

Врач тревожится. Он начинает колебаться, хотя перед ним крепкий, розовощекий здоровяк лет двадцати пяти, со стальными мускулами, семитысячной спирометрией, чистой тональностью ритмичных ударов натренированного сердца.

Не любят летчики иметь дело с врачами. Хорошо пошутить с доктором в перерыве между вылетами, слушать его беседы о предполетном режиме или просто разговаривать о достижениях медицинской науки. Но когда дело доходит до врачебной комиссии, отношения несколько меняются.

Хотя настроение у собравшихся в госпитале было на первый взгляд хорошее — летчики, особенно молодые, не любят грустить и скучать, — чувство тревоги не покидало каждого. Врачи решали их судьбу, судьбу их мечты, их выбора, их горячего и непоколебимого решения стать космонавтами.

Не меньше других переживал перипетии обследований и Валерий. Он не имел никаких ограничений в летной работе, с детства любил спорт, увлекался футболом, фехтованием, легкой атлетикой, городками.

И, переходя из кабинета в кабинет, замечая улыбки врачей, ловя редкие одобрительные реплики специалистов, Валерий все больше начинал верить: его примут.

Первые медицинские заключения, беспристрастные и объективные, дали ему право считаться кандидатом.

Последующий цикл отбора — специальные испытания на различных установках, тренажерах, стендах, каждый из которых в какой-то степени имитировал условие, могущее возникнуть в полете. Валерий «поднимался на высоту» в барокамере. Когда из камеры откачивали воздух, врачи следили за малейшими изменениями в организме, наблюдали, как влияет на пилота разреженная атмосфера, многоканальные контрольные приборы каждую секунду вели запись деятельности сердца, мозга, дыхания, артериального давления.

Испытания были сложнее и строже тех, которые летчики проходят в частях и учебных центрах. На «космической» комиссии к кандидатам подходили с более высокими требованиями.

Отсев был велик. Кратковременная потеря сознания, появление тошноты, головокружения исключали дальнейшие испытания.

Так были выявлены самые сильные, надежные, натренированные и закаленные. В число их попал и Валерий.

В СЕМЬЕ КОСМОНАВТОВ

Новая жизнь... Кто не испытывал особой приподнятости, душевного волнения, приступая к новому, неизведанному?

Когда кандидаты в космонавты съехались в «звездный городок», тренировки начались сразу, без какой-либо раскочки.

Каждое утро начиналось с физзарядки. Потом гимнастика, легкая атлетика, игры, занятия на снарядах и батуте. День ото дня программа усложнялась — центрифуга, вибростенд, качающаяся платформа, ротор и другие специальные установки.

Снова медицинские и психологические обследования, более детальные, чем прежде. Казалось, конца не будет этому «ходению по мукам». Но те, кто прибыл вместе с Валерием, были твердо намерены силой тела и силой духа штурмовать все медицинские «преграды».

Валерий присматривался к товарищам. Они были летчиками, прошедшими первую школу в авиационных строевых частях. Все они страстно любили небо, свою профессию и до одержимости хотели стать пилотами космических кораблей. Эта мечта была и у застенчивого и доброго Юрия Гагарина. Валерию

как-то сразу полюбили и его удивительная улыбка, и ломкий молодой голос, и небольшая, но очень складная фигура. Мечтой о полете к звездам жил и Герман Титов.

«Вот интересный парень, — думал о нем Валерий. — Он и юморист, чуткий к слову, умеющий мгновенно настраиваться на волну собеседника, и неутомимый весельчак. И в то же время по-хорошему сдержан, лаконичен». Герман всегда оставался самим собой — добрым, простым, интеллигентным. Валерию нравились в Титове его способность схватывать все на лету и удивительное упорство, с которым он тренировал свое тело.

Веселый и остроумный Павел Попович казался самым старшим. Эту солидность придавала ему не внешность, а майорские погоны. За внешним спокойствием Поповича скрывалась неукротимая, очень живая натура. Он любил песни и пляс, крепкую шутку и риск. Пришел из полка, где тренировались мастера высшего пилотажа.

Все ребята были одинаково хороши, но у каждого было что-то свое, что выделяло его из общей группы.

Холостяцкое положение сблизило Валерия с Андрияном. С первых же дней знакомства они почувствовали огромную симпатию друг к другу. Валерий уловил в Андрияне самое ценное в человеке: честность, неподдельную смелость, благородство души.

Постепенно складывался коллектив, крепла дружба. Всюду ребята бывали вместе: и на занятиях и в минуты отдыха. Вскоре Валерий стал заместителем секретаря комитета комсомола. Избрали его, видимо, потому, что бросались в глаза его энергия, живость, быстрый ум. Теперь надо было смотреть шире на свои обязанности, да и комплекс подготовки принял несколько иной оборот. Чуть ли не каждый день комсору приходилось во что-то вмешиваться, кого-то убеждать, с кем-то спорить. Ритм жизни, взаимоотношения молодых офицеров, их быт не складывались сами по себе. Требовалось многое делать заново, кое-что изменить. Руководство видело в Быковском свою опору, ребята — товарища.

Роднило их то, что они не любили громких фраз. Если им давать задание, то лучше без таких слов, как «ответственность», «важность», «исключительная необходимость». Они, летчики, знали, как нужно работать, как беречь время, как сделать большое дело в сжатые сроки.

Постепенно сложилась у ребят своя традиция — честно и откровенно говорить обо всем прямо в глаза, без обиняков. Это называлось просто собраться. И они просто собирались. Возникает какой-то вопрос, ну, допустим, товарищ совершил неправильный поступок или, может быть, начинает, откровенно говоря, нос заирать. Ну вот и решают: нужно собраться. И кто-то встает, не обязательно командир, а любой и говорит: «Ребята, нам сегодня нужно собраться». Все собираются, никто не спрашивает зачем. Значит, надо.

Там Гагарину — так Гагарину, Титову — так Титову, Поповичу — так Поповичу, — любому «закладывают», если заслужил. Без длинных речей, конкретно.

К КОСМОСУ ПРИВЫКАЮТ НА ЗЕМЛЕ

На центрифугу Валерий шел со странным чувством. Это оригинальное сооружение понятно летчику, понятно по своему принципу. Вернее, даже не по принципу, а по конечному результату — перегрузке. В полетах на самолете это бывало не раз. Но как на земле можно создать определенное число «ж»? Хитрая штука эта центрифуга. А происходило все так. Космонавт усаживался в кресле в такой позе, которая ожидает его в кабине настоящего корабля. При вращении центрифуги на него действовала центробежная сила, которая прижимала, вдавливала тело в кресло.

Скорость вращения могла меняться, увеличивая или уменьшая величину прижимающей силы. Тем самым создавалась полная имитация тех перегрузок, которые возникают при выходе космического корабля на орбиту или при торможении его в плотных слоях атмосферы во время спуска.

Валерий сначала тревожился, но старался быть предельно собранным. Однако стоило креслу поплыть по кругу — тут же успокоился. Ощущение утяжеления собственного тела действительно очень напоминало то, что он испытал в полетах на реактивном самолете.

Первое испытание Валерий выдержал легко. Решили увеличить нагрузку. Тоже нормально. Прибавили еще. Стало тяжело. Это и естественно.

Усилием воли он старался предотвратить потемнение в глазах, побороть свинцовую тяжесть во всем теле. Это помогало, но перегрузка переносилась нелегко. Все быстрее вращалась центрифуга, все внимательнее следили врачи за показаниями самописцев, фиксирующих кровяное давление, дыхание, пульс, биоэлектрическую активность мозга (электроэнцефалограмму). Тревожных признаков не было.

Кресло останавливалось медленно. Нагрузка спадала значительно быстрее. Так по крайней мере казалось. Врачи контролировали, как идет процесс нервного и физического успокоения, а руководитель тренировки — врач спрашивал:

— Ну как?

— Крепко жмет. Похоже на крутой вывод из пике.

— Я не об этом, — уточняет врач. — Дыхание как?

— Дышать трудно. Да я и не понял: дышал или нет.

Врач сказал, что техника дыхания — это главное на центрифуге. Ее отработкой будут заниматься специально. А про себя думал:

«Силен паренек. Такой смог бы выдержать большее и так же улыбаться, словно ничего особенного не произошло. Есть у него выносливость, воля и стойкость. А космонавт немислим без этих качеств».

Советы врача Валерий усвоил быстро. Он научился чувствовать моменты, когда надо увеличить частоту дыхания, а когда, наоборот, заставить себя дышать глубоко и редко. Перегрузки стали переноситься легче.

Программа подготовительных тренировок обширна и разнообразна

разна. Она рассчитана на то, чтобы приучить организм к множеству условий, которые могут встретиться в космосе.

Вибростенд и трехступенной ротор, на котором космонавты тренировали вестибулярный аппарат, — процедура скорее нудная, нежели трудная. Сколько ни тренируйся — никакого результата. Так по крайней мере казалось. Раньше летчики хорошо переносили тряску, вибрации и различные вращательные манипуляции и теперь чувствовали себя на установках хорошо. К неприятной тряске быстро привыкли и даже не замечали ее.

Другое дело — полеты на невесомость. Здесь все было ново, необычно и удивительно интересно. Если подходить к явлению чисто физически, то на Земле есть только одно место, где существует естественная невесомость. Оно в центре ядра Земли. Там силы тяготения взаимно уравновешиваются и исчезают. Правда, что-то подобное частичной невесомости Валерий испытал во время полета на перехват, когда заходил на цель сверху. Выполняя маневр, он ощущал необычную легкость, и какая-то неведомая сила приподнимала его, отрывая от кресла. В таких случаях он крепче держался за ручку, стараясь «втянуть» себя на место.

Много различных предположений высказывалось учеными о возможности влияния состояния невесомости на организм человека. Среди них были и очень пессимистичные. Полеты животных на искусственных спутниках и космических кораблях доказали, что невесомость не представляет опасности для жизни. Ну, а что будет чувствовать космонавт? Сохранится ли его работоспособность? Не нарушится ли координация движений, сумеет ли он ориентироваться в пространстве? Ответов на эти вопросы не было до первого полета в космос самого человека. Поэтому-то тренировкам уделялось большое внимание.

Сначала такие опыты проводились на обычной «спарке» — двухместном истребителе «УТИ-МИГ-15». Потом на других, специально оборудованных самолетах. На них удавалось создать более длительную невесомость. Тогда космонавты стали учиться принимать в невесомости пищу, пить, вести радиообмен. И, как ни странно, читать стихи. Валерий и сейчас помнит строки Пушкина, которые он декламировал во время таких тренировок:

Сквозь волнистые туманы пробирается луна...

Потом начались более сложные полеты на больших самолетах. Здесь космонавты занимались в просторной, специально оборудованной кабине. Они пробовали крутиться, ходить по потолку, делать сальто, плавать по кабине из угла в угол, чуть отталкиваясь от обтянутых мягкой обивкой стенок.

ИСПЫТАНИЕ ОДИНОЧЕСТВОМ

И снова лаборатории. Испытание одиночеством в звуко-непропускаемом помещении — сурдокамере — Валерию выпало проходить самому первому. В чем оно будет заключаться, он сначала не понимал. Небольшая, изолированная от внешнего

мира комнатка: три на три шага. Авиационное кресло. Стол. Огромный, уходящий на конус иллюминатор. Табло с цифрами — черными и красными. Несколько приборов. Пакеты с питанием. Вот, пожалуй, и все. Больше ничего: ни людей, ни звуков, только тикают часы. И так много дней.

— Что, думаете, умру со скуки? Нет, я человек веселый. Давайте начинать.

В лаборатории все было готово. Собрались дежурные врачи, лаборантки, радиотелеспециалисты — все те, кто строго по графику должен был проводить испытание.

Авиационная психология имеет достаточно данных о психофизиологических расстройствах, возможных у пилота, летящего на скоростном реактивном самолете. Психология космическая нуждалась в более углубленных исследованиях применительно к новым условиям.

Валерий перешагнул порог сурдокамеры.

Испытание началось. Валерий четко выполнял положенные задания. Приборы требовали внимания, и он работал: следил за их показаниями, занимался с таблицей. В свободное время читал «Занимательную математику», новеллы Стефана Цвейга, книгу по психологии. Первое время мешали электроды, которые крепились на лбу, затылке, руках и ногах. Даже не так электроды, как множество тонких электрических проводов, тянувшихся к специальному щиту. Но скоро привык; рисовал карикатуры, распевал любимые песни. Правда, на такие развлечения времени оставалось мало, так уплотнялся рабочий день.

Прошли сутки, вторые, третьи... Жизнь в камере стала привычной. Первое время Валерий чувствовал себя несколько скованно, зная, что телевизионный глазок и объектив кинокамеры бдительно следят за каждым его движением, а чуткие приборы периодически записывают физиологические функции, контролируют устойчивость его организма. Но потом привык.

Неприятно было другое — так называемые помехи. Из динамиков порой, будто капли дождя, падали в тишину звуки. Резкие, неприятные. Иногда впереводку с ними вдруг мигали красные лампочки на кронштейне — назойливо, тревожно. Но постепенно он свикся и с этим.

Было время и подумать о многом. Снова вспоминались и слова отца о труде и утверждение майора Шилова: «Без элементарщины» мастером не станешь». Теперь, в немом молчании, которое время от времени становилось нестерпимым, Валерий думал и о беседе с врачом.

— Человек должен до конца представлять себе трудности, которые ему предстоит преодолеть, — говорил врач. — Когда серьезному испытанию подвергаются люди, не имеющие отчетливого представления о том, что с ними делают и для чего, нервы этих людей сдают.

Истек установленный срок, тяжелая железная дверь «камеры тишины» открылась. Товарищи бросились к нему навстречу — с цветами, распросами. Заросший густой черной бородой, Валерий шутливо ответил:

— Братцы, пресс-конференции не будет. Сначала мне нужна

бритва, потом натуральный шашлык. Только после этого вы получите интервью.

Тренировки чередовались с классными занятиями, на которых космонавты познавали сложные технические науки, изучали космический корабль и его оборудование.

Домой приходил усталый. Никаких необыкновенных случаев, ярких эпизодов. Все было гораздо проще, обыденнее, чем мечталось, и труднее — именно своей повседневностью.

КОЛУМБЫ

Космическую ракету, которая выводит корабль на орбиту, Валерий увидел летом 1960 года. Это было еще в дни подготовки полета четвероногих космонавтов.

Автобус несся по асфальтированной дороге среди огромной, бескрайней равнины. Мимо мелькали поселки и маленькие компактные города, ажурные мачты высоковольтных линий, уходящих за горизонт.

Валерий прильнул к стеклу. На повороте он заметил башенку среди степи. Расстояние до нее быстро сокращалось. Башня вырастала, стала огромной. Вскоре можно было отчетливо различить зализанное сигарообразное тело многоступенчатой ракеты-гиганта. Она поблескивала сквозь переплетения металлических конструкций стартового приспособления.

«Вот на чем совершит первое путешествие в небесные высьи кто-то из нас, — восхищенно подумал он. — Рано или поздно, и я полечу на ней в космос».

19 августа 1960 года космическая ракета вывела на орбиту корабль с Белкой и Стрелкой. Сделав восемнадцать витков вокруг планеты, они благополучно вернулись на Землю. Это был успех. Потом еще несколько пробных полетов. Приближался запуск космического корабля с человеком на борту. Валерий и его товарищи по всему чувствовали, что день, когда кто-то из них займет место в кабине, уже недалек. Об этом говорил им и Главный конструктор. Каждая встреча с ним давала будущим космонавтам много нового, волнующего и интересного.

И вот свершилось. Космический корабль «Восток» стартовал 12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут по московскому времени. Его пилотом был товарищ Валерия майор Военно-Воздушных Сил летчик-истребитель Юрий Алексеевич Гагарин.

Валерий помнит слова Гагарина перед стартом:

— Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле...

Потом маленькая кабина лифта доставила космонавта наверх,

к люку. Там его ждали врачи. До момента, когда нажмут кнопку пуска, осталось совсем немного. Все работы на месте старта закончены. Казалось, что время замедлило свой бег. Валерий почувствовал, как к горлу подступил комок. «Нельзя так волноваться, — подумал он. — Сейчас надо быть особенно спокойным».

Но попробуй быть спокойным, когда устремляется в космос первая в истории ракета с человеком на борту. Ведь это не только итог большой работы многих коллективов — это сорок четыре года Советской власти, это то, о чем девяносто лет назад мечтал Маркс, когда говорил, что пролетариат будет штурмовать небо.

Объявили 10-минутную готовность. Потом — пяти. Бесконечно долго тянется время. В наступившей тишине раздается последнее:

— Подъем!

Заработали двигатели. Ракета чуть дрогнула, медленно оторвалась от земли и, набирая скорость, устремилась ввысь, оставляя за собой ослепительно яркий огненный шлейф. В этот момент казалось, что два солнца светятся над землей. Но одно из них становилось все меньше, меньше и вскоре совсем скрылось.

Незаметно смолк и оглушительный грохот. На старте стало тихо. Все, кто был в этот день на космодроме или пунктах слежения, с нетерпением ждали первых сообщений космонавта. Ждал и Валерий, чутко вслушиваясь в малейший треск динамиков. Волновался он, наверное, больше, чем сам космонавт. Часы отсчитывают первый, второй, третий... десяток томительных секунд. И вот голос Юрия из космоса:

«Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо...»

Каждое такое сообщение Валерий слушал, сопоставляя услышанное со своими предположениями. Все шло по заранее отработанному плану. Через определенное время после старта, когда ракета прошла плотные слои атмосферы, сработала автоматика, и сбросился головной обтекатель, затем после выработки топлива одна за другой отделялись ступени ракеты.

«Самочувствие отличное. Вижу землю, лес, облака», — передал Юрий Гагарин. Голос его звучал бодро.

Подвиг свершен. Колумбом космоса стал наш, советский человек.

Юрий Гагарин уже благополучно перенес участок выведения, когда на него обрушились вибрации, перегрузки, шум двигателей. И, несмотря на все трудности, он четко выполнял задание.

— Молодец, Юра! Жми! — Сердце Валерия переполнилось гордостью за товарища. Ведь до сегодняшнего дня никто из людей в космосе не был. Каково там, должен сказать Юрий.

Новое сообщение с «Востока»: наступила невесомость — состояние, в котором еще ни один человек на Земле не был более двух минут. А Гагарин должен был находиться в этих условиях более часа.

«Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо. Бортовая аппаратура работает исправно», — снова передал Юрий.

Значит, состояние невесомости не мешает работать. Осталось ждать спуска и приземления.

Потом сообщили, что включились тормозные двигатели. Они плавно гасили скорость, а космонавт дублировал работу автоматов.

Первый в мире полет в космос Ю. А. Гагарина прошел блестяще. Он открыл окно, в которое стали видны ясные перспективы будущих рейсов в бескрайние дали Вселенной.

Может быть, не все в точности представляют объем и значение специфических и психологических проблем — не говоря уж о проблемах небесной механики, решение которых принес науке победный полет Юрия Гагарина. Но Валерий понимал это разумом и сердцем. В космос проникли уже не одни только механизмы, какой бы совершенной ни была их автоматика, не только растения и животные с Земли, но и сам человеческий мозг, человеческая воля.

Это означало открытие новой эры в истории человечества.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

14 апреля, через два дня после исторического полета, Валерий вместе со своими товарищами-космонавтами был в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Никита Сергеевич беседовал с космонавтами, как со старыми знакомыми. Дружески улыбнулся и просто, по-свойски сказал врачу:

— Ну, рассказывайте про своих орлов. Готовы они идти дальше Юрия Гагарина?

— Безусловно, Никита Сергеевич!

Никита Сергеевич заметил, что в возможности полетов еще дальше и выше теперь уже не сомневаются не только друзья Советской страны, но и явные недруги. Правда — она свое берет!

Глава правительства интересовался подготовкой и тренировками космонавтов, со знанием дела говорил о величайших перспективах начатого, высказывал смелые, волнующие планы, спрашивал мнение будущих командиров космических кораблей. В каждой фразе, в каждом слове Первого секретаря ЦК чувствовалась забота партии и правительства о нуждах космонавтики — новой деятельности человека, ставшей практически возможной в нашем, XX веке.

Валерий вместе с другими внимательно прислушивался к каждому слову Никиты Сергеевича. Он вдруг отчетливо, как никогда раньше, не только представил, но и сердцем ощутил весь огромный диапазон деяний партии. Сколько у нее дел! Она отвечает за все: за людей, за металл марتنенов, за хлеб целины, ток электростанций, большую химию, автоматизацию, науку и политику, за космос. Руки у партии крепки, глаз острый, цели правильны. Она может все. Она воля, ум и совесть миллионов советских людей. Если партия думает о космосе, он будет покорен.

Никита Сергеевич долго разговаривал с теми, кого ждут звезды, потом обвел всех добрым отцовским взглядом и от души пожелал:

— Хороших вам полетов, товарищи!

Космонавты отпраздновали успех, и снова началась будничная работа, труд по подготовке новых замечательных стартов.

По старой авиационной традиции состоялся детальный разбор полета. Докладывал Юрий Гагарин, потом выступали ученые и специалисты, анализировалась работа всей бортовой и наземной аппаратуры, действия пилота, делались выводы, заключения. Дальнейшие тренировки стали проводиться с учетом того нового, что дал первый космический рейс человека.

Вскоре пришла радостная весть. Советское правительство Указом Президиума Верховного Совета СССР наградило группу космонавтов высокими наградами. В списке награжденных значилось и имя Валерия Быковского. Ему вручили орден Красной Звезды — первую награду в его жизни.

Прошло около четырех месяцев, и настал день нового старта. Полетел Герман Титов. В космос устремился корабль-спутник «Восток-2», более совершенный, чем его предшественник.

Герман Титов не просто повторил подвиг Гагарина. Двадцать пять часов провел он в космосе — 700 тысяч километров пролетел его корабль. Обладая сильным русским характером, Титов бесстрашно жил в герметической кабине «Востока» и чувствовал себя так же свободно, как чувствует себя человек в поле во время прогулки, собирая цветы. Свобода эта была относительной только в том смысле, что в космос летают не для прогулок. Полет — это работа, работа сложная, напряженная.

Итог первых полетов — космос становился подвластным людям.

ПОМОЩЬ ДРУГА

Спасибо Герману. Он во многом помог Валерию да и всем товарищам готовиться к новым стартам.

Герман провел в космосе более суток и почти все это время находился в состоянии невесомости. После своего полета он во всех деталях рассказывал об особенностях работы в необычных для землян условиях. Ведь существовало предположение, что от продолжительности пребывания пилота в невесомости зависит, как он будет переносить перегрузки, которые наступают при торможении космического корабля в плотных слоях атмосферы.

В невесомости облегчается работа мышечного аппарата, в том числе и сердечных мышц. Предполагалось, что если состояние невесомости будет продолжаться достаточно долго, то

сердечно-сосудистой системе, привыкшей к работе в облегченных условиях, будет слишком трудно, когда начнут действовать посадочные перегрузки, и вес крови сильно возрастет.

Считалось, что может наступить расстройство кровообращения. Пока невесомость продолжалась около часа, эти явления развиваться не успевали. А вот как будет при суточном полете?

Сутки... В течение этого периода совершаются все основные жизненные циклы: человек работает, питается, отдыхает, спит. Грубо говоря, если нормально прожить одни сутки, значит и другие не страшны. Так ли это?

Герман рассказывал о сне и питании, о работе и отдыхе, о том, как он приспособивался к новым условиям. Ведь семнадцатую космическую зорь встретил он в полете, дважды включал рулевое управление.

— Невесомости, Валера, бояться нечего, — говорил Космонавт-два. — Есть, правда, небольшие особенности, которые она создает, но помехой они быть не могут. Координация движений сохраняется полностью, вести радиопередачу и работать телеграфным ключом можно свободно, записывать в боржурнал — тоже. Только приглядывай за ним, а то уплывет.

Валерий слушал товарища, а сам думал: тысячу раз был прав Никита Сергеевич Хрущев, когда говорил, что полет летчика-космонавта Титова представляет собой не просто очередное достижение нашей техники, не просто подвиг отваги и мужества советского человека, а факт, который несет в себе огромное знаменательное содержание. В нем как бы сконцентрировались и мощь нашей первоклассной индустрии, и высшее достижение советской науки и техники, и благотворная жизненная сила советского строя, раскрывающая таланты и способности масс.

Рассказывал Герман и о красках космического неба. Все это было очень похоже на то, что летчики-высотники наблюдают, поднявшись в стратосферу. Но в космосе обзор был шире, краски ярче и гуще. А наша Земля оказывается не такой уж далекой. С высоты трех сотен километров космонавт видел крупные реки, большие водоемы, леса, складки местности, береговые линии, крупные квадраты колхозных полей...

Интересно, Юрий летал в космос коммунистом, Герман — кандидатом в члены партии, а он, Валерий, собирался лететь с комсомольским билетом. Он так и сказал секретарю ЦК ВЛКСМ Павлову: надо же побывать в космических высотах и «подручному партии».

Валерий знал: час его старта впереди. Но он был всегда готов выполнить любое задание партии, народа. И конкретная задача, поставленная перед ним и его товарищами, — разведка космических трасс — будет выполнена, выполнена с честью. Знал он и то, что последующие задания должны были быть сложнее.

Неугомонный Герман использовал любую возможность, чтобы попасть на тренировку товарищей и помочь, чем только мог. Он и Юрий высказывали одно предположение за другим,

внимательно следили за действиями друзей, все замечали, анализировали, советовали.

Как пригодились потом эти советы и дружеская помощь!

Перед тем как стартовал «Восток-5», Валерий уже бывал в «космосе». Правда, полеты эти были не настоящими и совершались они не на космическом корабле, а на специальном тренаже, своего рода «спарке», на которой тренируются летчики.

Валерия одевали в скафандр, и он занимал место в кабине. Закрывался люк. Предстояло проверить оборудование, убедиться в надежности всех систем, работоспособности приборного хозяйства. После этого он нажимал кнопку радиосвязи и докладывал:

— Земля... Земля... Я — космонавт. Проверку оборудования закончил. Все системы работают нормально.

Инструктор, руководивший тренировкой, отдавал команду «Внимание! Старт!», и мощный гул, имитирующий взлет корабля, потрясал учебное помещение. Валерий должен был докладывать (точно так, как в настоящем полете) о выведении корабля на орбиту, о том, что он наблюдает в иллюминаторах.

Монотонное гудение блоков счетно-решающей машины, программирующей «полет», щелкание многочисленных реле, меняющийся фон в иллюминаторах, движущиеся по циферблатам стрелки часов и других приборов — все это в сочетании с умственной и физической нагрузкой создавало иллюзию настоящего полета, побуждало к чувствованию — предметному и объемному.

Когда корабль «находился в тени Земли», кабина озарялась искусственным светом. Затем яркий «солнечный» луч, ударяющий внезапно в иллюминатор, имитировал выход из тени. Все было как в настоящем полете: космонавт определял координаты местонахождения, докладывал о самочувствии, вел дневник.

В программу тренировки входила и ручная ориентация корабля. Выполняя эту операцию, Валерий явственно видел, как кабина медленно начинала разворачиваться иллюминатором в сторону «Земли». Сначала ее не было видно, и перед взором космонавта проплывали только звезды. Но вот краешек иллюминатора блек, и все яснее различались голубой ореол горизонта. Секунда-другая, и «Земля» заполняла весь иллюминатор. Корабль сориентирован.

Инструктор старался усложнить тренировку, создавал различные аварийные ситуации, которые требовали от Валерия чрезвычайно точных и быстрых действий, находчивости и хладнокровия.

Потом снова нарастал шум — включались тормозные двигатели, имитировался полет корабля на спуске.

Когда тренировка оканчивалась, товарищи помогали Валериию снять скафандр. Потом, подхватив на руки, подбрасывали вверх. Слышался смех, веселые шутки. Улыбался и руководитель тренажа. После короткого отдыха начинался разбор полета и ошибок, которые допускал космонавт.

НА ЛАДОНИ ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Сады в ту весну цвели, как никогда. Деревья стояли в сплошной бело-розовой пене.

Валерий любил весну, любил бродить по улицам, промытым теплыми весенними дождями, когда желтые огни фонарей расплываются на мокром блестящем асфальте. Но сейчас было не до этого. Шел последний этап сложной подготовительной работы. Валерий давно уже не появлялся дома. Перед полетом космонавтов держат на «режиме».

Валя позвонила дежурному. Он обещал позвать Валерия к телефону.

В трубке звучал знакомый голос:

— Как у вас там?

Валерий отвечал сдержанно. Хотелось подбодрить Ваю, сказать ей что-нибудь ласковое, но ведь рядом стоял дежурный.

Да, она все понимала. Но оттого, что по роду своей работы она знала больше, чем другие жены, становилось не легче. Готовился новый большой штурм космоса. Для полета отобрали группу космонавтов, которые проходили специальную подготовку. Среди них был и Валерий. Пока еще не известно, кто из них полетит. Может быть, и он...

Работы у будущих космонавтов прибывало.

Космическая техника развивается бурно, на глазах у тех, кто ее ведет в полет. Казалось бы, насколько совершенно устройство корабля «Восток». А вот «Восток-2» более совершенен. Следовательно, и все другие корабли будут отличаться от своих предшественников более отработанной аппаратурой, предельно точными приборами, системами управления и ориентации. Ведь в корабль сажают не туриста, не пассажира, а человека активного, в совершенстве владеющего техникой, умеющего понять и объяснить многое загадочное, что встретится там.

Устройство корабля и его оборудование изучалось на заводах и в лабораториях. Там будущие космонавты были уже не гостями, а хозяевами. Они подолгу беседовали с конструкторами, инженерами, рабочими, встречались и с Главным конструктором и с Теоретиком космонавтики.

Встречи с Главным конструктором Валерий запомнит на всю жизнь. Этот крепкого телосложения, среднего роста человек, с немолодым уже лицом, но удивительно живыми, слегка прищуренными глазами, обладал какой-то особой притягательной силой. Он с юношеским задором, увлеченно и страстно говорил о будущем космонавтики, с доброй хитринкой задавал каверзные вопросы «на засыпку».

Глядя на его открытое русское лицо, чуть медлительные движения — когда дело не касалось работы, — Валерий как-то с трудом сознавал, что это обычный, сугубо земной человек.

— Эх, ребята, и я мечтал полететь! — сказал он однажды, очень тепло выговорив слово «ребята». — Даже первым. Не выпускают меня с грешной земли. Да и годы уже не те. Скинуть бы десяточка два... А все равно полечу. Не первым и не пятым, конечно, а полечу.

Главный конструктор интересовался всем: и жизнью, и учебой, и личными делами космонавтов, с присущей ему прямоотой высказывал свои замечания. Рассказывал о своем пути в авиацию, о новых моделях космических кораблей, о задачах, стоящих перед наукой.

— Вам многое надо знать и уметь, ребята. Вы все, космонавты, первооткрыватели. И Гагарин, и Титов, и Николаев, и Попович, и пятый, и десятый... — говорил Главный конструктор. — Каждый полет неповторим.

Рассказывал он увлеченно, как может говорить только человек, отдающий всего себя, без остатка, любимому делу, которому посвятил жизнь.

— Необъятно широк наш мир, ребята. От атомных загадок до загадок Вселенной. Вот вы сейчас учитесь в инженерной академии. Это правильно. Это нужно. Наши спутники показали: не зря над чертежами сидим, не зря глядим в микроскопы, не зря наблюдаем звезды. Мир рукоплещет нашей науке. Но загадок во Вселенной и на Земле хватит на всех. Ваше поколение сможет поддержать на ладони лунную пыль, увидит снимки марсианских пейзажей...

ДУБЛЕР

За сутки до старта Андриян и Валерий поселились в коттедже, где провели предстартовую ночь их предшественники — Космонавты один и два. Андрияну здесь все знакомо: те же две кровати, мягкие стулья, круглый стол посередине, радиоприемник «Донец», шахматы на тумбочке, синие обои стен.

Валерий сначала осмотрелся, сел на кровать, покачался на мягких пружинах. Почти год назад такой же августовской ночью спал на ней Герман Титов. Сейчас на стене висит его портрет, а напротив портрет Гагарина.

«Интересно устроена жизнь! — подумал он. — Еще несколько лет назад все это могло быть только фантазией».

Хлопнула дверь. Приехал Гагарин со стартовой площадки, веселый, как всегда.

— Проверили сто первый раз, — бросает он прямо с порога. — Все в порядке.

Потом зашел врач, сказал, что Герман затеял дискуссию с инженерами, какими знаниями станет обладать космонавт в будущем.

— Вот уже два часа спорят. А вам — спать.

Кредучись, опустилась южная ночь — тихая, спокойная, ласковая. Последняя ночь перед стартом. Кто из них полетит завтра?

— Спать! Спать... — уже требует врач.

Чуть свет собрались на площадке около ракетной установки. Тут же, в домике по соседству с серебрящейся на солнце громадой, началось заседание Государственной комиссии. Главный конструктор, Теоретик космонавтики, ученые, врачи... Заслушиваются мнения специалистов. Генерал ВВС представил чле-

нам Государственной комиссии кандидатов на роли командиров кораблей «Восток-3» и «Восток-4» и на роли их заместителей.

Спокойно, скрывая взволнованность, Андриян Николаев сказал:

— Мы очень тронуты, друзья. Спасибо за все. Низкий вам поклон... Мы оправдаем ваши надежды.

Традиционный голубой автобус мчал их к месту запуска.

Потом доклад председателю Государственной комиссии. Главный конструктор и Теоретик космонавтики обнимают и целуют Николаева. Вот Андриян и Валерий чокаются шлемами. Такова традиция.

Андриян вошел в кабину корабля на многометровой высоте ракеты-носителя. Валерий оставался в автобусе. Дублер должен быть наготове.

Четко и лаконично докладывают руководители служб. Все чаще звучит скупая фраза: готово, готово... Наконец последнее: космонавт — готов!

Опустела стартовая площадка. Хронометр отсчитывает время готовности: пятнадцать минут... потом десять, потом...

Думая об Андрияне, Валерий отчетливо вспомнил короткий утренний разговор. Андрияша сказал тогда, что сегодня у него большой день.

— Давно я о нем мечтал, Валера...

По радио шли переговоры с космонавтом. Говорил Юрий Гагарин. Кто-кто, а он знал, что предстартовые минуты самые напряженные, и поэтому стремился подбодрить товарища.

— Андрияша, ты слышишь меня? Ни пуха ни пера. Привет от Валерки.

— Спасибо, Юра. Передай ребятам: я чувствую себя хорошо.

Потом Юрий Гагарин включил музыку. Ее любят все космонавты. Особенно вот эту: «Заправлены в планшеты космические карты...»

Минутная готовность. Шестьдесят недолгих секунд, и... Что скрывать, все немного волновались. И Главный конструктор, и Теоретик космонавтики, и дублер Валера, и все остальные. Волнение это особого рода. Волнуются не потому, что кто-то сомневается в успехе. Нет! В такие минуты просто нельзя не волноваться: человек — сын Земли — улетает на несколько дней в космос!

Последняя команда:

— Подъем!

Ослепляющее пламя ворвалось в лазурь и без того ясного дня. Прокатился глухой громыхающий шум. Взвились клубы серо-черного дыма. Медленно, словно нехотя, вздрогнуло и поползло вверх серебристое тело ракеты.

Тронулась!

Сквозь непрерывный грохот в репродукторах слышится возторженный голос Андрияна:

— Поехали!

В 11 часов 45 минут московского времени с борта «Востока-3» поступило первое сообщение: «Чувствую себя хорошо, на борту все нормально. В иллюминатор хорошо видна Земля. Космонавт Николаев».

Ракета давно исчезла в бездонном небе. Валерий стоял погруженный в свои думы, как вдруг знакомый голос тихо спросил:

— Что размечтался, дублер? За друга волнуешься?

Это был требовательный руководитель и лучший друг космонавтов. Он и врач, и воспитатель, и строевой командир, и задушевный старший товарищ, и наставник. Они постояли молча вдвоем, думая, наверно, об одном и том же.

Интересное это слово — «дублер». Это не дубль, не дубликат. Это совсем другое. В этом простом, может быть, даже казенном слове заложен большой смысл. Кто-кто, а космонавты знают этот смысл. Его словами не передашь, его чувствовать надо. А уж если и попытаться высказать словами, то лучше поэта Валентина Вологодина не скажешь:

Глухая ночь.
Глубокий сон.
Два сердца
    бьются
                    в унисон.
Рассвет
    невозмутим
                    и тих.
Горячий завтрак
    для двоих.
На два плеча
    ложится жгут.
Двоим, прощаясь,
    руку жмут.
Один приказ.
Один маршрут.
Два места
    их в машине
                    ждут.
Корабль
    нацелен
                    в высоту.
Один
    переступил
                    черту.
Другому —
    в следующий
                    раз.
Подъем
    стремителен
                    и крут.
Тяжелый путь.
Суровый труд.
За горизонтом
    гром утих.
А друг
    далек
                    и невесом.

Дорога космонавту красота Земли!

Два сердца
    бьются
            в унисон,
И боль
    и радость —
            на двоих.

На командном пункте космодрома и на станциях слежения слушали доклады из космоса. Люди собирались у телевизионных экранов. На голубоватых светящихся квадратах хорошо был виден космонавт, спокойно расположившийся в кабине.

Четвертый виток. Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущев при-

нял доклад еще одного космонавта-героя, Андрияна Григорьевича Николаева.

Корабль «Восток-3», делая первые витки, облетал нашу планету со строгой периодичностью в 88,5 минуты, а на космодроме уже действовал график подготовки следующего запуска. Государственная комиссия приняла решение дать старт «Востоку-4» на следующий день.

Заданий у Валерия было много. Надо было дежурить на станции слежения, помогать собирать и обрабатывать информацию, получаемую с «Востока-3», и одновременно помогать готовить к полету Павла Поповича. Вечером 11 августа Космонавт-четыре проходил последние физиологические обследования. В размеренную рабочую обстановку ворвалось сообщение:

— Сейчас над космодромом пролетит Николаев!

Павел секунду колебался, потом прямо вверх измерительных датчиков набросил на себя халат и выскочил на улицу. Вслед за ним бежали Валерий и Космонавт-шесть. Вот она, движущаяся звездочка. Она отчетливо видна на черном бархате неба. В течение нескольких минут они стояли молча, а потом, улыбнувшись, Паша сказал:

— Сегодня посмотрел на друга с Земли, а завтра увижу его в космосе. Ведь так, Валера?

— Так, Паша, так.

И вот новый большой старт.

Второй! Подряд! Разница лишь в том, что на этот раз председателю Государственной комиссии рапортовал летчик-космонавт подполковник Павел Романович Попович, а дублером у него был Космонавт-шесть.

Звучит сдержанное:

— К полету готов!

Снова раздалась команда: «Подъем!» Снова вздрогнула земля от грохота двигателей. Корабль «Восток-4» спешил туда, где уже сутки жил и работал гражданин Советского Союза майор Николаев. Такого еще не было в истории.

12 августа 1962 года в 12 часов 30 минут Земля приняла коллективную радиogramму из космоса:

«Докладываем советскому народу,

Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза,

Правительству СССР,

Товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву.

В соответствии с заданием идем на совместный групповой полет на близком расстоянии. Между кораблями установлена надежная связь. Системы кораблей работают отлично.

Советские космонавты Николаев, Попович».

Да, их стало двое в космосе. Два советских человека, два летчика, два коммуниста. Они летели на близких орбитах, они разговаривали в космосе, они наблюдали за полетом соседнего корабля в иллюминаторы. Это был первый в мире групповой полет космических кораблей.

Врачи вглядывались придирчиво в показания приборов с бор-

та космических станций и, честно говоря, ждали появления признаков «космической» болезни. Глядя на них, тревожились и товарищи героев. Но прошли сутки, вторые, третьи... Начались четвертые. Четыре дня и четыре ночи продолжался этот исторический полет, за которым следила вся планета.

— Самочувствие отличное, — радовал Николаев.

— Самочувствие отличное, — вторил ему Попович.

И многочисленные приборы бесстрастно докладывали объективные данные: «космической болезни нет». Значит, невесомость побеждена.

«Восток-3» и «Восток-4» приземлились в заданном районе. Они пробыли в космосе 166 часов, сделали 112 витков вокруг Земли, прошли 4 миллиона 600 тысяч километров! Разница во времени приземления всего лишь 6 минут! Скоро другие старты.

НА ПОСЛЕДНЕЙ ПРЯМОЙ

После полета Андрияна и Павла программа подготовки стала еще более обширной. Оно и понятно. Появился опыт многосуточного группового полета.

Порой все шло гладко, без сучка, без задоринки. А бывало, приходилось приналечь, позаниматься покрепче, посидеть попозже над описаниями, методическими разработками, чертежами и схемами. Надо тянуться за передовиками. Таков неписанный закон космонавтов — не отставай.

И в эти трудные дни пришла долгожданная радость: жена подарила Валерию сына. Весь день сияющие молодожены принимали поздравления товарищей. Вечером собрались ребята. Принесли шампанское и огромный букет мимоз. Цветов оказалась столько, что маленькая хозяйка не знала, куда их ставить. Ну, а шампанское? Известно — космонавты не пьют спиртного, но в такой день от бокала отказываться нельзя.

Валерий был на седьмом небе. Он настолько уверовал, что у него родится сын, что смело подтрунивал над своими женатыми друзьями. У Юрия — две дочери, у Паши — тоже дочка.

Задор Валерия объяснялся просто. Еще задолго до отъезда Вали в роддом ребята «пугали» его, пророчили дочь.

— Жди дочку, Валерка. Статистика работает не на тебя. Даже газеты пишут, что в Союзе рождается большинство девочек.

А сколько шуму было, когда решали, какое имя дать «будущему космонавту». Но Валя настояла на своем — сын будет носить имя отца. Валерию это льстило, и он гордился.

Потом ребята толпились у кровати безмятежно спавшего малыша. Любуясь сыном товарища, Юрий Гагарин сказал:

— Вылитый отец. Наверное, и характером в тебя пойдет. Будет таким же упрямым, настойчивым и решительным, не отступающим ни на шаг от задуманной цели. Кем он вырастет?

Врачом или инженером, летчиком или космонавтом, полярником или моряком-подводником?

— Космонавтом! — ответили в один голос Андриян и Павел.

И родители малыша их поддержали.

...Заключительный период тренировок можно сравнить с выходом бегуна на последнюю прямую перед финишем. Надо, собрав волю и силы, еще сильнее рвануться вперед.

Валерий отлично «пробежал» на последней прямой. Высокие оценки на экзаменах перед Государственной комиссией, хорошая общая подготовка, единодушное заключение врачей — все это открывало перед ним кабину космического корабля.

Весной много писали о полете американского космонавта Гордона Купера. Сначала предполагалось, что капсула «Фейт-7» будет запущена 2 апреля, потом утром 14 мая. Но этого не случилось. Ряд неполадок в системах привел к отсрочке старта сначала на полтора месяца, потом еще на сутки.

Гордон Купер все-таки совершил 22 витка вокруг Земли. Его полет продолжался около 34 часов. Он установил американский рекорд по продолжительности орбитального космического полета, но мировой рекорд по-прежнему остался за Советским Союзом. Андриян Николаев приземлился после 64 витков.

Валерий знал, что программа предстоящего полета, в котором должен был участвовать и он, ни в коей мере не сравнима с тем, что сделали американцы. Его корабль готовили к многосуточному космическому рейсу. Задачи, которые ставились перед пилотом, были более обширны. А самое главное, что в паре с ним должна была лететь девушка, первая в мире девушка-космонавт.

Валерий ее знал хорошо. Он помнит день, когда девушки впервые приехали к ним в городок, помнит, как состоялось их первое знакомство, как они вместе тренировались.

Сближало их еще и то, что Валя Терешкова тоже пришла с комсомольской работы. Она была секретарем комитета на ярославском ткацком комбинате «Красный Перекоп», избиралась членом бюро горкома и обкома ВЛКСМ, так же как и Валерий, любила парашютный спорт.

Прыжков на личном счету Терешковой было даже больше, чем у Валерия. Она имела первый спортивный разряд, охотно делилась своим опытом. Взаимная помощь способствовала успеху в тренировках.

Так же как и Валерий, Валя с нетерпением ждала своего полета. Им обоим хотелось, чтобы это произошло поскорее. Они не обольщались относительно значимости того, что им предстояло сделать. Считали предстоящее довольно обычным и рядовым. Но в то же время и Валерий и Валя прекрасно понимали, что технический прогресс и покорение космоса воплощаются сейчас в виде длинной лестницы «рядовых» полетов, «рядовых» экспериментов. И даже великое открытие, если оно будет, станет лишь площадкой на этой крутой и трудной лестнице. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой нужно карабкаться по космической лестнице вверх, чтобы увидеть горизонты далеких планет. Полет, который они совершат на своих кораблях, возможно, даст толчок к новым поискам, новым победам.

«ТЫ МОЛОДЕЦ, ВАЛЕРКА»

...Апрель сменился жарким маем. Теплынь в этом году была необычная. Когда на дворе тридцать, трудно заставить себя сидеть за книгами, но иначе нельзя. Приближалось время старта.

В один из вечеров, когда оранжевый блин солнца прилег отдохнуть на темном гребешке леса, Валерий и Валя прогуливались по аллеям затихшего «звездного городка». Разбирали последнее занятие. Из окна дома их кто-то окликнул:

— Ребята, минутку!

Они остановились. Вскоре вышел секретарь парткома, и они зашагали втроем.

— Что молчите? Наверное, думаете, зачем позвал? — заговорил секретарь, обняв их за плечи. — Дело есть, и очень важное. Завтра партийное собрание. Последнее собрание перед стартом...

Валерий хотел заметить, что он еще комсомолец, но, подумав, промолчал. Секретарь знает это, и, если приглашает на собрание коммунистов, значит так надо.

Утром Валерий пришел к учебному корпусу. Здесь собрались его товарищи по отряду, командиры, преподаватели. Дружной четверкой явились Юрий, Герман, Андриян и Павел, подошли и девушки. У всех было торжественное, приподнятое настроение, слышались шутки, веселый говор, и у Валерия на сердце было радостно и легко, но в то же время чувство скрытой тревоги не покидало его. Что он скажет своим товарищам на собрании, которое уже стало традиционным у космонавтов? Такое собрание было накануне полета Юрия, собрались коммунисты и перед другими стартами. И вот снова...

Валерий устроился в конце небольшого зала. Хотелось немного побыть одному и еще раз собраться с мыслями. Правда, сосредоточиться так и не удалось: к нему подсели Герман и Андриян.

Первым выступил Юрий Гагарин. Он как командир отряда доложил о готовности двух экипажей, мужского и женского, к предстоящему полету, коротко рассказал о проделанной работе, пожелал успешной посадки тем, кто отправится в очередной космический рейс.

За ним на трибуну поднимались Попович, Титов, Николаев, командир космонавтов, врачи и преподаватели.

Потом попросил слова Валерий. Когда председательствующий назвал его фамилию, в зале стало особенно тихо. А может быть, это просто ему показалось. Волновался он здорово. Никогда раньше такого не было, ни в сложном ночном полете, когда на самолете отказал прибор, ни на отборочной комиссии, ни в тиши сурдокамеры, ни перед посадкой в центрифугу. Все это казалось много проще, чем выйти к столу и рассказать товарищам, о чем он сейчас думает, что переживает.

Валерий быстро подошел к трибуне, помолчал немного и, наконец, непривычным для себя голосом тихо произнес: «Товарищи...»

И хотя речь свою Валерий не готовил заранее, нужные слова нашлись.

— Так уж повелось, что, отправляясь на задание, мы даем клятву верности долгу, клятву сердца.

В космосе побывало четверо моих друзей, четверо коммунистов. Они с честью выполнили задание нашей партии. Я комсомолец. Ленинский комсомол — подручный партии. И если мне доверят свершить этот полет, я сделаю все, чтобы выполнить его, как подобает коммунисту...

Валерий не расслышал одобрителльные возгласы, не видел он и лиц сидящих перед ним людей. Он весь был сосредоточен на своих мыслях и еще раз тихо повторил:

— Как подобает коммунисту.

Потом выступала Валя Терешкова — первая девушка, которая должна была подняться в далекий и суровый космос. Когда собрание закончилось, она подошла к нему и как бы невзначай сказала:

— А ты молодец, Валерка!..

КОМСОМОЛЕЦ С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Многое в это утро было похоже на то, что видел Валерий 11 и 12 августа прошлого года.

Голубой автобус доставил космонавтов к стартовой площадке. Весь недолгий путь от «звездного городка» к космодрому Валерий и Андриян сидели вместе. Говорили просто так, обо всем. Спели традиционную «Давай, космонавт, потихонечку трогай!...».

Короткий доклад о готовности к полету. Прощально поднятые руки.

Валерий обвел всех взглядом. Знакомые лица членов Государственной комиссии, инженеров и рабочих на старте. Те же бодрящие улыбки в глазах, та же уверенность в успехе полета.

Серебристая огромная фантастическая сигара почти сливалась с белесым от безжалостного солнца небом и будто дрожала, то ли от марева, то ли от нетерпения: скорее, скорее оторваться от Земли и умчаться в бездну Вселенной! Наступили последние минуты. Десять, девять, восемь, семь...

Последнее сообщение: до старта осталась одна минута! — прошло сердце насквозь. Нет, не от волнения. От нетерпения, от жажды как можно скорее увидеть и испытать то, о чем он слышал от товарищей.

В наушниках раздался голос Юрия:

— «Ястреб», проведено измерение физиологических функций. Все показания хорошие. Так держать!

Потом еще:

— «Ястреб», будьте готовы!

И вот заветная команда:

— Подъем.

На этот раз он ее услышал не в помещении командного пункта, как раньше, а сидя в пилотском кресле «Востока-5».

Ракета вздрогнула. Ракета вибрировала от мощных усилий.

В немое пространство космоса, где много опасностей, и уже хорошо изученных, и только замеченных, и тех, которые еще нельзя даже предвидеть, устремился комсомолец с планеты Земля.

Быстро возрастали перегрузки. Сила инерции утяжеляла тело, все сильнее и сильнее вдавливала Валерия в кресло. Трудно было пошевелить рукой или ногой. На груди будто каменная гора. Сердце, кровь, даже мозг отяжелели. Он дышал уже не ртом, а животом. Надо уметь так дышать.

— Перегрузки растут, — передал он в микрофон. — Все отлично.

Прошло всего несколько десятков секунд. Перегрузки росли. От этого казалось, что короткие секунды вытягиваются в длинные-длинные минуты. Подобное он уже испытал на центрифуге. И сейчас в полете старался убедить себя, что навалившаяся на него тяжесть меньше той, с которой познакомился он на тренировках. Ракета еще набирала скорость, а Валерий уже включился в работу. Он следил за приборами, поддерживал связь с Землей, вел наблюдения в иллюминаторы.

Одна за другой отделились выработавшие топливо ступени ракеты-носителя. Смолкли двигатели. Корабль вышел на расчетную орбиту и достиг необходимой скорости. Валерий почувствовал неземную легкость: «Вот она, невесомость!»

С командного пункта сообщили, что все идет нормально. Валерий это чувствовал и сам и ответил, что на «борту тоже порядок». Солнце заглядывало в иллюминаторы корабля.

ПЯТЬ ДНЕЙ В ЗВЕЗДНОМ ОКЕАНЕ

Так начался этот многосуточный полет. Советский космонавт управлял космическим кораблем, который мчал с огромной скоростью. Работы хватало. Земля принимала информации из космоса. Конструкторов интересовало, как действуют системы корабля, физиков — уровень радиации, медики запрашивали физиологические данные. Конечно, Валерию помогали приборы и автоматы. Ученые сопоставляли данные космонавта с показаниями множества приборов. Малейшее отклонение от заданных норм, и Земля примет нужные, срочные меры. Но в этом не было необходимости. Все шло хорошо.

Первые полтора часа пролетели одним мгновением. Бортовые часы показывали 16 часов 36 минут московского времени, когда с «Востока-5» приняли радиограмму о завершении первого витка и начале второго. Космонавт докладывал Центральному Комитету, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву о ходе полета: «...самочувствие отличное, системы корабля работают нормально, полет проходит успешно. Благодарю советский народ, родную партию и правительство за оказанное мне доверие».

Земля следила за своим сыном. Врачи вели строгий учет частоты пульса и дыхания космонавта, температуры воздуха в кабине, его влажности и процентного содержания кислорода. Расчетные центры уточняли параметры орбиты. Валерий в это время работал.

Картина, которая предстала перед его взором, была необыкновенной. Черное-черное небо с яркими немигающими точками звезд и Земля, очерченная непередаваемо красивым голубым ореолом.

«Да, правы были ребята, когда восхищались этой картиной,— подумал он и заулыбался. — А ведь Земля действительно круглая...»

— «Ястреб», — послышался далекий голос со станции слежения. — Как самочувствие?

Что можно ответить на этот вопрос? Валерий понимал: длительный полет — это не просто путешествие в черном океане тишины и безмолвия, в мире невесомости и перегрузок. Но у него было такое впечатление, что самое трудное все-таки осталось позади... А что это самое трудное?

Вспоминается центрифуга с ее бешеной вращательной скоростью, духота термокамеры, «бегущая дорожка», ротор... Да разве все перечислишь! Да, сначала мужество на Земле...

Уже привычный и налаженный ритм космической жизни вдруг приобрел для Валерия особый, новый смысл. Валерий в этот момент ощутил такой прилив радости, что даже и передать трудно.

С Земли передавали текст телеграммы Никиты Сергеевича Хрущева. Она заканчивалась словами: «С радостью обнимем Вас на нашей родной Земле».

На нашей родной Земле... Мгновенье, одно лишь мгновенье нужно, чтобы произвести запуск космического корабля. Минуты необходимы для взлета ракеты, выводящей корабль на орбиту спутника Земли. Но годы и месяцы титанического труда предшествовали этим минутам и мгновениям...

Думая об этом в первые часы своего полета, Валерий вспоминал первые годы своей комсомольской юности. Началась она, эта юность, в 1952 году, когда секретарь Бауманского райкома Москвы вручил ему комсомольский билет.

Сейчас он вспомнил, как, выйдя из кабинета, долго рассматривал маленькую серую книжицу, знакомый и дорогой силуэт Ленина на ее обложке — символ служения человеку, борьбы за него, горения ради людей.

Вот уже десять лет, как Валерий член ВЛКСМ. Здесь он встретил хороших, чутких и умных людей, которые помогли ему определиться в жизни: товарищи по школе, военному училищу, авиационной части и, наконец, «звездному городку».

И все эти десять лет он свято хранил верность клятве, данной в райкоме, — быть достойным звания комсомольца.

Корабль вошел в ночь. Внизу россыпью огней проплывали большие города. Валерий уточнил свое местоположение — он летел над родной страной.

«А ребята, наверное, сегодня летают», — вспомнил об однополчанах. Может быть, кто-нибудь из его старых друзей смотрит сейчас из кабины истребителя на звездное небо и ищет

среди множества мерцающих звезд ту, на которой летит он? Так Валерий во время одного из полетов в 1958 году искал в таком же ночном небе спутник.

...Поздно ночью, когда «Восток-5» проплывал по небу маленькой, но яркой звездочкой, Валерий пожелал землякам спокойного сна и уснул сам. Уснула Земля, вернее, та ее часть, которая находилась под покровом звездного неба, уснули те, кто давно закончил свой трудовой день. Не спали лишь дежурные на пунктах слежения...

Утро началось по-земному: зарядка, умывание, завтрак. В эфире снова прозвучал знакомый голос:

— Я вижу тебя, Валерка. Мы видим тебя. Ты слышишь нас? Улыбнись, если слышишь... Мы готовим тебе цветы.

— А заслужил? — ответил космос.

— Ты еще спрашиваешь...

Валерий улыбался.

Вспомнился вдруг вечер 10 августа минувшего года. Все приготовления к полету были закончены. Осталась последняя ночь. Ночь перед стартом. Герман, понимая состояние перед полетом Андрияна и его дублера Валерия, вспоминал различные «мелочи», которые нужно учесть перед стартом, — вспоминал весело, с шутками, смехом.

Потом Валерий остался с Андрияном вдвоем. У них было с полчаса перед очередной встречей с врачами. Валерий, задумавшись, сказал:

— Ну вот, Андрей, завтра ты станешь Космонавтом-три.

Помолчали, любуясь в окно красками заката. Каждый думал о своем.

— Здорово получается...

— Что? Ты про закат? — спросил Андриян.

— Я о завтрашнем. Ведь это уже третий старт, Андрюша. Третий в нашей стране. И такая огромная программа. Здорово! Рад за тебя.

— Спасибо, Валерий. Придет время, и я за тебя порадуюсь. Верить?

— Тебе? Всегда — ты ведь знаешь.

— Павел — четвертый. А ты, Валера, будешь пятым, — убежденно сказал Андриян, а потом, встрепенувшись, добавил: — А впрочем, Валерий, почему ты пятый? Ведь пришли мы в группу космонавтов все вместе, вместе начали учебу и тренировки. Помнишь сурдокамеру? Кто первый шагнул за ее порог? Кто первым испытал «прелести» безмолвия? Ты, так ведь?

— Было такое, — нехотя согласился Валерий.

— А помнишь, когда ты вышел из сурдокамеры, очень усталый от необычного испытания, как мы накинулись на тебя с расспросами? Ты был первый, и твой опыт нам очень пригодился. Так что все мы по первопутку идем.

Все ребята помогали готовиться Валерию к полету. Так уж повелось у космонавтов: за большое дело берутся сообща. Накануне старта, когда Валерий изучал журнал корабля, Юра и Валя укладывали пакеты с едой — его багаж. Герман и Андрей пропадали на старте, наблюдая за подготовкой ракеты. Павел каждый день звонил из Москвы, задавая бесконечные: «Ну, как там у вас?»

И вот теперь, когда Валерий летел в космосе, все они словно были рядом.

— «Ястреб», «Ястреб». Ты узнаешь голос? — спрашивала с Земли Валя Терешкова.— Привет тебе, горячий привет!

А он улыбался и отвечал:

— Жду...

Правильно говорят, что одинаковых дней не бывает. Даже в космосе, где корабль «Восток-5» со строгой периодичностью наматывал на планету виток за витком, дни полета не были похожи один на другой. В один из них Валерий разговаривал по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

— Дорогой Никита Сергеевич, я глубоко взволнован словами Вашего теплого привета. От всего сердца благодарю Вас, Никита Сергеевич, за отеческую заботу. Для меня, воспитанника комсомола, нет выше чести, как выполнять любое задание Советской Родины. Мечтаю быть коммунистом, членом нашей великой ленинской партии. От всей души благодарю советских людей за добрые пожелания. Сделаю все для того, чтобы успешно завершить программу полета. Космонавт Быковский.

Н. С. Хрущев: Еще раз поздравляю Вас, Валерий Федорович. Голос Ваш звучит довольно бодро. Вы меня хорошо слышите?

В. Ф. Быковский: Я хорошо слышу Вас, Никита Сергеевич, большое спасибо.

Н. С. Хрущев: Желаю Вам счастливо завершить полет по намеченной программе и приземлиться на родной земле.

В. Ф. Быковский: Никита Сергеевич, задание будет выполнено. Большое спасибо.

Н. С. Хрущев: Народ Вас встретит с большим радушием. Желаю успеха. До свидания.

В. Ф. Быковский: Никита Сергеевич, большое спасибо Вам за все. До свидания.

Н. С. Хрущев: До свидания.

Пролетая над различными континентами, Валерий передавал приветствия народам Европы, Азии, Америки... Посланец великого советского народа, он нес над миром знамя социалистической Отчизны.

«Я — «ЧАЙКА»!»

Валерий сказал ребятам:

— Жду...

Он ждал «Чайку». И вот в космосе прозвучал новый позывной. Земля запрашивала «Ястреба» и «Чайку». Валерий слышал эти сигналы. Между кораблями «Восток-5» и «Восток-6» установилась двухсторонняя связь. Их командиры словно пожали друг другу руки.

Помнится, Валерий как-то шутил: если в космос полетит де-вушка, то к зеркальцу, укрепленному на правом рукаве скафандра, приделают еще и карманчик для пудреницы, помады и других «космических» принадлежностей.

Валя смеялась.

Валентина Терешкова — курсант аэроклуба.

— Спасибо за идею...

И вот Валя в космосе. Валя — «Чайка». «Теперь ее только так и будут звать наши ребята», — подумал Валерий.

Валерий помнит, как он первый раз встретился с Валею. Ребята и девушки сначала стояли поодаль группа от группы, разглядывая друг друга с нескрываемым любопытством. Потом Валерий подошел к девушкам, протянул руку:

— Ну что ж, давайте знакомиться, я Быковский.

Космонавты живут дружной семьей. Здесь нет друг от друга секретов, поэтому-то и знают все друг о друге.

Валерий знал, что Валя росла и жила среди рабочих людей. Отец Вали погиб в 1940 году, когда ей было три года. Боль-

шое горе и большие заботы пегли на плечи ее матери: трое детей, один другого меньше, требовали постоянного внимания и ухода. Особенно трудно было во время войны.

В школьные годы самой большой Валиной мечтой были паровозы. Да, да, паровозы с трубой и шлейфом дыма, которые проходили через Ярославль, тащили за собой длинные составы вагонов.

— Смотришь в окно мчащегося поезда, — рассказывала Валя, — и кажется, что не он несется вдаль, а поля и перелески, поселки и заводы бегут ему навстречу. А впереди — насколько хватит глаз — стальные пути, которые увезут тебя на край света.

После окончания седьмого класса Валя твердо решила поехать учиться в Ленинградское железнодорожное училище. Мама ее протестовала: «Куда ты, такая маленькая, не примут тебя». Валя украдкой подходила к зеркалу, смотрела на себя, на две маленькие косички, которые мальчики в школе называли «крысиными хвостиками», пыталась подтягиваться на цыпочках, хоть самой себе казаться повыше, но с горечью убеждалась, что она очень маленькая.

Валя пошла на шинный завод: семья нуждалась в ее помощи. Правда, старшая сестра Люда уже работала ткачихой. Но Валя решила, что надо трудиться и ей.

План жизни у нее был такой: работать и учиться. Поначалу все казалось просто: встать пораньше, плеснуть в лицо холодной водой, одеваясь, дожевать вчерашний пирожок и бежать на завод, а вечером — на занятия.

Поклялась обязательно закончить вечернюю школу. В семнадцать лет легче всего давать себе обещания. И труднее, чем когда-либо, выполнять их. Попробуй учить физику или повторять функции угла, когда ты устала на работе, а подружки зовут на набережную, к Волге. Трудно устоять против соблазнов, но откладывать учебу до следующего года Валя не хотела.

Мечта о паровозе постепенно ушла. Дома у Вали появились книжки о летчиках. Читала она их с увлечением и восхищением. Особенно полюбили ей записки И. Н. Кожедуба — известного летчика, трижды Героя Советского Союза.

Валя рассказывала, как однажды увидела она в журнале фотографию темноглазой девушки. Все в ней — и ладно сидящий комбинезон, и тугие лямки парашюта, и даже само имя — Надежда Пряхина — привлекало взор. А когда прочла, что она прыгнула в ночной тьме с самолета и целую минуту и еще несколько секунд пролетела, не раскрывая парашюта, у нее даже дух захватило. Больше минуты лететь в холодной ночной бездне! Да, это не всякий сможет...

«А смогу ли я прыгнуть с парашютом?» — думала Валя. Прыжок с парашютом представлялся ей чем-то фантастическим.

Так было тогда. Сейчас на счету Вали Терешковой более сотни прыжков.

В трудное для нее время Валя перешла в прядильный цех. Она упорно трудилась, училась у людей, не избегая черновой работы. И, несмотря на срывы, — а они были, конечно, — почувствовала себя на комбинате, словно в родной семье. И как-

то само собой получалось — то на собрании ее кандидатуру выдвигали в президиум, то, когда речь шла об ответственном задании, его поручали ей. Комсомольцы поддерживали Валию, помогали, а потом избрали секретарем комитета.

Больше тысячи комсомольцев работало на комбинате. Раньше у Вали и в мыслях не было, что придется руководить такой массой молодежи. С чего начать? Как увлечь ребят? Снова бессонные ночи, снова раздумья...

С какой теплотой рассказывала Валя о своих товарищах, которые работали с ней на комбинате «Красный Перекоп»! Слушая ее спокойный задушевный голос, Валерий думал всегда:

«Какая хорошая черта — любовь к людям. А ведь именно эта черта, пожалуй, главная у Вали».

Сейчас, в полете, Валерию вспомнился один эпизод, рассказанный в свое время Валей Терешковой... Была осень. Осень 1961 года. Синее-синее небо необъятным шатром повисло над Волгой, над зеленым ковром полей, над верхушками далекого леса. Если лечь на спину и долго, не отрываясь, смотреть ввысь, то покажется, будто не белые барашки-облачка безмятежно плывут над землей, а ты сама паришь в голубом океане.

Ребята и девушки из Ярославского аэроклуба, среди которых была и Валя, отдыхали после прыжков.

Запрокинутые вверх головы. Тишина. Каждый думал о чем-то своем. Так им казалось. А когда вдруг разговорились, то выяснилось, что мысли у всех были одни — «космические».

Космонавтика... Это новое слово вошло в жизнь ярославских парашютистов. А потом полет Юрия Гагарина, Германа Титова...

«Стало быть, началось!» — думала Валя. Наверное, недалек тот день, когда в космическую высь поднимется советская девушка и громко, чтобы слышали все, скажет: «Здравствуй, Вселенная!»

Так оно и получилось. Весь мир слышит ее позывные:

— Я — «Чайка», я — «Чайка». Все идет хорошо!

РАДИОГРАММА ИЗ КРЕМЛЯ

Валерий — «Ястреб». Этот позывной ему дали перед стартом. «Орел», «Кедр», «Сокол», «Беркут», «Ястреб» и вот теперь — «Чайка».

...Уже более четырех суток «бороздил» космос «Восток-5». Перекрыты все рекорды по дальности и продолжительности орбитального полета, а впереди еще много витков. Так предусмотрено программой.

В одном из сеансов связи Валя сказала:

— Валерик, чтобы тебе не было скучно, я постараюсь спеть нашу любимую песню космонавтов.

И Валерий слушал.

Валерий работал по программе. Сделаны кадры Земли из

космоса, он несколько раз выходил из кресла, плавал по кабине, все свои наблюдения записывал в бортовой журнал. Время летело быстро. На каждом витке, через каждые полтора часа, ночь сменялась днем. Таким образом, за одни сутки космонавт семнадцать раз встречал день и семнадцать раз попадал в темноту ночи.

Ночью Валерий наблюдал Луну. Она из космоса смотрится совсем иначе, чем с Земли. Это уже не плоский «блин», который мы привыкли видеть в светлые ночи. Валерий видел ее совсем близко, видел как шар, ощущал пространственную выпуклость «ночного светила».

Луна... Это вторая часть нашей двухпланетной системы. По существу, другая планета. Самая близкая, но отдаленная от нас более чем на треть миллиона километров межпланетного пространства. Она самая знакомая на ночном своде и в то же время полна волшебного очарования. Кажется совсем безучастной ко всему земному, но тормозит вращение нашей планеты на две тысячные секунды каждые сто лет, поднимает воды океанов живым дыханием приливов и отливов. Луна полна необъяснимых загадок гигантских кратеров, кольцевых хребтов, она мертва и безвоздушна. Ученые считают, что жизнь на ней невозможна, и это действительно так. Но дайте людям ступить на ее поверхность, и они все переделают. Люди все могут.

Валерий верил в это, верил всей душой. Более того, у него не было сомнений, что пройдут годы, но рано или поздно на Луну ступит нога человека, и тогда — ради справедливости, иначе просто нельзя — на Луне воздвигнут грандиозный монумент Циолковскому и Кибальчичу, Цандеру и Кондратьюку... И не только это: на гранитных плитах огромными золотыми буквами будут высечены имена тех ученых, которым обязаны все мы стремительным космическим взлетом.

«Восток-5» продолжал свой полет. Где-то рядом находился второй корабль. Валерий и Валя пролетали над просторами родной страны, над Волгой и Москвой, над тайгой и степью, над вершинами гор и просторами морей. Люди Земли жадно ловили каждое их сообщение и каждый раз улыбались друг другу, когда узнавали, что «самочувствие обоих космонавтов отличное. Полет продолжается».

В часы, когда в Большом Кремлевском дворце открылся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, на борт «Востока-5» поступила радиограмма. Зачитывал ее Герман Титов:

«Товарищу В. Ф. Быковскому.

В одной из радиограмм Вы просили принять Вас в ряды ленинской партии.

ЦК КПСС рассмотрел эту просьбу и принял постановление о приеме Вас в члены КПСС.

Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев».

Наверное, ни одна радиограмма в космос не была передана столь взволнованно, да и данные пульса и дыхания Валерия, которые столь интересовали врачей, на этот раз вышли из привычных пределов. И пусть никто не сетует на это. У человека радость, огромная радость. Он горд, он счастлив. Его ру-

ка тянется к переключателю на пульте управления, он вызывает Землю, он просит срочно принять его сообщение, он должен сказать. И Земля слушает голос своего сына.

«ЦК КПСС

Москва, Кремль.

От всего сердца благодарю нашу родную Коммунистическую партию за высокое доверие — прием меня в ряды КПСС.

Я оправдаю Ваше доверие. Задание Родины и партии будет выполнено отлично. Космонавт Быковский».

Земля приняла слова из космоса. Их тут же передали туда, где коммунисты страны обсуждали очередные задачи идеологической работы партии. И Пленум ЦК пожелал командирам «Востоков» пять и шесть успешного завершения совместного исторического космического полета.

В этот день наземные станции слежения слышали пение «Ястреба» и «Чайки» в космосе. На звездных орбитах состоялся первый в мире космический дуэт. Валерий и Валя пели песню о дружбе, любимую песню Космонавта-пять.

ВСТРЕЧАЕТ ЗЕМЛЯ

Люди Земли сорвали уже пять листов с календаря, а Валерий и Валя все еще были в космосе. Один за другим зачеркивались пункты программы полета: «Выполнено, выполнено, выполнено...» Начался 82-й виток. Последний виток! Подана команда на спуск. Надет шлем, сделано все, как предусмотрено инструкцией. Последний радиобмен между «Востоками» был коротким:

— Валера, счастливого приземления. Я пошла...

— Валя, всего хорошего, счастливой посадки.

«Восток-5» слушался безукоризненно. За стеклами иллюминатора было видно, как светится воздух плотных слоев атмосферы, рассекаемый телом корабля. Как спускаться? На Земле сказали перед полетом: «Сделаешь так, как найдешь нужным. Хочешь — приземляйся в кабине. Хочешь — катапультируйся, приземляйся отдельно от корабля...» Последние секунды на размышление: спускаться в кабине или отдельно?

— Как дела у «Чайки»? Как ее самочувствие? — спросил Валерий.

— Отличное, отличное. Она уже на Земле. Самочувствие прекрасное.

Автоматика работала на спуск. Тормозной двигатель плавно гасил скорость.

«Привет вам, бесчисленные звездные миры! Не прощайте, а до свидания. Мы еще вернемся к вам, мы еще встретимся. Обязательно встретимся. Ждите нас, звезды!»

Об этом думал Валерий, когда его корабль покидал космос. Земля встречала. Люди слышали гул, похожий на далекие раскаты грома. Он казался странным, этот звук, когда небо совершенно чистое.

Первыми к Валерию подбежали два пастуха. Они принялись помогать ему снимать скафандр. Потом подъехал мотоциклист, скрипнул тормозами грузовик, и из кузова высыпали на землю школьники ближайшего села вместе со своими учителями. Со всех сторон — руки, цветы. А люди все подъезжали и подъезжали.

Валерий принимал рукопожатия, отвечал на многочисленные вопросы, вдыхал полной грудью приятный аромат степи, и серая полынь казалась ему столь сладостно пахучей, что он нагнулся и осторожно, словно садовник-цветовод, сорвал небольшой пучок травы.

Люди смотрели на него, улыбаясь. Вот он, Космонавт-пять. Приземлился! Жив, здоров! И корабль рядом. Валерий взял оттуда документы, записи, подтверждающие безграничное могущество советского человека... Потом снова вернулся к встречающим, отвинтил крышку фляжки, побывавшей с ним в космосе, и просто предложил:

— Не хотите ли космической водички?

Снова город на берегу Волги. Два самолета приземлились на аэродроме. Море людей и море цветов окружило серебряные машины. Валерий и Валя докладывают:

— Товарищ председатель Государственной комиссии, рады доложить вам: задание выполнено.

И снова объятия. Объятия с председателем Государственной комиссии, с Главным конструктором, со своими «звездными братьями». Валерий и Андриян молча держат друг друга за плечи, смотрят друг другу в глаза, потом припадают друг к другу.

Валерий отыскал глазами Валю. Они снова вместе — «Ястреб» и «Чайка». Глаза их искрятся, светятся счастьем. Они уже разговаривали по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым, их ждут в Москве.

— Как у тебя дела? Устала? — спросил Валерий.

— Немножко, — смеется Валя. — А настроение бодрое.

Им есть чему радоваться, есть чем гордиться. Совместный полет космического корабля-спутника «Восток-6», пилотируемого первой в мире женщиной-космонавтом гражданкой СССР Терешковой Валентиной Владимировной, и космического корабля-спутника «Восток-5», пилотируемого космонавтом гражданином СССР Быковским Валерием Федоровичем, успешно завершены. Их подвиг не имеет равных. На приборах космических кораблей небывалые цифры: более 81 витка, свыше 119 часов в космосе — таков итог полета «Востока-5»; более 48 витков, 71 час полета — итог «Востока-6». Советская девушка побила все национальные рекорды американцев.

На берегу Волги космонавты чувствовали себя как дома. Здесь все было так же, как и после полета Юрия и Германа, Андрияна и Павла: сначала разбор полета с членами Государственной комиссии, потом Валерий и Валя попали в руки врачей — врачам надо знать, как перенес человек влияние космоса. А после обеда — встреча с журналистами.

Вопросы. Ответы. Стрекот кинокамер. Вспышки фотоламп. Дружеский, непринужденный разговор. Что оказалось самым трудным в полете? Как невесомость? Сколько раз каждый из вас

брался за ручное управление? Брали ли в полет какие-нибудь сувениры?

У Валерия их было одиннадцать. Одиннадцать комсомольских значков с изображением Ленина.

— Я решил так, — говорит он журналистам, — передам значки в ЦК ВЛКСМ товарищу Павлову, пусть их вручат самым лучшим комсомольцам. Одиннадцатый значок был у меня на рубашке. Этот значок я буду беречь для сына. Вырастет, вступит в комсомол — вручу.

И снова родная Москва. Самолет, эскортируемый истребителями, садится на Внуковском аэродроме. Рапорт Никите Сергеевичу Хрущеву. Митинг на Красной площади. На трибуне Мавзолея рядом с Первым секретарем ЦК КПСС стояли правофланговые космонавтики, герои, коммунисты. Сегодня их уже шестеро: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский и Валентина Терешкова. И снова рукоплескал мир, рукоплескал стране и строю, взрастившему людей, для которых невозможное не существует.

На Красной площади и прилегающих к ней улицах бурлил людской океан. Трудящиеся столицы и ее гости пришли отдать тепло своих сердец, свою любовь, свою радость тем, кто стоял на трибунах Мавзолея. Тысячи голосов, сливаясь в один, провозглашают: «Слава родной партии! Слава народу! Ура!»

После триумфальной встречи новых героев космоса, после грандиозного митинга на Красной площади распахнулись двери Кремлевского дворца. Сюда пришли космонавты, ученые, конструкторы, инженеры, техники, рабочие — все те, кто обеспечил осуществление многодневного совместного полета космических кораблей «Восток-5» и «Восток-6».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев оглашает Указы о присвоении звания Героя Советского Союза Валерию Федоровичу Быковскому и Валентине Владимировне Терешковой и о присвоении им звания «Летчик-космонавт СССР». Он вручает «Ястребу» и «Чайке» ордена Ленина, медали «Золотая Звезда» и нагрудные знаки.

Герои космоса...

«Это наши дети, дети советского народа, — сказал Н. С. Хрущев, — замечательные представители его молодого поколения».

**Под редакцией генерал-лейтенанта авиации
Н. П. КАМАНИНА**

В четвертом Всесоюзном совещании молодых писателей, которое проводилось в Москве ЦК ВЛКСМ и Союзом советских писателей, участвовали литераторы, работающие в жанре научной фантастики.

Сегодня в «Искателе» публикует новый рассказ и делится своими планами участник совещания
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Пространство было бесконечно. Не пустота, каким оно когда-то представлялось, но пространство, кипящее густками, разрежениями и завихрениями полей. Пространство, незримо изгибающееся вблизи звезд и облегченно распрямляющееся вдалеке от них, оно было бесконечно, и корабль затерялся в нем легче, чем теряется капля в океане.

Корабль был мал. Вытянутый и легкий, окрыленный выброшенными далеко в стороны кружевными конструкциями, он вспархивал — серебристая летучая рыба — над грозны-

ми валами гравитационных штормов, способных раздавить его, швырнув на невидимые рифы запретных ускорений; он тормозился и разгонялся вновь, он окутывался облаком защитных полей — и уходил, ускользал, увертывался — и вновь продолжал свой путь, и его кристаллическая чешуя тускло отблескивала в рассеянном свете галактического пространства.

Впрочем, пространство нередко бывало спокойным. Внутри же корабля спокойствие царило всегда. Даже когда корабль пробивался сквозь рукав субгалактического гамма-течения и в блестящих артериях автоматов колотились стремительные токи, в рубке, салоне и каюте было тихо и уютно, желтые и зеленые стены отбрасывали мягкий свет, а матовый потолок и белый пол излучали такое веселое спокойствие, какое излучают лишь белые предметы. Автоматы скрывались где-то в недрах корабля, и лихорадочная спешка киберустройства не замечалась — так же, как не замечается упоенный разгул взрывов в камерах мотора.

И совсем уже спокойны были люди, два человека на борту; один — потому, что далеко не представлял всего, чем угрожал космос, а другой — потому, что очень хорошо представлял все; истинное же спокойствие дается только этими полюсами знания.

Было спокойно и было тихо — ровная мелодия

Работа моя в области фантастики (это звучит очень громко, на самом деле я пока написал немного) тесно связана с «Искателем». В нем была напечатана первая моя фантастическая повесть — «Особая необходимость». Ее действие происходит почти в наши дни, лет через двадцать — двадцать пять. После окончания повести мне захотелось обратиться к временам более отдаленным, скажем, к концу XXI столетия. Много изменится через сто лет, но таким же останется стремление людей к познанию, к установлению новых истин. Всего лишь одному эпизоду такого поиска нового посвящен рассказ «Черные Журавли Вселенной».

А потом, дальше? Чем дальше, тем больше неизвестного, а работа фантаста, думается, тоже поиск.

Влишайнов

приборов уже не воспринималась более как шум и становилась слышной лишь в моменты изменения режимов. Тихо было и потому, что люди разговаривали редко. Разговоры могли надолго прерваться на полужразе и возобновиться с полужразы.

— А все-таки они не заменят земных, — сказал младший. Он пристроился на откидном креслице у фильмотеки.

Старший промолчал. Он умел молчать; это постигалось не сразу, как не сразу постигалось и то, что Кленов — старик: глаза его были зорки, кожа лица гладка, а движения и слова точны и сильны. Лишь приглядевшись, можно было заметить, что веки его иногда выдают усталость, да слова, случалось, переходили в ворчанье.

Так постигалось, что это старик. Но тогда переставало вериться, что это тот самый Кленов, человек с такой земной фамилией, оставивший следы в пространстве, учебниках и легендах. Старейший, как его почтительно называли звездолетчики.

В первые дни молчания оставалось только вспоминать обрывки этих легенд. Это был человек, еще в юности, с земного, закрытого ныне Памирского космодрома, ушедший в первое свое путешествие и с тех пор не возвращавшийся из него. Не возвращавшийся потому, что во время месячных и даже годичных перерывов в полетах он все равно, как говорили, жил мыслью в космических исследованиях и на Земле ему, наверное, снились звездные сны.

Кленов был испытателем. Если еще в старину испытатели самолетов были инженерами, то испытатель звездолета был пилотом и ученым — уходящая, почти ушедшая когорта людей, часто в одиночку улетающих на все более стремительных кораблях, в одиночку — потому, что можно было рисковать множеством автоматов, но не людей.

Они улетали чаще всего в одиночку и возвращались, а иногда не возвращались... Кленов возвращался всегда, и два раза — не в одиночку; спасенным испытателям он отдавал свою каюту, но подходить к пультам им не разрешал. Каждый раз он привозил все больше наблюдений и сведений — в памяти своей и электронной, в записях фоно- и видеокатушек. И он привозил все меньше слов, как будто отдавал их пространству в обмен на знание.

Теперь он был последним из той плеяды, остальные жили на Земле. Задача электронного моделирования Пространства со всеми его неожиданностями была решена при активной помощи Кленова, и корабли можно было полностью испытывать еще в процессе разработки. Но, оставаясь испытателем, Старейший стал не просто ученым, а очень большим ученым, специалистом по пространству. И он единственный по-прежнему летал один на корабле, последнем из испытанных им, и испытывал если не корабли, то такие устройства, которые еще нельзя было промоделировать. На этот раз — новые дельта-генераторы.

Но таким он был в легендах, а на корабле был просто старик, который слышал, когда к нему обращались, лишь если хотел слышать, а если не хотел, то преспокойно мол-

чал и даже не переспрашивал. А это не самая лучшая форма беседы.

— Все-таки они не заменят земных, — повторил младший громче.

Старший поднял сухое лицо от экрана. Его взгляд прошелся привычным путем — от замысловатых, по последней моде, сандалий по светлому спортивному костюму, по покрытому густым, еще земным загаром лицу и каштановым волосам и в конце концов остановился на голубых глазах, в которых, кажется, светился интерес.

— Вам бы все земное... Не заменят так же, как новые друзья не заменят старых, — наконец ответил Кленов. — Но они нужны. Старые друзья уходят, все равно — люди они, или корабли, или гипотезы. В моем возрасте можно однажды проснуться — и не узнать мира. А к чему это вы — о земных журавлях?

— О тех, других, можете сказать только вы, — последовал ответ. — Хотя это и странно. Все-таки в ваши годы...

— Годы — ерунда, вздор, — с удовольствием сказал старик. — Забудьте это понятие, уважаемый... М-м...

— Игорь, — проговорил молодой.

— Уважаемый Игорь. Люди умирают от разочарований, а не от возраста. Ставьте себе меньше целей — и у возраста не будет власти над вами.

Он искоса взглянул на собеседника и усмехнулся, заметив его удивленное лицо.

— Я сказал: «меньше целей», а не «меньшие цели». Чем меньше целей, тем меньше разбросанности, тем меньше разочарований. Но и одна цель может быть достойна десяти жизней. А впрочем, к чему это я?..

Он строго посмотрел на экран. И умолк.

Игорь подождал и сказал:

— Я, пожалуй, пройдусь...

Он вернулся через полчаса. Кленов все так же сидел, склонившись к экрану. Терпение — вот что осталось ему от прошлого. Сидит. Смотрит. Это о нем рассказывали легенды. Годы...

Старик обернулся на едва уловимый звук шагов. На лице его было изумление: он опять с непривычки забыл, что их двое.

— Ага, это вы, — объяснил он скорее сам себе. — Что нового?

Оба они знали, что ничего нового не могло быть.

— Они чувствуют себя отлично. И прекрасно наблюдают. Просто замечательно.

— Ах, эти ваши... эта микрофлора? Ну, ну...

— Скажите, Старейший, — спросил Игорь, — у меня микрофлора. А ваша цель?

Кленов не ответил. Он как будто не слышал вопроса. Его глаза были по-прежнему устремлены на экран, и ответ экрана лежал на сухом и гордом лице старика.

— Но ведь ради чего-то вы теряете время перед этим экраном? Программа испытаний закончена, а вы и не думаете тормозиться. В чем дело?

— Что значит — я теряю время? А чем занимались вы? Только не повторяйте, что любовались на вашу микрофлору. Не надо.

— Я сидел в салоне, — сказал Игорь, — и смотрел на телефон. Мне хочется, чтобы кто-нибудь позвонил, а никто не звонит и не назначает мне свидания. Почему вы не позвонили?

— Не было надобности, — сказал Кленов. — А телефон в салоне существует для того, чтобы я мог оттуда связываться с решающим устройством.

— Но ведь вы и двух раз не были в салоне.

— Не был, — согласился Кленов. — Но могу быть, и этого достаточно.

— А вы теряете время у экрана. Ведь появились что-нибудь, автоматы сами...

— Все равно. Я могу их опередить. А времени у меня достаточно. Это у молодых его не хватает. Они хотят успеть везде. У меня — одна цель...

Игорь опустился на пол. На Земле теперь все чаще сидели прямо на полу. Старик покосился и уселся в кресле еще прямее. Он сидел, как на приеме, и его рабочий комбинезон казался изысканным, как вечерний костюм.

— Все-таки о цели. Еще какие-нибудь испытания? Или открытия? Эти Журавли. Вы о них несколько раз упоминали... Кто они? Расскажите о них. Это из-за Журавлей мы не возвращаемся?

Старейший оторвался от экрана.

— Я мог бы кое-что рассказать. Но вам это просто так — любопытно... Да и рассказывать я, право же, разучился. И вообще не стоит. А что касается Журавлей... Я же говорил, что старые друзья уходят. И мало того — они еще оставляют нерешенные задачи. Это в лучшем случае. А то еще они выдвигают их, уходя.

— Я начинаю понимать, — сказал Игорь.

— Да?

— Я вспоминаю...

— Этого вы сделать не в состоянии. Вас тогда еще не было на свете. И вы же кончали не Московский Звездный...

— Но мне рассказывали... Да, там было что-то связанное с аварией корабля.

— Что-то! — сказал Кленов. — Такие вещи надо знать во всех деталях. Это — опыт. Что-то!..

— Я ведь не космонавт.

— Знаю.

— Ну, разве это так важно? Знать надо основное, а детали... Это же было так давно. Ну, авария... Конечно, я понимаю... У вас там был кто-то, да?

— Кто-то — это слишком просто сказано, — ответил Кленов. — У меня там был друг. Тогда в пространстве нельзя было без друзей...

— А сейчас разве...

— Сейчас ваш друг может жить на Земле — все равно вы с ним не будете разлучаться: видите, слышите его. А потом, вас в пространстве охраняет могучая защита, сде-

лавшая корабли практически неуязвимыми. А тогда друзья нужны были здесь, рядом. Мощностъ полей дружбы компенсировала слабость защитного поля. Вот почему тогда и возник метод парного испытанія. На испытаніе уходили сразу два корабля.

— Я вспоминаю, — повторил Игорь. — Вы же были там...

— Я был там, — сказал старик.

— На «Согдиане»...

— Вы опять перепутали. Я испытывал «Джордано». Теперь это уже седая старина, — он провел рукой по коротким волосам, — корабль класса «Бета-0,5». Мы дошли до Эвридики и шли обратно. Что?

— Вы говорили относительно дружбы, — с легкой обидой сказал Игорь. — Но и теперь, случается, гибнут друзья — пусть и не рядом с вами. Вспомните Коринтеру. На ней погиб не один и не два человека. Вот если бы вы тогда задались целью!

— Да, мы еще не можем предугадывать вспышки Новых, — ответил Кленов. — Но когда-нибудь научатся и этому. Впрочем, это редкое явление.

— Но тот случай тоже был редким явлением.

— Редким? Ну да, конечно, корабли и тогда погибали не так уж часто. Это он был на «Согдиане», мой товарищ. «Согдиана» обладала более сильными двигателями...

* * *

«Согдиана» обладала более сильными двигателями и надежной защитой. Она могла ускоряться быстрее и вскоре опередила «Джордано».

В день, когда расстояние между кораблями достигло десяти астрономических единиц и связь должна была прерваться, пилота «Джордано», как и обычно в таких случаях, охватила грусть. В космосе всегда грустно, когда прерывается связь, даже не навсегда.

На ушедший вперед корабль был послан традиционный привет и пожелание чистого пространства. Ответ должен был прийти через шесть с лишним часов. Однако уже через полчаса был принят сигнал бедствия.

Испытатель «Джордано» увеличил скорость до предела, не переставая посылать в пространство вызовы. Из сообщений пилота «Согдианы» можно было понять, что случилось самое страшное — вышли из-под контроля и начали терять мощность генераторы дельта-поля. АВ в контейнерах «Согдианы» изолировалось дельта-полем, это было новинкой; до тех пор везде пользовались для этой цели лишь магнитным полем. И вот теперь корабль затормаживался на пределе, чтобы встретить помощь.

«Джордано» настиг товарища через десять часов — как раз вовремя, чтобы с безопасной дистанции увидеть, как темное тело звездолета внезапно превратилось в яркую звезду.

— Вам случалось наблюдать аннигиляционный взрыв в пространстве? — спросил Старейший. — Нет? И не надо. Это невесело — особенно, если взрывается корабль, а на корабле летела... летел ваш друг. Это было нестерпимое голубое сияние. Оно продолжалось всего лишь долю секунды: от чрезмерной нагрузки выключились предохранители видеоприемников. Но и за эту долю секунды я успел ослепнуть, глаза мои наполнились слезами. Впрочем, это не только от света...

Игорь кивнул.

— Надо было заранее включить фильтры видеоприемников, — обронил он.

— Конечно, заранее, — пробормотал Кленов и умолк.

Он снова погрузился в изучение пустого экрана, по временим слегка трогал рукоятки настройки. Игорь вздохнул и вышел из рубки. Белый широкий коридор — не коридор, а зал для прогулок — вел мимо кают, которых, в сущности, не было: за их тонкими переборками стояли только могучие генераторы дельта-поля. Это из-за них он потратил столько усилий, чтобы попасть именно на корабль Кленова. Старейшего. Дело стоит того. Самые сильные на Земле дельта-генераторы. А старик опять замолчал. Надолго, наверное... Когда-то и он неустанно искал тепое — и находил. Чем бы заняться до очередного включения генераторов?

Игорь взял в каюте две ракетки и вернулся в рубку через салон. Телефон в салоне молчал. Старомодный телефон, без экрана. Старик привик к такому.

В рубке старик сидел в кресле. Он напевал что-то старинное. Пел он плохо, голос его хрипел, но, наверное, ему нравилось слышать себя. Игорь шумно защелкнул дверь — Кленов не обернулся. Экран освещал его лоб, рассеченный поперечной морщиной, старомодный воротничок в вырезе комбинезона, гладко выбритые щеки. Игорь вспомнил, что еще не успел подстричься. Собственно, он не очень-то хорошо разбирался в настройке бытового комбайна, да комбайн, наверное, и не умел стричь, как принято теперь.

— Старейший, в коридоре можно чудесно сыграть в теннис. Пойдемте, а? На Земле я играл каждый вечер.

Старик не удостоил его ответом, только изумленно поднял брови. Молодой вздохнул, уселся на стульчик у фильмотеки и медленно придвинул к себе каталог.

— Надо уметь ждать, — внезапно заговорил Кленов. — Вот я умею ждать. Что вы знаете о Журавлях Вселенной? Ничего? Да, ничего, но гораздо больше, чем знал в то время кто-нибудь из нас, ибо вы знаете, что они существуют, мы же этого не знали.

«Согдиана» превратилась в излучение. Это был не первый случай взрыва корабля в пространстве, но единственный, когда кому-то удалось наблюдать такой взрыв. Причины взрывов были неизвестны — ведь и тогда уже не бывало случаев, чтобы механизмы отказывали в работе. Вспомните — ах, да, вы не можете этого помнить, но я мо-

гу, — что полеты к иным системам были разрешены только тогда, когда первая проблема звездоплавания была решена.

— Скорость, — вставил Игорь. Он не мог удержаться, чтобы не вставить слово.

— Почему скорость? Это сейчас, а я говорю о том, что было тогда. Тогда первой проблемой называли проблему абсолютной надежности. Так вот, ученые предположили наличие в пространстве локальных полей неизвестного происхождения, которые своим воздействием парализовали работу защитных полей двигателей и контейнеров с АВ — антивеществом. А после «Согдианы» стало ясно, что это — дельта-поле.

— Это была ваша гипотеза... — сказал Игорь.

— Молодежь так часто путает меня с моими собратьями. Сочиняют легенды. Тогда я не был настоящим ученым. Я только испытывал «Джордано». А эта гипотеза в общем виде возникла еще раньше. Одним словом, когда глаза мои снова смогли воспринимать что-либо, смотреть было уже не на что. И вот тогда я увидел их.

Вы видели, как летят журавли? Клином, не так ли? Впрочем, вы могли этого и не видеть, ведь журавлей на Земле сейчас мало — болот нет. Давеча вы сказали про журавлей просто так, для красного словца. Так вот, журавли летят клином. И я увидел на экранах клин.

Старик умолк. Земные журавли — осенняя прозрачная желтизна, седые от заморозков луга и крылатый клин в высоте, каждый раз уносящий с собою что-то большое — год жизни. Земля нашей юности, Земля, которой больше нет, но которая все приходит и приходит в снах и сжимает грудь сладкой тоской. Странно: не только вся маленькая Земля известна тебе — поездил, изъездил всю, и в пространстве ты давно — дома, и на другие планеты ступала нога, но родиной остается маленький клочок Земли, Земли нашей юности, и родными — земные журавли в небе...

— Да, многие птицы летят клином, — сказал Игорь. — Это описано уже очень давно. Итак, вы увидели на экранах клин...

— Собственно, это было несколько не так, — уточнил Старейший. — Я не увидел ничего, заметил только, что вдруг исчезли некоторые звезды. Потом они появились опять. Чем было вызвано это затмение, я не знал. Но, честное слово, мне показалось, что само пространство в месте взрыва разорвалось на клочки и теперь медленно склеивалось. Скажу откровенно, я не удивился бы, если бы это оказалось действительно так, хотя сама мысль о том, что пространство может рваться, была нелепа. Я не удивился бы потому, что почувствовал: это было прикосновение к чему-то новому, неизвестному, таинственному... Знаете, бывает такое ощущение... Хотя вы, наверное, не знаете.

— Я знаю, — проговорил Игорь. — Я знаю...

Он знал. Стоит тебе зайти в лабораторию любого из твоих друзей, знакомых или незнакомых, и по возбужденным лицам, по счастливым глазам, видящим что-то, чего не видят другие, ты понимаешь: они прикоснулись к неизвестному.

Земля — тебе знакома еще такая малая часть ее, но она видится тебе вся, Земля с ее возможностью уйти в работу без отдыха и отдыхать, работая, и каждый день кончиками пальцев хоть чуточку касаться будущего и всем телом чувствовать его полет, — Земля моего будущего, я знаю...

— Ну, допустим, вы знаете. Но это и все, что я увидел. Ни через видеоприемники, ни в инфракрасном диапазоне я не смог увидеть ничего, кроме этого кратковременного, почти мгновенного затемнения некоторых звезд. Потом я снова запустил двигатели, обошел весь район катастрофы и, ничего не обнаружив, направился домой. И только там, обрабатывая записи дельтаавизоров, на которые в полете я не обратил внимания потому, что, по моим соображениям, они никак не могли мне помочь в данном случае, — обрабатывая их записи, я рассмотрел Журавлей.

Это были широкие черные полотнища — абсолютно черные, они, очевидно, поглощали всю энергию, падавшую на них, и поэтому видеть их было нельзя: они ничего не отражали, ни кванта. Только дельтаавизоры увидели их; возможно, они испускают дельта-кванты.

Абсолютно черными были они, и как бы двухмерными — казалось, они совсем не обладали толщиной. Площадь каждого из них была десятки, а может быть, и сотни квадратных метров, а может быть, и тысячи — точнее определить дельтаавизоры не смогли, не дали даже порядка величины. И они летели клином; впрочем, может быть, конусом, но дельтаавизоры тогда не давали стереоизображения. По их записям мы на Земле сделали фильм. Мы — я и товарищи по Московскому Звездному — смотрели его множество раз, пытаюсь понять, что же такое эти полотнища, застилавшие звезды. Удалось определить их скорость; оказалось, что они летели с ускорением. Установили и направление их полета, но, поскольку скорость была переменной, орбиту вычислить не удалось. Это было всё.

Вот так мы впервые встретились с Черными Журавлями Вселенной. Так их тогда называли — за цвет и за клинообразный строй. Они летели, как живые. Да, ведь вы никогда не видели живых...

Кленов замолчал. Игорь ждал, не решаясь нарушить это молчание: ему хотелось, чтобы старик рассказывал дальше, и он понимал, что одно не к месту сказанное им слово заставит снова надолго уйти в молчание Старейшего, уже давно доказавшего, что он умеет молчать.

— Это и была загадка, оставленная другом, — сказал Кленов, и в его голосе неожиданно прозвучала ирония — наверное, она относилась к собственной, несколько непонятной словоохотливости, а может быть, просто служила средством для того, чтобы не расчувствоваться. — Загадка гибели, как говорили когда-то. Было создано много теорий, высказана куча гипотез... Бесспорным было одно: именно они, Журавли, и были убийцами.

— Разве они?..

— Да нет... Ну, я не точно выразился... Конечно, не они; убийцей в большинстве таких случаев бывает наше собствен-

ное незнание законов природы. Но человек не может обвинять себя в том, что он чего-то еще не знает: если бы он делал это, человечество вечно было бы виноватым. Ведь и жизнь и смерть в конце концов — тоже во многом научные проблемы.

— Биология... — начал было Игорь, но Кленов перебил:

— Как бы там ни было, именно дельта-поле, которое излучали Журавли, приводило — это удалось доказать неопровержимо — к тому, что генераторы выходили из-под контроля. Журавли были убийцами — как молния, сжигающая дом с людьми. Это — не земные журавли, которых вы не видели.

— Видел, — сказал молодой. — Я ведь биолог.

— Да... Биология — широкая наука. Кстати, до конца я так и не понял, зачем вы, биолог, отправились в пространство со мною на этом корабле?

— По ряду соображений, — помолчав, ответил собеседник. — А вы уверены, что ваши теперешние дельта-генераторы не подвели бы, если бы произошла встреча с Журавлями?

— Эти не подведут, не бойтесь. А вообще-то вам надо бы лететь на планеты, где есть работа по вашей части, а не сидеть в кабине с таким старым отшельником, как я. Если только вы биолог, а не психиатр или что-нибудь в этом роде (молодой затряс головой, Кленов ухмыльнулся). Я спрашиваю не из простого любопытства, мне нужно знать это перед тем, как я расскажу вам еще что.

— Я пользуюсь вашими генераторами, — сказал Игорь. — Они — самые мощные, а меня интересует действие столь мощного дельта-излучения на некоторые формы жизни. Это интересно.

— Ага... Ну, что ж, это действительно может быть интересно. Я не спросил у вас об этом раньше. Ну, ничего. Так что вам еще рассказать?

— Еще о Журавлях.

— Вам не стоит интересоваться ими. Если даже они нам встретятся, вам от этого легче не станет. Ведь Журавли, несмотря на название, не живые существа.

— Я понимаю. А что они, по-вашему?

Старик с осуждением покачал головой.

— Есть лишь одна заслуживающая внимания гипотеза. Вам, оказывается, неизвестная... Она предполагает, что эти Журавли — не что иное, как колоссальной мощности сгустки поля. Эти поля обладают такой мощностью, что никакая защита раньше не выдерживала.

— А этот корабль?

— Этот корабль снаряжал я сам. Я, Старейший, как меня называют. Да, меня называют Старейшим, потому что после того случая я решил, что жизнь моя будет посвящена Журавлям: их изучению, и...

— И? — спросил юноша.

Но Кленов молчал, напряженно вглядываясь в белесое сияние экрана.

— А? Нет, показалось... И использованию, вот как. Сознаться, вам пришло в голову что-то совсем другое?

Игорь кивнул. Старейший неожиданно рассмеялся мелким смешком, странно не ввязавшимся с его крупной, моложавой фигурой.

— Нет, временные представления у вас определенно сдвинуты. Признайтесь, ведь я кажусь вам чуть ли не современником Джордано, не корабля, а мыслителя, а?

Юноша снова кивнул, и Кленов опять довольно засмеялся. Потом он сказал:

— Ну, это вздор — к счастью или к сожалению. Нет, мне не приходило в голову мысли о такой мести — об уничтожении. Конечно, будь я современником Джордано... Разумеется, я хотел отплатить за друга. Но единственная месть природе — это познание ее тайн. Единственная, достойная человека. А вы как думаете?

— Так же.

— Ну, вот видите, несмотря на разницу в возрасте... И я прошел через все космические специальности. Я сам сконструировал многое, начиная с пустотного астрандра, который принят теперь на всех кораблях...

— Этот самый? — спросил Игорь, кивнув в сторону коридора.

— Да. И весь этот корабль переоборудован по моему проекту, хотя и на основе типового «Омикрона». А когда я вернусь, я построю еще один корабль. Он будет совсем другим...

— Каким? — спросил биолог, и ему вдруг показалось, что старику еще не время отдыхать на Земле. Впрочем, это мечты...

— Каким — об этом пока рано. Да это и неважно. Важно то, что я испытатель и умею обращаться с кораблями. Вы, без сомнения, слышали, что испытатели отжили свое. Думаете, что старик просто так мотается в пространстве и испытывает дельта-генераторы, чтобы хоть чем-то заниматься. Так? Ну, вот. Теперь и настал момент сказать вам, почему мы не спешим затормозиться и повернуть к нашей Системе.

Испытатели теперь живут на Земле. Так. Но мне еще рано на покой. Основная задача еще не решена. Этот корабль действительно был последним, из испытанных мною. И его оставили мне. Решили, что я имею право на это. Но если вы думаете, что моя работа на этом кончилась, то ошибаетесь: она только началась. Я — охотник за Журавлями, вот кто я теперь. Я ловлю Журавлей, чтобы исследовать их, чтобы понять их сущность и возможности их использования.

Юноша внутренне сжался: так не хотелось ему говорить то, что он должен был сказать. Но он не привык скрывать своих мыслей, если даже это могло обидеть человека и заставить его умолкнуть. И так уж он несколько раз промолчал...

— По-моему, вам все же следовало начать раньше. Время...

Он встал, зная, что сейчас ему придется полчаса погулять по коридору, может быть — сыграть в теннис об стенку. Но Кленов не обиделся, как ни странно.

— Ерунда, — сказал он. — Раньше надо было испытывать корабли. Нас было не так-то уже много, испытателей. А теперь эта задача выполнена, и я могу заниматься своими делами — ловить Журавлей. Так что не взъищите за задержку в пространстве.

— Вы уверены, что их можно?..

— Более чем уверен. Нельзя представить себе ничего такого, чем человек не мог бы овладеть. Если в природе есть вещи, для нас бесполезные, то это объясняется только низким уровнем наших знаний о природе...

— И о нас самих, — вставил юноша.

Старейший искоса взглянул на него.

— Что ж, замечание, не лишнее смысла. А значит, надо ловить Журавлей.

— И много их на вашем счету?

— Пока ни одного, — сухо сказал Кленов. — Однажды... Тогда у меня еще не было этого корабля. Я сконструировал дельта-ловушку и попросил, чтобы ее установили на «Ломоносове», который я должен был тогда испытывать. Я болтался на нем два года, пока мне удалось испробовать на нем все хитроумные пакости пространства, но под конец мне повезло: я наткнулся на Журавлей... Я выбросил ловушку — сгусток поля того же знака. Взаимодействуя с ним, Журавли должны были потерять скорость. И одно из этих полотнищ, один из Журавлей действительно угодил в нее. Я кричал от радости. Но напряженность поля в ловушке оказалась слаба. Ему удалось вырваться — вернее, он прошел через ловушку, как сквозь пустоту. Я постарел после этого дня, точнее — в тот момент, когда стало ясно, что они уходят. Они беззвучно скользили мимо корабля — честное слово, в этом было что-то мистическое!.. Запомните, юноша: стареют от разочарований! После этого, вернувшись на Землю, я в перерыве между испытаниями больше года возился с ловушкой, а вернее, с генераторами для ее питания. Теперь они стоят за переборками, вы знаете. Новый вариант ловушки не вписывался в «Ломоносова», и мне пришлось ждать вот этот «Омикрон». Но больше я их не встречал...

— Почему?

— Не повезло... До сих пор это дело везения, пока мы не знаем... — Он нахмурился. — Орбиты их не вычислены, даже при условии, что они обращаются вокруг центра Галактики, как любая звезда, а ведь это наверняка не так: взаимодействуя с другими полями, они подвергаются стольким влияниям, что говорить об орбитах, наверное, вообще нельзя серьезно. И нельзя сказать, где их можно встретить.

«Это так и останется мечтами», — подумал биолог, а старик продолжал говорить:

— При колоссальной скорости — они, как удалось установить, имеют орбитальную скорость выше половины световой — их очень нелегко найти. Хотя с тех пор, как ко-

личество дельта-приборов возросло, мы можем улавливать их поле на значительном расстоянии. Надо только следить за настройкой.

Легкими движениями пальцев он тронул несколько лимбов на панели дельта-комбайна.

— С тех пор их встречали еще пять раз, — после паузы продолжал Старейший. — У меня есть эти ленты, отчеты командиров кораблей. И ничего больше... Ничего, что подтвердило или опровергло бы эту единственную гипотезу, о которой стоит говорить.

— Ах, эту? — сказал Игорь. — Ее автором, помнится, был...

— Все перепутал! Как раз ее автором был я. И остаюсь. Остальные гипотезы — бред.

Юноша смущенно опустил голову. Кленов, насупившись, молчал. Пауза затянулась, и именно сейчас Игорю меньше всего хотелось прервать разговор, и он сказал, просто чтобы что-нибудь сказать:

— Так никаких закономерностей, вы говорите?

— Никаких... Единственно, что любопытно: судя по зафиксированным направлениям, а направления фиксировались во всех случаях, их орбиты должны на каком-то своем участке пролегать поблизости от Новых. Если только это действительно закономерность, а не случайность.

— Постойте! — воскликнул юноша, вскакивая с места. — Но ведь это блестяще подтверждает вашу гипотезу! Такие сгустки энергии и могли возникнуть во время взрыва Новых... Значит, это какое-то до сих пор неизвестное свойство материи — или ее состояния! Что-то вроде уплотненной плазмы, или как там... Ведь если...

Насмешливый блеск глаз старика остановил его. Он сел, забыв до конца закрыть рот и все еще не опуская занесенную для решительного жеста руку.

— Мальчик... — сказал Кленов не то с сожалением, не то с иронией. — Милый мой юноша, простая логика — увы! — опровергнет это открытие. Они не делаются так легко...

— Но почему же? Ведь вы сами...

— Ну, я, может быть, снова неточно выразился. Это моя вина. Да, их пути проходят — судя, повторяю, по зафиксированным направлениям — вблизи Новых звезд. А правильное сказать — вблизи тех звезд, которые вскоре после этого взрываются, вот как. Тогда, во время первой встречи, их путь, судя по нашим расчетам, должен был пройти где-то около 73114-0. А до нее оттуда было около трех световых лет. Так что, по вашей теории, она уже минимум за шесть-семь лет до этого должна была стать Новой.

— Но она же и есть Новая! — победно воскликнул Игорь.

— Вижу, вы штудировали астрономии... Да, сейчас. Но она вспыхнула — с поправкой на время прохождения света — через шесть лет и несколько месяцев после катастрофы, а не до нее. То же и в других случаях. Так что, если вы не найдете способа запирать время плотинами и

поворачивать его вспять, вам придется отказаться от вашего предположения.

— А как ваша гипотеза объясняет этот строй — клином?

— Никак, — угрюмо ответил Старейший. — Она не объясняет ни этого, ни еще многих других фактов. Но и никакая другая гипотеза не в состоянии их объяснить. А впрочем... — Он странно усмехнулся и взглянул в глаза юноше. — А впрочем, объяснения возникают из фактов. А факты собираю я. И это только вопрос терпения. Той самой потери времени...

— Но вы летите наугад.

— На этот раз — нет. На этот раз мы их найдем. Я получил сигнал от патрульного корабля. Поэтому я и вылетел так быстро...

Он хотел добавить: «И тут вы в последний момент стали пассажиром», — но решил, что говорить этого не стоит. Мальчик был неплохой. Конечно, мальчик многого не знал, но... Было время, когда он и сам не знал и не умел очень многого — даже обращаться с пустотным астрандром, да... А мальчики вырастают... Вообще стоило отнестись к нему помягче: они уже сколько времени вдвоем, а сам он — Кленов сознавал это — не очень-то приятный собеседник: возраст да и привычка к одиночеству...

Он взглянул на юношу и улыбнулся неожиданно мягкой и ласковой улыбкой, так что мальчик подумал, что старик этот даже лучше, чем представлялось, — это так и прочиталось на его лице. И Старейший еще не успел обрадоваться этому, как пронзительный звон дельтавизора и световое табло, внезапно вспыхнувшее и замигавшее, заставили его забыть о мальчике и обо всем на свете.

— Они! — крикнул он ликующе, глядя на белый экран, на котором возникла черная точка. — Они! Расстояние — пять единиц... Ага!..

По привычке он продолжал кричать еще что-то неразборчивое, что шло скорее от сердца, чем от разума, а сам в это время молниеносными, точными движениями включал приборы, поля высшей защиты, изготавливал дельта-ловушку и следил за отсчетом расстояний на экране. Биолог почувствовал, как все сильнее начинает колотиться сердце...

— Могу я вам помочь? — спросил он.

— А? Ну, сядьте к контрольному пульту, включите... Снизу берется за эту рукоятку, а не сверху! — неожиданно яростно выкрикнул Кленов.

Игорь что-то пробормотал, но Кленов его уже не слышал. И, наверное, не только потому, что все внимание его заняли приборы, но и потому еще, что для него сейчас ничего не осталось во всей бесконечной Вселенной, кроме Журавлей, кроме этого темного треугольничка на экране дельта-комбайна. Не спуская с него глаз, он на ощупь безошибочно находил нужные клавиши, кнопки и рукоятки, нажимал, вращал, переключивал их. Казалось, у него сразу стало втрое больше рук — и это несмотря на то, что всю основную работу проделали автоматы.

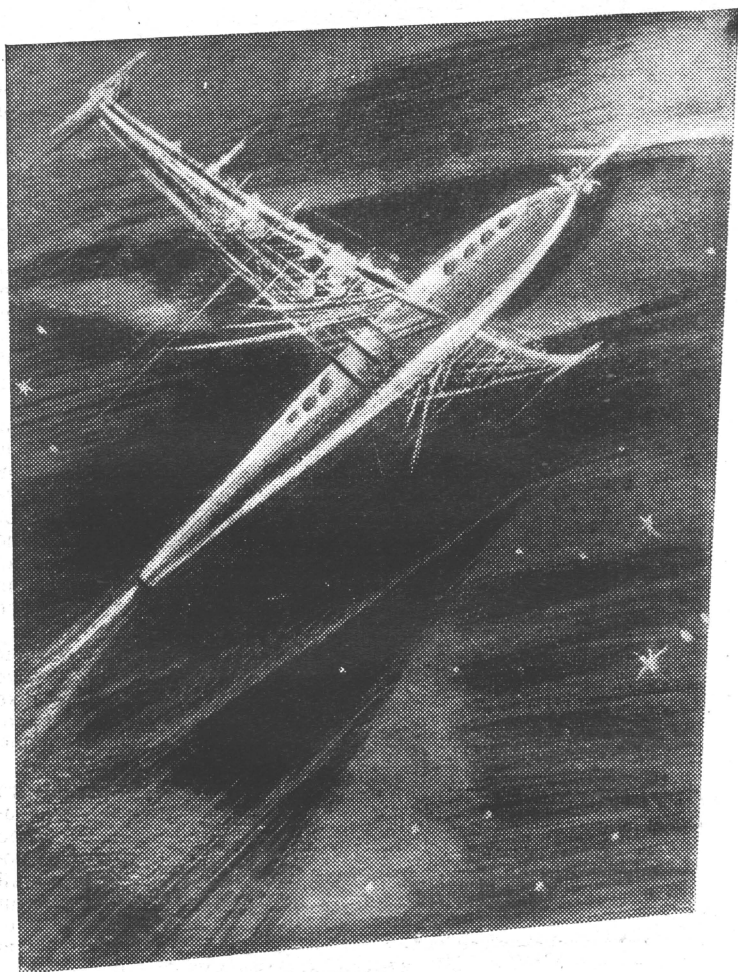
Только тут биолог понял, какой сложной на самом деле была задача, которую Старейший называл просто и даже как бы пренебрежительно — «ловля Журавлей», и какой силой разума надо было обладать, чтобы вообще сделать такую охоту возможной. Эта мысль заставила его удивиться тому, что еще несколько минут назад он свободно разговаривал с человеком, придумавшим все это, и не только разговаривал, но и в мыслях называл его подчас довольно-таки непочтительно... Он успел удивиться собственной смелости и нахальству. Но вслед за тем сообразил, что сейчас будут включены дельта-генераторы, и, следовательно, у него есть возможность дать один пучок своей микрофлоре, то есть продолжать выполнять задачу, из-за которой он и пошел в этот полет. И еще он подумал, что Старейший в такой миг занимался бы именно главным своим делом, иначе он никогда не стал бы Старейшим.

И поэтому Игорь, включив на всякий случай контроль энергоцентрали, отошел к своим приборам, которые давно уже ждали его прикосновения, и к своим культурам, заключенным в пробирки и чашки. Их следовало подвергнуть облучению, и поэтому они находились за бортом, он мог видеть их только на экране видеоприемника и только по приборам судить об изменениях. Но он уже привык выключать из сознания посредников и воспринимать все показания приборов так, словно это он сам ощущал все происходящее своими пятью чувствами.

Старик же, не обращая на него внимания, тоже как бы весь проник за преграду экрана дельта-комбайна и тоже как будто своими глазами видел, как все ближе и ближе продвигался клин — впрочем, на стереоэкране видно было, что на самом деле это был не клин, а конус, — как приближались Черные Журавли.

Единственный раз он обернулся, чтобы прокричать что-то о везении: Журавли шли пересекающимся курсом, и достаточно было лишь отрегулировать скорость, не надо было затормаживаться для изменения направления полета, потому что на такой скорости, на какой шел корабль, всякий поворот означал бы гибель. Он прокричал о везении, а экран показал, что Журавли приблизились на нужное расстояние. И тогда Кленов всей ладонью нажал на широкую красную кнопку и выбросил вперед (корабль отозвался на это легким содроганием) сгусток дельта-поля — то, что называлось дельта-ловушкой, антеннами которой были кружевные конструкции, — крылья летучей рыбы. Поле должно было нейтрализовать действие дельта-поля Журавлей, заставить хотя бы одного из них потерять скорость и остановиться поблизости от корабля. На создание этого поля шла сейчас вся энергия реактора, переключенного на питание дельта-генераторов, и корабль летел без ускорения. Впрочем, скорость его была лишь немногим меньше скорости журавлиного клина.

Игорь все же не выдержал, он бросил свои приборы, которые могли поработать и без его участия, и во все глаза глядел то на экран, то на старика. Шли решающие минуты.

Клин, уже распавшийся на экране дельтавизора на мелкие точки, надвигался все ближе, и по скачке стрелок и уровней на вспыхивающих и угасающих шкалах видно было, что дельта-поле ловушки уже вступило во взаимодействие с полем журавлиной стаи. Кленов, держа руки на пульте управления ловушкой, все не мог оторвать взора от экрана, седые волосы его торчали, а стрелки клонились все правее и правее. И юноша про себя горячо пожелал, чтобы Старейшему не пришлось пережить еще одно разочарование.

Стрелкам оставалось пройти еще четверть шкалы, чтобы

показать, наконец, такое ослабление поля Журавлей и уменьшение их скорости, которое значило бы, что энергия их движения безвозвратно потеряна. И стрелки двинулись в эту последнюю четверть, а взгляды двух человек в рубке словно бы подгоняли их. Но, видимо, этой поддержки было недостаточно: движение стрелок становилось все медленнее, все труднее становилось им проходить каждый следующий миллиметр шкалы. Кленов повернул регулятор усиления, отдавая ловушке последние мощности, а Игорь, чуть поколебавшись, выключил свои приборы, хотя они забирали очень мало. Стрелки чуть двинулись правее, и оба облегченно вздохнули.

И сразу же вслед за этим начались события, совсем уже непонятные.

Стрелки какое-то мгновение поколебались на месте, как бы раздумывая, идти ли и дальше в ту сторону, в которую, казалось, толкало их напряжение людских взглядов. И, наконец, решили — стремительно ринулись, промелькнули в прыжке в обратную сторону, к нулевым ограничителям. Одновременно другие приборы показали, что поле ловушки внезапно увеличило напряженность, как если бы вдруг исчезла та сила, которая ему сопротивлялась.

Это было необъяснимо, и Старейший торопливо повернул регулятор, уменьшая напряжение и приводя его к нормальному. Игорь же перевел взгляд на экран, указывавший расстояние до Журавлей, и внезапно нечленораздельным криком заставил и Кленова оторваться от разграфленных шкал. Он тоже взглянул на экран и мгновенно понял, что произошло: скорость сближения Журавлей с кораблем стремительно уменьшалась.

Он машинально взглянул на указатель хода; не могло ведь быть, чтобы его корабль самопроизвольно увеличил скорость и стал уходить от Журавлей. Нет, конечно, этого не случилось, и указатели хода подтвердили это.

Но тогда — и это одновременно поняли и старик и юноша, тоже бросивший взгляд на указатель скорости, — тогда оставалось только одно: предположить, что ход замедлили Журавли. Замедлили быстрее и на большую величину, чем можно было ожидать. Ловушка не могла затормозить их до такой степени, других же объяснений и вовсе не могло быть.

Они посмотрели друг на друга, и Старейший недоуменно поднял брови, словно бы не только удивлялся, но и просил совета, просил объяснить ему, что заставило события перевалить через грань разумного, а законы физики перестать быть законами физики в этом участке пространства. Игорь остро пожалел, что никак не мог ответить ему на этот вопрос: небесное тело, из чего бы оно там ни состояло, не могло самопроизвольно менять направление движения, да еще и его скорость. А тут...

Действительно, словно изменения скорости было недостаточно, журавлиный конус решил изменить еще и направление. На экране было ясно видно, как секунда за секундой конус отклонялся от прямой. Нет, безусловно, это были

неполадки в дельтави́зоре — Журавли каким-то образом, не смотря на защиту, подействовали на него, и приборы начали давать сведения, не соответствующие действительности. Значит, на них нельзя было полагаться, а на что же можно? На защитные поля можно ли еще?

Кленов успел подумать, что, будь он один, не колеблясь, повел бы корабль на сближение, повернул бы, рискуя переступить грань запретных ускорений — и пусть все летит к чертям! Но с ним был этот биолог, этот мальчик, рекомендованный ему институтом — там полагали, что это будущее светило, — и riskовать жизнью мальчика он не мог, даже если рушилось дело всей его жизни. Тем более что мальчуган был хороший, готовый на помощь, и даже в сумасшедшие секунды было приятно взглянуть в чьи-то глаза. Но если у тебя одна цель, то и разочарование будет десятикратным...

Так он думал, а рука его инстинктивно вытянулась и легла на пульт, точно на клавишу торможения, чтобы оторваться, отстать от опасности, что несли с собой Журавли. Все же он еще раз взглянул на экран. Все было правильно, самое время тормозиться: комбайн врал уже сверх всяких норм. Кли́н, по его данным, изогнувшись, отклонился от прямой и теперь опять выходил на прежний курс, но уже на ином, более далеком расстоянии. Старейший растянул губы в бессознательном оскале, и рука его дрогнула перед тем, как надавить клавишу.

И в это время твердые пальцы юноши перехватили его кисть и не позволили сделать движение. Кленов гневно взглянул на спутника. Стоя рядом с ним, биолог, перегнувшись, держал другую руку на лимбе регулировки контрольной группы, следившей за исправностью самих приборов; держал — и странная улыбка играла на его губах.

— Включаю торможение! — прохрипел Кленов. — Я не могу riskовать... из-за вас.

Юноша на миг посмотрел ему в глаза.

— Нет! — сказал он кратко. — Идите на сближение...

— Приборы...

— Они в порядке. Вы же приказали мне следить за контролем, я вам докладываю. Вам непонятно? Да скорей же!..

Тогда Кленов перенес руку правее, начал легко трогать сухими пальцами клавиши управления двигателем и рулями. Приборы честно показали, что реактор, отключившись от питания ловушки, вновь отдавал энергию кораблю. Ловушка исчезла, зато конус снова заскользил к оси экрана, и расстояние стало заметно сокращаться.

— Опоздаем... — одним дыханием сказал биолог.

— Нет, — усмехнулся Старейший.

Он усмехнулся, хотя губы его еще чуть дрожали, — усмехнулся потому, что имел на это право: в вождении корабля он мог показать класс не только какому-нибудь биологу.

...Они не опоздали. Они пришли в точку встречи как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетают Журавли.

Странные полотнища, видимые в бьющем на тысячи километров луче дельта-комбайна, в мертвом безмолвии межзвездного пространства скользили мимо корабля. Они шли безупречным конусом, намного точнее, чем летали земные журавли. И странным и призрачным казался их полет застывшим возле видеоэкранов людям. Пролет каждого Журавля продолжался мгновение — корабль шел параллельным курсом, лишь немного отставая от клина, — и за это мгновение приборы корабля улавливали нарастание дельта-поля при приближении каждого полотнища, затем его мгновенное уменьшение и снова нарастание до максимальной величины, намного больше первой, стремительное падение до нуля — и все начиналось сначала.

Они пролетали мимо — Журавли, за которыми старик охотился так долго и которых видел, судя по статистике предшествовавших случаев, пожалуй, последний раз в жизни. Последняя возможность выполнить свою задачу ускользала от него вместе с этими черными полотнищами... Но он еще не был бессилён.

Он был еще очень силен, потому что человек, искавший и нашедший, всегда бывает неизмеримо сильнее тех препятствий, которые могут встать на его пути. Потому что первое осторожное прикосновение к новому и неизвестному служит только разведкой перед тем, как это неизвестное будет схвачено уверенной хваткой разума теоретика и рук экспериментатора, а Старейший был и тем и другим. А если ему понадобились бы не две, а четыре руки, то другие две — он внезапно почувствовал это — находились здесь, рядом, готовые вовремя перехватить рычаги. Он был еще очень силен и потому, что энергоцентрality продолжала работать, а каждый следующий Журавль пролетал все ближе — это был конус, а не цилиндр, — и надо было только повторить операцию отключения корабля и включения генераторов, чтобы снова забросить дельта-поле. Игорь мгновенно понял этот замысел: не сумев поймать Журавлей в заранее расставленную сеть, Старейший хотел теперь накинуть ее на одного из них в тот момент, когда Журавли будут пролетать поблизости от корабля. Биолог протянул было руку, но какая-то мысль пришла ему в голову — рука повисла в воздухе, и только подобие улыбки мелькнуло на губах.

Стрелки приборов снова дрогнули, когда мощный ступок дельта-поля был выброшен излучателями корабля. И снова двое приникли к экрану.

Невидимая и тем не менее материальная сеть устремилась как раз в промежуток между двумя Журавлями — и задний из них неминуемо должен был запутаться в ее мощных силовых линиях. И в момент, когда Старейшему казалось, что это уже неизбежно, и он уже поднял было победно руку, когда юноша уже чуть присел, чтобы через секунду пуститься в дикий, никому не известный ликующий танец, — неожиданное произошло снова.

Черное полотнище внезапно изогнулось и рванулось в сторону. И ничем нельзя было объяснить этот стремитель-

ный рывок, уведший его из зоны действия ловушки, когда он еще не вошел в соприкосновение с ней. Кленов не собирался признавать себя побежденным, но следующий Журавль отвернул, еще и не дойдя до места предыдущего, а следующий — еще раньше. И сколько старик ни колдовал, давая усиление, меняя фокусировку, применяя множество ухищрений, мгновенно придумать которые мог он один, — ничего не помогло, и вскоре последний Журавль скользнул мимо корабля, чтобы, замыкая строй, со все возрастающей скоростью скрыться в черноте пространства.

Так это выглядело на экране, и именно так это увидел Игорь. Но старику показалось, что последнее ускользавшее черное пологнище дрогнуло, на миг замерло — и рванулось к нему, окутывая его непроницаемой, тяжелой и душной чернотой.

* * *

— Ну, как вы? — спросил Игорь.

Кленов пошевелился и что-то пробормотал.

— Все в порядке, — сказал Игорь. — Лежите спокойно.

— Курс, курс?

— Завтра скорость упадет до безопасной. Повернем домой.

— А Журавли?

— Они далеко... — Игорь задумался и повторил: — Далеко...

Старейший без звука откинулся на узкое ложе. Губы его зашевелились, и биолог наклонился к нему, чтобы слышать.

— Жизнь...

— Не беспокойтесь, — сказал Игорь. — Никакой опасности. Просто нервное переутомление. Вы слишком много летали. В вашем возрасте...

Губы Кленова искривились в усмешке.

— Люди умирают не от возраста, — повторил он высказанную раньше мысль. — Главное — разочарования. Я их пережил немало. И это — последнее...

Он на миг умолк, и юноша, воспользовавшись паузой, вставил:

— Ну, относительно этого можно спорить...

— Вся жизнь в последние годы, — негромко сказал Кленов. — И все зря...

— Почему зря?

— Они ушли. — Старейший вдруг приподнялся на локте и резко спросил: — Или нет? Отвечайте!

— Они ушли, — согласился Игорь. — Но не совсем. Кое-что осталось.

— Снова записи, ленты... Этого у меня и так было много. Не этого я хотел.

— Чего же?

— Разгадать их. Но для этого мне был нужен хоть один Журавль. Хоть один!..

Юноша подумал, что старик, лежащий перед ним, — великий старик. Легенды говорили о нем — молодом, могу-

чем, добивающемся. Он стар, он слаб и потерпел поражение. Чего он хочет, отдыха? Журавля... Того журавля, что в небе — как говорили когда-то... Захотим ли все мы журавлей, потерпев последнее поражение, или, хотя бы думая, что мы его потерпели?

— Не обязательно поймать Журавля, — сказал он, но Старейший не слушал.

— Столько лет!.. — говорил он как бы про себя. — Сколько я мог бы сконструировать кораблей!.. Провести экспедиций. Основать колоний... Ведь я прожил много лет. Этого он мог и не говорить — теперь это было видно. От бодрости и молодости Кленова словно не осталось и следа: теперь это был действительно старик, не только старый капитан, но просто старик.

— Но ведь вы достигли цели! — сказал биолог.

Что-то в его голосе заставило старика внимательно взглянуть в глаза юноши, и в глазах этих он увидел нечто заставившее его сказать новым, чистым и требовательным голосом:

— Говорите!

— Вы хотели узнать новое о Журавлях?

— Глупый вопрос! — Это прозвучало раздраженно, и юноша обрадовался тому, что старый космонавт, видимо, снова обретал форму. — Надо мной многие смеялись, меня называли охотником за привидениями, уверяли, что мне ничего не удастся поймать. И я не поймал...

— И в этом именно и заключается ваша победа, — сказал Игорь.

— Я не люблю загадок, — огрызнулся старик. — И, если можете, не устраивайте здесь сеанса гипнотерапии. Я еще не умираю и, смею заверить, сделаю это не так скоро. Ничего не потеряно. Никаких пустячных утешений, да. Итак, я победил. Как именно? Ну?

— Подумайте! — сказал юноша. — Ведь это Черные Журавли Вселенной!

— Ну и что?

— Ведь они живые — эти ваши Журавли...

Старейший выпрямился. В рубке царил покой, привычные кривые скользили по экранам, высокое пение приборов внезапно стало слышным.

— Живые?.. — изумленно прошептал он.

— Да! Никто, кроме живых существ, не может произвольно менять скорость и направление полета. А они сделали и то и другое.

Старейший опустил голову, провел ладонью по лбу. Лоб был мокр от пота.

— Мало того! — продолжал Игорь. — Помните, как они шарахались от вашей ловушки? Это не поле отталкивало их — они уклонялись сами. Они сообщали друг другу! Вы говорили, что уже пытались ловить их этим способом? Ну, тогда?

Кленов кивнул.

— Ну, вот. Они знают, понимаете, знают этот способ! Вы научили их...

— Живые... Это не укладывается в голове.

Биолог усмехнулся.

— Надо уложить.

— Но... как же они живут? Где?

— Здесь! — сказал биолог. — В пространстве. Почему вы все думаете, что жизнь возможна только на планетах? Разве само пространство не может быть обиталищем живых существ?

— Межзвездное пространство — обитель жизни? Но кто слышал об этом?

— И это говорите вы? А кто до вас слышал о Черных Журавлях Вселенной?

— Как же они питаются? Чем?

— Очевидно, энергией, — сказал юноша, мягко нажав на плечи старика и заставляя его вновь опуститься на ложе. — Очевидно, лучистой энергией. Поэтому у них максимальная площадь при данном объеме. Поэтому они так любят Новые: там они получают максимум энергии.

— А передвижение?

— Вы лучше меня знаете, что только ракета может передвигаться в пространстве. Они излучают, очевидно, кванты дельта-поля. Вы знаете, что это — тяжелые кванты. Попав в это поле, и взорвался, очевидно, корабль... Поле идет и впереди них: они обладают чем-то вроде естественных локаторов. Кстати, этим, возможно, и объясняется их строй конуса: при таком строе ни один из них не попадает в выхлоп другого и не мешает локации.

— А размножение?

— Вы спрашиваете у меня слишком много, — сказал Игорь. — Мы не знаем, как они рождаются, как умирают. Но и это узнаем — со временем. А пока ясно одно: Черные Журавли Вселенной — это жизнь. Доселе нам неизвестная жизнь. Какая еще вам нужна победа?

— Но тогда это враждебная нам жизнь?

— Почему? Вы сами говорили, что теперь корабли обладают мощной защитой. Хотя бы наш...

— Наш... Кстати, как вам удалось прийти к этим выводам? Вы знаете куда больше, чем мне казалось.

— Сидение в одной рубке с вами не проходит даром, — сказал Игорь. — А эти три дня я ломал голову. Помогли ваши записи. Они...

— Ну, ну... Но, во всяком случае, Журавли бесполезны, мальчик. А раз так...

— Это живые существа, — возразил Игорь. — Помните, вы говорили насчет Новых?

— Ну?

— Там, куда они летят, тоже вспыхнет Новая. Если бы там, в том районе, была колония, мы бы смогли подать сигнал. Трагедия Коринтеры не повторится, Старейший!..

Отстранив биолога, Кленов медленно поднялся. Осторожно ступая, прошел по рубке и опустился в кресло за пультом. Руки его дрожали.

— Пусть жизнь эта и будет памятником вашему другу, — мягко сказал юноша. — Жизнь не только Журав-

лей. Жизнь тех тысяч колонистов, которых можно будет спасти за много грядущих столетий. Ведь теперь понадобится только заметить их, установить направление — и подать сигнал...

— Жизнь... — сказал Старейший. — Как все это странно и необычно! Хотя правда — ведь и гипотезы бывают друзьями, и с ними тоже жаль расставаться. Кстати, это значит, что в спектрах Новых — вернее, будущих Новых, есть особенности, которые улавливаются Журавлями. Иного пути информации быть не может. Интересно... Над этим стоит подумать!..

Игорь улыбнулся и промолчал.

— Да, — проронил Старейший после паузы, — вы сделали громадное открытие. Жизнь в пространстве... За гибель моего друга отомстили именно вы. А ведь вы искали совсем другое...

— И вы искали совсем другое. А нашли мы вместе...

— У них дьявольское чутье, — сказал Старейший. — И какие-то дикие способы общаться между собою. Не одна же стая их на свете! Какая бездна нового! Впрочем, то, что вы говорите, — это тоже пока еще только гипотеза. И все. Одна из...

— Разумеется. На самом деле может быть и совсем другое объяснение. Люди все узнают, — ответил юноша.

— А я теперь даже не знаю, что мне делать.

— Как же так? Кто же будет изучать их?

— Вы. И многие другие.

— Старейший, тут необходим ваш опыт! По сути дела, ваша цель не изменится. Все те же Журавли... А сейчас — домой. Вам надо отдохнуть. А я еще хочу увидеть и простых журавлей, земных.

— Сколько я лежал? — спросил Кленов.

— Почти трое суток.

— Вот как... Насколько я помню, вы сами напросились на мой корабль?

— Да... — сказал юноша растерянно. — Но...

— Никаких «но»! — сказал старик. И это был снова прежний Кленов. — С земными журавлями вам придется подождать, мой мальчик...

— Что вы хотите?

— Моя скорость — на двадцать тысяч в секунду больше, — победоносно произнес Кленов. — Направление известно... Земные не уйдут. А мы с вами еще раз посмотрим на Черных Журавлей Вселенной...

Г. ЦИРУЛИС,
А. ИМЕРМАНИС

24-25

НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

*Литературный
киносценарий*

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Город окутан туманом. Он поглотил все: здания, изгороди, фонарные столбы, редких прохожих. Из густой мглы возникают два тусклых глаза — такси. Лучи фар обрываются сразу перед радиатором машины. Человек на краю тротуара подымает руку, но таксомотор не останавливается, хотя и свободен. Мимо скользит панорама неузнаваемо преобразившейся улицы. Громадной светлой тенью со звоном проносится трамвайный вагон, где-то рядом трещат невидимые мотоциклы.

Впереди призрачно мерцает неоновая реклама. Такси сбавляет ход, останавливается у кафе. Из машины выходит шофер Леон Пурвит. Его рука в перчатке поворачивает ключ в замке

дверцы. Машина заперта. Пурвит обходит машину кругом. Виден освещенный задним фонарем номер:

24-25 ЛАГ.

Пурвит открывает дверь кафе.

В такую непогоду кафе кажется особенно уютным. Видимо, поэтому здесь так много посетителей. В оркестре перерыв, никто не танцует, и видно, что лишь за двумя столиками есть свободные стулья. Столики — на них тепло светятся невысокие настольные лампы — разделены декоративной перегородкой и сразу привлекают к себе внимание входящих. За этими столиками сидят две молодые хорошенские девушки: Ирена и Мара.

Ирена одета по последней моде. Ее внимание поглощено публикой в зале. Мара, напротив, словно не замечает окружающего. Время от времени она задумчиво проводит рукой по выющимся каштановым волосам, словно отгоняя неприятные воспоминания, и озабоченно хмурится.

Входит Пурвит. Это тридцатилетний мужчина, у него худощавое лицо, светлые усыки, стройная спортивная фигура. Пурвит неторопливо снимает перчатки и сует их в карман куртки.

Он подходит к столику Ирены почти одновременно с мужчиной средних лет, приглашающим ее на танец.

— Моя девушка не танцует с незнакомыми мужчинами, — тон Пурвита вежлив, но категоричен. Сев за столик, он бросает официантке: — Как всегда!

Его громкий голос выводит Мару из раздумья. Она протягивает руку к коньячной рюмке, что стоит рядом с чашкой кофе, но та пуста.

— Какое горе топишь?

Лишь сейчас Мара замечает, что возле столика стоит ее друг — врач Имант Эрберт. Он одет подчеркнуто элегантно: модный костюм в едва заметную полоску, белоснежная сорочка, безукоризненно завязанный галстук. Энергичное лицо дышит здоровьем и свежестью, лишь во взгляде синих глаз притаилась усталость.

— Имант! — обрадованно говорит Мара. — Ну, рассказывай, каковы твои успехи в Вене?

— А твои в Риге?

Мара кисло усмехается.

— Мне грозит повышение...

— Что ж, поздравляю. — Эрберт принимает таинственный вид и, развернув сверток, достает небольшую фигурку из слоновой кости. Это толстый улыбающийся Будда с пятью такими же улыбающимися младенцами на руках. — В жизни надо следовать хорошим примерам, — шутит он.

— Прелесть! — Щеки Мары вспыхивают. Стало быть, Имант и во время конгресса думал о ней. — Она рассматривает подарок. — Слоновая кость! За границей это же стоит безумных денег! Мне вовсе не нравится, что ты так потратился на меня.

— Не расстраивайся, — улыбается Эрберт. — Могу себе позволить. — И, увидев, что Мара недовольно хмурится, добавляет: — После свадьбы я тебе все расскажу.

— Мне сегодня не до шуток! Из меня хотят сделать начальника архива. — Мара разглядывает фигурку и нечаянно отла-

мывает головку. — По-видимому, это символично, — говорит она, вылавливая головку из кофейной чашки. — Пять лет меня учили вести следствие. Неужели моя голова годна лишь на то, чтобы я занималась стиранием пыли со старых папок?

Эрберт берег фигурку и отломленную головку, прячет в карман.

— В моей лаборатории склеят так, что и трещинки не заметишь. Не расстраивайся!

— Бывают несчастья, которым клей не поможет. Одна-единственная ошибка — и уже считают, что ты не годишься для работы в милиции. — Она грустно вертит в пальцах пустую рюмку.

— Два коньяка! — заказывает Эрберт официантке. — Когда сядешь за руль, это удовольствие станет для тебя запретным, — говорит он Маре. — Шоферские права получила?

— Если желаешь взглянуть на памятник моей глупости, приходи на Крастмалас, дом один. Наша «Волга» по-прежнему стоит во дворе под брезентом...

— Ничего, в свадебное путешествие поедем на моей. Если ничего не изменится, то на будущий год куплю обязательно...

Мара улыбается, она принимает это заявление, как очередную шутку.

— Ты, наконец, расскажешь о Вене или нет? О чем говорили на конгрессе?

— О том, что чарльстон вовсе не такой уж плохой танец, — и Эрберт приглашает Мару.

Чувствуется, что он совершенно не намерен говорить о серьезных вещах.

Музыканты вновь заняли свои места на эстраде. Проходя с Марой на площадку для танцев, Эрберт замечает Ирену и кивает ей за спиной Мары.

К столу Ирены и Пурвита подходит Межулис. Он молод, волосы его прилизаны, черты гладкие и неброские. В его костюме тоже ничего примечательного. При разговоре не выпускает из зубов папиросу с причудливо смятым мундштуком.

— Заметил у входа твою машину, — говорит Межулис. — Дай, думаю, зайду...

— А, Межулис! Как ты рискнул без жены? — усмехается Пурвит.

— Оставь жену в покое! — Межулис, раздавив в пепельнице недокуренную папиросу, тут же вынимает из пачки «Беломира» следующую и привычным движением сминает ее мундштук.

— Знаю, знаю, она самая хорошая, самая...

— Перестань, Леон, — перебивает его Ирена. — Его жена в больнице. Как она, Межулис?

— Сегодня еще не звонил...

Ирену опять приглашают танцевать — на этот раз молодой симпатичный парень. Она качает головой, но неожиданно вмешивается Пурвит:

— Да иди уж!

Ирена встает и уходит.

Межулис, словно только этого и ждавший, вынимает из кармана ключ и подает Пурвиту.

— Порядочек!

Пурвит неловким движением роняет сумочку Ирены под стол и довольно долго взрится с ней, пока поднимает и кладет на место.

— А что доктор? — спрашивает Межулис.

— Доктор не дурак.

Музыка кончилась. Многие аплодируют, надеясь на повторение танца, но у Эрберта в этой веселой суতোлке вид безучастный. Мара ласково берет его за руку и ведет к столику.

— О чем ты задумался, милый?

— О том, что... Вышло так, что на карту поставлено...

Мара не хочет слушать дальше. Они не виделись почти целый месяц. Для чего портить чудесный вечер?

— Что у нас за характеры — даже повеселиться как следует не умеем!

— А что, если пойти в кино? — предлагает вдруг Эрберт.

За соседним столиком тоже собираются уходить. Взглянув на часы, Пурвит говорит:

— Пора!

Они чокаются. Но пьет одна Ирена. Мужчины даже не пригубили рюмок.

Межулис закуривает папиросу и встает.

* * *

В блестящем черном плаще он стоит в телефонной будке и говорит в трубку:

— Доктора Эрберта, пожалуйста!

* * *

Швейцар кафе, подойдя к столику, что-то спрашивает у сидящих. Затем направляется к их соседям:

— Тут нет доктора Эрберта?

Ирена показывает ему Эрберта, танцующего с Марой.

Швейцар подходит к Эрберту, но не решается помешать им — так увлеченно они танцуют. Швейцар откашливается и касается рукой плеча Эрберта.

— Извините, вас просят к телефону.

...Эрберт возвращается к столику, уже надев плащ.

— Мара, дорогая, не сердись, — торопливо говорит он. — В кино пойдем завтра. Звонили из амбулатории. Срочный вызов.

* * *

Тем временем туман стал еще плотнее. Пурвит, выйдя с Иреной из кафе, безуспешно пытается найти на стоянке свою машину. Такси исчезло.

— Угнали! — Пурвит кидается обратно в кафе. — Где тут телефон? Моей машины нет!

Мара — она берет у гардеробщицы пальто — резко оборачивается. Вот возможность доказать и себе и всем на свете, что она, Мара, тоже кое-что смыслит в милицейской работе.

Как ей повезло: машину украли чуть ли не при ней! Хорошо, что они с Имантом не пошли в кино. Теперь она самая первая допросит потерпевшего и свидетелей, первая осмотрит место происшествия, все козыри будут у нее в руках! Действовать надо немедленно, по горячему следу.

Мара подбегает к Пурвиту и, доставая из сумочки служебное удостоверение, чуть ли не торжественно кричит:

— Покажите, покажите мне!

— Чего ж теперь показывать?! Пустое место? — угрюмо отрезает Пурвит.

— Я разыщу! — запальчиво говорит Мара.

Пурвит пожимает плечами и показывает на дверь.

Кинув палью на барьер, Мара выбегает на улицу. Пурвит, Ирена, швейцар и даже гардеробщица — все бегут за ней. На улице вокруг них тотчас собирается кучка зевак.

— Что случилось? — спрашивает кто-то таким тоном, будто он главный специалист по таким происшествиям.

— Машину украли! — Пурвит по-прежнему крайне взволнован.

Света карманным фонариком, Мара изучает асфальт. В световой круг попадает до половины выкуренная папироса с характерно измятым мундштуком. Пурвит наступает на окурки ногой.

— У машины был номер 24-25 ЛАГ, — говорит он.

— Надо в милицию позвонить, — опять вмешивается все тот же «специалист», — пока не успели за город угнать.

— В такой туман далеко не угонят, — в голосе Мары слышится раздражение. — По-моему, надо проверить на ближайших улицах.

* * *

У железнодорожного переезда стоит таксомотор 24-25 ЛАГ и настойчиво сигналиит. Под звон сигнального звонка шлагбаум медленно подымается. Машина срывается с места и мчит дальше.

Впереди в тумане неясные очертания высоких ворот, над которыми висит большой фонарь. Но свет в тумане так тускл, что можно прочесть лишь окончание: «...ПОРТ».

Такси затормаживает у ворот. Почти в тот же момент дверца открывается, Эрберт с небольшим чемоданчиком в руке выскакивает из машины. Предъявляет вахтеру пропуск и исчезает в тумане. Слышен вой судовой сирены.

Такси разворачивается и уезжает обратно в город.

* * *

Майор Григаст тщательно вытирает ноги перед тем, как переступить порог своего кабинета. Кабинет для майора — второй дом. Открыв дверь, он довольным взглядом окидывает помещение. Все вещи на своих обычных местах: и сейф, и письменный стол, и жесткое кресло за столом, и два стула для посетителей.

Майор снимает и вешает фуражку, потом замечает, что она висит косо, и поправляет ее. Повесив на плечики шинель, он

для порядка застегивает ее. Теперь можно сесть. Его массивная фигура заполняет все кресло. Некоторое время он сидит неподвижно, собираясь с мыслями, и как бы сливается с комнатой, вся обстановка которой как-то гармонирует с ним. Перелистывает газету. Затем снимает телефонную трубку.

— Почту.

Майор достает из кармана лупу и ножнички, кладет их перед собой и терпеливо ждет.

Почту приносит старший лейтенант Климов. Он недавно пришел из армии и немного щеголяет своей военной выправкой. Остановившись на положенном по уставу расстоянии, Климов громко докладывает:

— Товарищ майор, старший лейтенант Климов явился по вашему приказанию. Почта!

Григаст хмурит брови.

— Я и сам вижу... Спасибо, можете идти! — Григаст берет конверты.

— Товарищ майор, разрешите доложить. Начальник заготовил приказ о переводе лейтенанта Мары Лейя в архив министерства! — лихо докладывает Климов.

— Передайте ему... Ладно, я сам скажу... — Видя, что Климов вовсе не намерен уходить, он откладывает письма и нетерпеливо спрашивает: — Ну, что еще?

— Я насчет отбывшего срок Виктора Витола... Просит устроить его на работу маляром. — В голосе старшего лейтенанта уже нет прежней лихости.

— Ну и? — подбадривает Григаст.

— Три судимости... Просто не знаю... — мнется Климов.

Григаст покзывает на газету.

— Читали?

— Так точно! В Америке собираются всех служащих проверять детектором лжи.

— Вот именно! — Григаст кивает. — Там в каждом человеке видят потенциального преступника. А у нас — дело другое... В наших условиях, Климов, преступность — это болезнь. Как вы полагаете: Витол уже среди выздоравливающих?

— В какой-то мере, пожалуй...

— Тогда оформляйте на работу. Это наш долг.

— Так точно! Оформить на работу! — отчеканивает Климов. Он рад, что начальник помог ему отделаться от сомнений.

— И принесите сюда машинку! — бросает вдогонку ему Григаст.

Оставшись один, Григаст вырезает из конвертов марки. После того как Климов вносит пишущую машинку и ставит ее на стол, майор начинает печатать двумя пальцами. Ничего путного из этого не выходит — буквенные рычаги сцепляются, каретка с язгом проскакивает на целую строку.

— Не тот клавиш нажали, — говорит Климов.

— А вы умеете? — показывает на машинку Григаст.

— Никак нет, товарищ майор!

— Я так и знал.

Климов уходит. Григаст складывает вырезанные марки в специальную коробочку. Потом теми же ножницами перерезает сигарету, одну половинку кладет обратно в портсигар, другую

вставляет в мундштук. Смотрит на часы и закуривает. Снова смотрит на часы, недовольно морщит лоб, бросает взгляд на дверь.

Дверь открывается. На пороге стоит Мара в форме лейтенанта милиции.

— Здравствуйте, — произносит она.

— Вы опоздали на две минуты.

— Извините, товарищ майор, вы ошибаетесь. На три минуты.

Григаст делает вид, будто не услышал. Он вообще не допускает для себя возможности ошибаться. Он сделал замечание, и на этом вопрос исчерпан.

— Садитесь...

Мара собирается сесть на стул, но Григаст еще не кончил фразу:

— ...за машинку, — продолжает он. — Готовы? Пишите: «Водителю Пурвиту. В связи с кражей автомашины 24-25 явиться к майору Григасту...» Почему вы не пишете? — спрашивает он, когда обрывается стук машинки.

— Товарищ майор, — просит Мара, — а нельзя это дело поручить мне? Я ведь, можно сказать, очевидец! Сама же сообщила дежурному по городу.

— Вот как? Рассказывайте! Только по порядку и со всеми подробностями.

— Я как раз сидела в кафе... — торопливо начинает рассказывать Мара, — с доктором Эрбертом. Он привез мне из Вены страшно забавного Будду из слоновой кости...

* * *

Коридор управления милиции кажется бесконечно длинным. За всеми дверьми идет своя будничная жизнь: звонят телефоны, стучат пишущие машинки, слышатся голоса. По коридору проходят сотрудники с папками.

— Сейчас выедет опергруппа! — слышен энергичный голос за одной из дверей.

У открытого окна стоят и курят два работника милиции. Они горячо обсуждают какую-то шахматную партию. Арестованный, которого проводят два милиционера, кидает жадный взгляд на дымящиеся папиросы.

Возле третьей двери сидит на скамейке девушка и плачет. Громадная овчарка, которую ведет чернявый сержант, проходит мимо нее. Девушка даже не пошевелилась.

Вдруг дверь открывается.

— Тебя отпустили! — Девушка, не веря себе от счастья, вскакивает навстречу вышедшему.

Парень кивает головой. На его лице отражается и сознание своей виновности, и радость, и твердая решимость.

— Я сказал, что больше никогда в жизни... Они мне поверили...

Открывается другая дверь. Из нее выходит низенький подвижной старичок — профессор Ландовский, директор фармацевтического института. Его сопровождает полковник милиции.

— Пожалуйста, прошу сюда! — вежливо указывает он профессору, который уже засеменил в другую сторону.

— Нет, но вы понимаете!.. — возбужденно жестикулирует профессор.

— Можете не волноваться! — успокаивает его полковник. — Министр здравоохранения звонил мне.

— Нет, вы ничего не понимаете, — взволнованно продолжает профессор. — «Витафан»...

* * *

— Ну, ладно, — говорит Григаст, когда Мара заканчивает свой рассказ. — Вы отломали голову Будде, но своя-то у вас, надеюсь, осталась на плечах?.. — Он протягивает руку. — Где папираса, которую вы там заметили?

— Ее сразу затоптали... Но это ведь был обыкновенный «Беломор» — совершенно точно!

— Вот видите, — разводит руками Григаст. — А вы хотите, чтобы вам доверили это дело. Не знай я вашего отца с тех пор, когда он был комиссаром моего батальона, и не будь я уверен, что из его дочки может выйти толк, сегодня же прогнал бы вас в архив... А пока что... — Он отворачивается, чтобы не видеть умоляющий взгляд Мары. — Одним словом, терпение! Когда я буду уверен, что подобные ошибки больше не повторятся...

Появляются полковник с профессором, и Григаст обрывает фразу на полуслове. Он встает.

— Майор Григаст, вашему отделу — ответственное задание. Мобилизуйте все силы. Профессор Ландовский расскажет вам обстоятельства подробнее. Если возникнет необходимость, свяжитесь с Комитетом госбезопасности, — говорит полковник и уходит.

— Сегодня ночью у нас в институте украли лекарственный препарат «Витафан»! — без всякого вступления начинает профессор. — Вы понимаете, что это значит?!

— Рассказывайте! Только с самого начала и во всех подробностях.

— Вначале возникла проблема органической базы. — Профессор достает из кармана блокнот и почему-то принимается испещрять его формулами органической химии.

— Насколько я понимаю, это лекарство?

— Сейчас вам поясню. Как я уже сказал, это было лишь начало.

— Значит, это новинка? — снова перебивает его Григаст.

— Еще бы! Взгляните, что мне пишет по этому поводу профессор Ланвен из Парижа! — Ландовский бросает на стол письмо. — Он считает, что радиоактивные изотопы...

Григаст вдруг становится рассеян — он увидел почтовую марку и машинально лезет в карман за ножничками.

— Ясно, — бормочет майор. — Простите, вы ведь не филателист? — Но тут он замечает, что из-за его плеча глядит Мара, и говорит:

— Так что у нас там?

— «В связи с кражей автомашины 24-25 ЛАГ явиться к майору Григасту...» — читает Мара вслух.

Григаст бросает взгляд на покорно склоненную голову Мары, и на его лице проскальзывает некое подобие улыбки.

— Видите, опять ошибка! Майор Григаст теперь займется «Витафаном»... Пишите: «К лейтенанту Маре Лейя». Точка. С начальником я этот вопрос согласую.

Ландовский вырывает из блокнота листок и показывает майору.

— Эта структура...

— Спасибо! — Обрадованная Мара встает и быстро выходит из кабинета.

...Более двух часов продолжается беседа в кабинете Григаста. Сам он уже окончательно выдохся, слушая научные комментарии и рассуждения профессора Ландовского. Майор вытирает лоб большим клетчатый платком и выпивает стакан воды.

— Товарищ профессор, одну секундочку! — В голосе Григаста мольба. — Время дорого. Позвольте мне зачитать протокол нашего разговора.

Профессор умолкает.

— «В ночь на восьмое октября через окно первого этажа неизвестные преступники проникли в фармацевтический институт и похитили две тысячи семьсот ампул «Витафана» — экспериментального препарата, предназначенного для клинической проверки. «Витафан» изготавливается из редких растений и активизируется в особой камере. Теперь испытание медикамента возобновится не ранее, чем через семь-восемь месяцев. Можно предполагать, что в этой краже заинтересована иностранная фармацевтическая фирма...» Скажите, а разве недостаточно нескольких ампул, чтобы определить состав? Или, скажем, одних формул?

— Абсолютно исключено! Видите ли... — Профессор снова тянется за блокнотом с авторучкой.

Майор дружеским движением останавливает руку профессора.

— Ясно. И потому украли все ампулы. Какова их стоимость?

— На медицинском конгрессе в Вене одна австрийская фирма предлагала за патент два миллиона.

— Скажите, товарищ профессор, а еще кто-нибудь знал об этом предложении?

Профессор встает, подходит к окну и с минуту задумчиво молчит. Наконец он оборачивается.

— Не припомню... то ли присутствовал при этом доктор Эрберт, то ли нет... Просто не могу вспомнить.

* * *

Разумеется, можно послать с дежурным милиционером повестку и спокойно ждать, когда Пурвит явится. Номер машины и внешние признаки известны, посты агломерации оповещены. Рано или поздно воры будут пойманы. Но Маре вовсе не хочется сидеть сложа руки.

Нет, нельзя терять ни минуты. Надо сейчас же идти в таксопарк, еще раз допросить шофера похищенной машины, собрать сведения о нем, лично познакомиться с обстановкой. За-

ранее обдумывая вопросы, которые она задаст Пурвиту и его товарищам, Мара спешит домой.

Прийти в таксопарк в форме нельзя — это ясно. Значит, надо что-то другое, более подходящее к случаю. Аккуратно прибранная матерью комната через несколько минут преобразуется. Одно за другим на тахту летят «забракованные» платья, блузки, кофточки. Наконец этот шторм стихает — Мара оставила свой выбор на темной юбке и светлой блузке, вырез которой скромно прикрыли концы ярко-алой косынки. Мара осматривает себя в зеркале. Настроение у нее поднимается, она даже начинает насмиваться.

Что ж, можно идти!

* * *

Таксопарк расположен на тихой окраинной улочке. Небольшие деревянные домики разделены заборами, на которых сушится белье. Когда появляется Мара, электрические часы над воротами гаража показывают без четверти двенадцать. Стараясь запечатлеть в памяти каждую мелочь (не зря Григаст на каждом шагу напоминает, что личные наблюдения ценнее любой фотографин), Мара идет по забитому машинами двору. Транспаранты «Осторожно, туман!», «Осторожно, гололед!» не освещены. Сегодня чудесный, ясный денек ранней осени, солнечные лучи играют на лакированных боках таксомоторов, образуют маленькие яркие радуги в тучах брызг вокруг моечной эстакады. словно перекликаясь со сверкающими струями воды, в черном проеме открытой двери мастерской рассыпаются искры электросварки.

В ожидании начала смены шоферы разговаривают, балагурят, иные уже сели за руль и курят, дожевывают бутерброды. В укромном уголке двора, который невидим из окна конторы, сидят четверо и режутся в карты на пустой бочке из-под горячего.

Появление Мары вызывает всеобщий интерес.

Луриньш — все на нем, включая и галстук, словно куплено в комиссионном магазине — прищелкивает языком.

— Ого!..

Другой шофер, высунув голову из-под капота мотора, восхищенно поднимает большой палец.

Луриньш уже нашел новую мишень для зубоскальства.

— Не так надо, Мурьян, грудью! — кричит он. — Разве не знаешь, как детей кормят?!

Это относится к молодому шоферу, который дает девочке лет пяти бутылку молока. У обоих белокурые волосы, одинаковые голубые глаза. Сразу видно, что дочка удалась в отца.

— Не глазей на дядю, Расма, — не смущается Мурьян. — Завтра пойдем с тобой в зоопарк, там я покажу тебе настоящую обезьяну.

Мара уже собралась было завернуть в контору, но неожиданно замирает на месте. В ворота въезжает таксомотор. Мара тотчас узнает человека за рулем — вчера он сидел в кафе вместе с Пурвитом и блондинкой. Стало быть, он тоже шофер такси и работает в этом парке! Интересно, интересно, как сказал бы Григаст...

Межулис вылезает из машины. Мара подходит к Доске почета и делает вид, будто внимательно изучает ее. Украдкой выглянув из-за столба, она видит, что Межулис напрямик направляется к Луринышу.

— Ну, есть что-нибудь? — слышит она вопрос Межулиса.

Луриныш не спешит с ответом. Он с важностью достает из кармана пачку «Честерфилда» и щелкает по донышку большим пальцем. Из пачки выскакивает сигарета.

— Можно достать ананасы... На, закури!

Межулис презрительно смотрит на американскую сигарету и так же демонстративно вынимает смятую пачку «Беломора». Оба не видят Мару.

Зато Мара замечает, что Межулис, прежде чем прикурить, старательно сминает мундштук папиросы. Точно так же был смят мундштук окурка, который она видела около кафе, на том месте, где стояло украденное у Пурвита такси. Теперь она прислушивается к разговору с удвоенным интересом. И уже следующие слова Межулиса кажутся более чем подозрительными.

— Можешь вечером приехать, — тихо говорит он Луринышу. — Покрышки есть.

— Где достал? — спрашивает Луриныш, безуспешно щелкая зажигалкой в форме пистолетика.

— Не твоё дело! — отрезает Межулис. Отведя в сторону руку Луриныша с зажигалкой, он зажигает спичку, затягивается и уже несколько дружелюбнее добавляет: — Я же не спрашиваю, где ты берешь ананасы.

Они уходят. Мара некоторое время еще стоит у Доски почета. Межулисом надо поинтересоваться — это ясно.

Собравшись отойти, Мара замечает еще одно знакомое лицо. На Доске почета, перед которой она все еще стоит, в самом центре красуется портрет Пурвита.

* * *

Собеседник Мары — директор таксомоторного парка — напоминает профессора Ландовского: он то и дело пускается в многословные рассуждения, которые в общем-то мало что объясняют Маре. Но обычно люди, которые любят свою работу, любят и поговорить о ней...

На директоре кожаная куртка, как и у большинства шоферов. В каждой фразе его чувствуется глубокое понимание дела, которым он руководит. Видно, что этот человек немало лет сам покрутил баранку.

— Вообще-то ангелов у нас нет. Но если б все работали, как Пурвит, выполнение плана меня не беспокоило бы. Сами посудите: без году неделя, как он перешел к нам из транспортной базы, а уже на Доску почета угодил. Не хотелось давать ему отпуск, но что поделаешь — остался без машины, а свободной не было. Я ведь не могу заставить его сидеть тут и дожидаться, пока кто-нибудь из товарищей заболеет. При нашей бригадной системе не было возможности сразу предоставить ему другую машину. Пурвит это знает, потому сам и попросил дать ему теперь отгул. А знаете, — директор неожиданно приглашает

голос, — если бы у меня было побольше свободного времени, я, наверно, засел бы писать роман. Особенно часто я об этом думал, когда сам работал на такси. Бывало, едешь и рассуждаешь про себя: вот счетчик крутится и крутится, он отмечает только рубли и километры. А ведь в машине сидят люди. Один смеется, другой плачет, один болтает без умолку, другой молчит. После смены иной раз сам себе кажешься таксомотором — нет, какой там! — целым автобусом, набитым разными людьми... А они переговариваются, рассказывают анекдоты, жалуются на судьбу, радуются успехам, целуются, рассуждают, где можно подработать, мечтают о чем-нибудь красивом. Знаете, люди, они вроде дорог: на каждой свои рытвины, свои ухабы. Но большинство — хорошие, настоящие люди!

Мара его больше не слушает. Из открытого окна, у которого стоит ее стул, до нее донесся голос Межулиса.

— В Ленинград? С удовольствием! — говорит он. — А когда выезжать?

— Сегодня вечером.

— Вечером у меня есть дело поважнее, — говорит Межулис.

— Вы совсем не слушаете! — не на шутку обижается директор.

— А на каком счету у вас Межулис? — спрашивает Мара, казалось бы, ни с того ни с сего.

— Человек, — директор разводит руками. — Воспитываем, делаем, что можем...

В кабинет без стука входит Мурьян.

— Ну, что у вас, товарищ Мурьян? — вежливо спрашивает директор.

— Да все то же, — недовольным тоном отвечает Мурьян. — Жена в роддоме, ребенка оставить не с кем, а вы все одними обещаниями кормите...

— Потом поговорим, Мурьян. У меня вот как раз товарищ из...

— Из редакции, — опережает его Мара.

Мурьяну только того и надо.

— Вы из редакции? Так напишите, что ребенка не могу устроить в детсад.

— Без паники, Мурьян, — урезонивает его директор, а затем, как бы извиняясь, обращается к Маре: — Ничего, и эту трудность одолеем.

* * *

По дороге к воротам Мара оказывается свидетелем маленького эпизода, который придает ее подозрениям уже вполне определенное направление.

Диспетчерская. Стены увешаны плакатами автоинспекции, распоряжениями директора, сведениями о забытых в такси вещах и оставленных в залог документах. В диспетчерской никого нет.

— Шофер машины 54-25, сдайте кассу и путевку, — слышен неторопливый женский голос из репродуктора.

Межулис распределяет деньги на две пачки. Большую он сует в карман, меньшую вместе с путевкой подает в окошко.

— Разрешите, — говорит он и придвигает поближе к себе телефонный аппарат. — У кинотеатра «Пионерск»? Ладно, в шесть буду! — договаривается он с кем-то.

* * *

По вечернему бульвару идет погруженный в раздумье человек. Когда он входит в пространство, освещенное витриной кинотеатра, мы узнаем Эрберта. Он проходит мимо Мары. Она сидит на скамье, усеянной влажными листьями, и с видом школьницы записывает что-то в толстую общую тетрадь.

Эрберт останавливается у входа и смотрит на часы — без десяти шесть. Он оглядывается по сторонам, отъездивая кого-то глазами.

— Нет лишнего билетика? — обращаются к нему.

Эрберт даже не отвечает на вопрос.

Мара прилежно рисует. На странице появляется изображение такси с несуразно большим номером «24-25 ЛАГ», папироса с измятым мундштуком, лицо с чертами Межулиса. Рядом она вырисовывает большой вопросительный знак. Как раз на него опускается сорванный ветром листик. Мара смахивает его.

— Готовишься к экзамену в автоинспекции? — произносит Эрберт, незаметно подсевший к ней — Добрый вечер!

Мара захлопывает тетрадь, на которой крупными буквами выведено: «КТО УКРАЛ ТАКСИ?»

— Может быть, я? — шутит Эрберт.

Мара подымает воротник и ежится.

— Продрогла я совсем.

Эрберт заглядывает в глаза девушки, прикасается рукой к ее лбу.

— Температуры у меня нет, — говорит Мара. — Знаешь, а Григаст все-таки сжалился надо мной.

— Поздравляю! Значит, повышение временно откладывается... А что, если б ты все-таки надела пальто? — Эрберт берет лежащее на скамье пальто.

— Пошли.

— Может, есть два лишних билета? — умоляюще просит у самых дверей шестнадцатилетний юнец. — Вопрос жизни и смерти! — добавляет он, оглядываясь на девушку рядом.

— А может, отдадим? — говорит Эрберт. — Честно говоря, сегодня мне...

Мара решительно ведет его в кинотеатр.

В вестибюле, отделенном от улицы стеной из сплошного стекла, — фотовыставка. Пейзажи, портреты, стройки, машины, космические ракеты и космонавты — документы эпохи. Их с интересом рассматривают посетители кино.

Мара с Эрбертом, занятые каждый своими мыслями, проходят мимо стенда.

— Подумаешь, великое дело, — говорит Мара, — попасть или не попасть в кино! Вот у меня действительно вопрос жизни и смерти...

— Не шути такими словами. Знала бы ты...

— Если я опять оскандалюсь, то даже Григаст не спасет меня от архива!

— Это тоже можно пережить, — улыбка Эрберта вымучена. — А вот без «Витафана» я как без рук.

— Ты насчет диссертации?

— Диссертация может и подождать. А больные? Для многих «Витафан» был последней надеждой... Ты, Мара, не сердись, но сегодня мне и впрямь не до кино.

Мара смотрит на Эрберта и нежно касается его лба рукой.

— И это говорит знаменитый врач... Нет, тебе определенно надо сегодня развлечься. Увидишь, как это поможет!

— Помочь мне может только «Витафан», — упрямо говорит Эрберт.

Мара останавливается у стеклянной стены и рассеянно глядит на улицу.

— Какое дело тебе поручили? Кражу?

Мара не отвечает.

— Служебный секрет? — спрашивает Эрберт. — Извини.

— От тебя у меня нет секретов... Боюсь, Григаст опять будет смеяться надо мной... Начнет читать мораль: преступность — болезнь. И следователь борется с ней иногда скальпелем, а иногда и лекарственными средствами, — подражает голосу Григаста Мара.

— Так же, как и врач...

— Главное — поставить верный диагноз...

Мара умолкает на полуслове. По тротуару не спеша прохаживается Межулис в своем черном плаще. Он явно кого-то поджидает. В зубах у него папироса. Межулис смотрит в вестибюль, замечает Мару с Эрбертом, круто поворачивается и исчезает.

Эрберт смотрит в направлении взгляда Мары, но Межулиса уже не видно. Зато появляется Ирена. Она тоже кого-то ищет. Эрберт хотел было приветственно приподнять шляпу, но блондинка уже скрылась в том же направлении, что и Межулис.

— И каков же на сей раз твой диагноз? — спрашивает Эрберт.

Но Мары уже нет рядом с ним.

В полном недоумении Эрберт выходит из кинотеатра. Увидев юнца, стремившегося попасть на фильм, он отдает ему билеты.

* * *

Добежав до перекрестка, Мара замечает, как Межулис с блондинкой садятся в такси. Машина трогается... Так! В воображении Мары все отчетливей вырисовываются обстоятельства кражи: это дело рук Межулиса при соучастии блондинки, которая должна была задержать Пурвита в кафе. А сейчас преступники, по всей вероятности, направляются к спрятанной где-то машине, чтобы снять с нее шины. Надо проследить за ними! Как назло, поблизости нет ни одной машины. Завидев приближающийся к перекрестку большой автокран, Мара выходит на проезжую часть и, подняв руку, преграждает ему путь.

Пропустив такси, бородатый сержант-орудовец подымает жезл. Его жест останавливает у перекрестка автокран.

В кабине рядом с толстым, добродушного вида шофером сидит Мара. Она нервно барабанит пальцами по ветровому стеклу.

— Никуда твой парень не денется, — улыбается шофер. — Подцепим на крюк и прямым путем в загс!

Наконец громоздкая машина трогается.

— Вон! — восклицает Мара.

Такси, за которым следит Мара, останавливается у подъезда двухэтажного дома. Из него выходит Ирена и, на прощание помахав Межулису, открывает освещенную парадную дверь.

«ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ» — написано на вывеске.

* * *

Комната Мары обставлена скромно и современно. Уйма книг — полки занимают целую стену. Тахта, словно клин, рассекает комнату надвое. Передняя часть служит гостиной. Тут стоят низкий столик, модные табуретки, торшер. В глубине комнаты, у окна, — рабочий кабинет. Тут находится письменный стол, кресло, полка с юридической литературой. На столе небольшая фотография Эрберта в стеклянной рамке.

Небрежно раскидана одежда — наверное, Мара очень спешила. На тахте лежит толстая тетрадь с рисунком: рядом с изображениями такси и Межулиса появилось лицо Ирены, знак вопроса жирно перечеркнут, а под ним возникла надпись: «ВИТАФАН».

В двери появляется мать Мары. В руках у нее пальто дочери и толстый шерстяной шарф.

— Мара, где ты?

Но Мара уже выбежала во двор, кинула привычный взгляд на брезент, под которым со дня покупки стоит «Волга» семейства Лейи, и, нырнув под арку ворот, принимается торопливо красить губы.

Этот дворик — своеобразный, романтический уголок старой части города. Он значительно ниже уровня уличной панели. Слева возвышается жилой дом, справа — церквушка. Высокая, искрошенная каменная стена отделяет этот двор от соседнего дома, пятиэтажного, с балконами.

Из открытого окна квартиры слышен голос радиодиктора:

— ...ожидается понижение температуры, кратковременные дожди.

Тут же в окне появляется лысина старого Лейи. Он машет рукой.

— Мара, мать зовет!

Мара стирает помаду, с сожалением смотрит на остаток губного карандаша и послушно возвращается.

Немного погодя она вновь появляется во дворе — теперь уже в пальто и шерстяном шарфе. Сверху раздается голос матери:

— Мара! Мара!

Мара спасается бегством.

* * *

В кабинете Григаста сидит женщина в форме бойца военизированной охраны.

— Вы говорите, Эрберт? — задумчиво повторяет Григаст. — И как раз в ту ночь... Интересно!

— Он приехал на такси...

Майор сопоставляет рассказ Мары с только что услышанным, и в его воображении возникает картина:

...Туманный вечер и ворота порта, перед которыми тормозит такси. Из машины выходит Эрберт и, предъявив дежурной пропуск, исчезает в темноте, где воеет корабельная сирена.

Григаст собирается закурить, но вовремя замечает, что вложил в мундштук целую сигарету. Режет ее пополам и спрашивает:

— На каком судне он был?

— На западногерманском. На «Марии-Терезии». Перед этим позвонил из бюро пропусков капитан. У него заболел матрос.

— Как выглядел?

— Корабль? Серый, с белой надстройкой. Такой же, как все...

— Нет, Имант Эрберт!

— Да ничего в нем такого не было, — пожимает плечами женщина. — Плащ, в руке чемодан.

— Быстро он ушел?

— Через полчаса...

— Пароход?

— Ну да, пароход! Через полчаса после того, как доктор сошел на берег.

— Чемодан проверяли?

— Чей? Доктора Эрберта? Да это же золото, а не человек! Я каждый вечер мужу твержу: «Болей, покамест доктор в портовой амбулатории работает!» Говорят, когда он кончит свою диссертацию...

Вдруг Григаст удивительно легко поднимается с кресла — в кабинет входит Мара.

— Спасибо, достаточно! — перебивает он женщину.

— ...Тогда его в академию переведут, — продолжает она.

Григаст берет ее под руку и ведет к двери.

— Хорошо, хорошо. От души благодарю за марки. — И он бесцеремонно выпроваживает за дверь обескураженную женщину.

Закрыв дверь, Григаст пылливо смотрит на Мару: не занозила ли она чего-нибудь? Не слышала ли имени своего возлюбленного? Но его беспокойство напрасно — у Мары куча новостей.

— Чувствую, что сейчас вы затребуете санкцию прокурора на арест, — улыбается Григаст.

— Дело сложнее, чем вы думали...

— Что ж, это уж шаг вперед. Рассказывайте!

— Такси угнал водитель Межулис. После чего он...

— По порядку и с подробностями! — перебивает ее Григаст.

— Все? И про шофера Мурьяна, который возит с собой в такси пятилетнюю дочку из-за того, что детсады переполнены? Можете, вы скажете, что и об этом?..

— В такси? Где, бывает, ездят пьяные, всякие там парочки и черт знает кто! — Майор тянется к телефону.

— Пойдите, товарищ майор! Надо немедленно арестовать Межулиса, пока он не успел распродать «Витафан»!

— Интересно... Чем вы можете доказать его вину?

— Тут все ясно и без доказательств. Вы же сами всегда проповедуете, что из одного озорства никто не станет угонять такси. Когда я узнала, где работает его сообщница Ирена...

— Ирена Залите? Лаборантка фармацевтического института? Продолжайте.

— Она работает в лаборатории, где изготовляют «Витафан»! Она задержала в кафе Пурвита, чтобы Межулис успел на краденом такси доехать до института и забрать «Витафан», который был уже...

— Послушайте, товарищ Лейя, — сухо говорит Григаст, — вы никогда не пробовали писать детективные романы? Жаль. Фантазия у вас есть, а вот кропотливости в уточнении обстоятельств не достает. У института замечено не такси, а светлая «Волга», номер которой оканчивается на два нуля. — И, не обращая внимания на недоумение Мары, Григаст крутит диск телефона. — Детский сад?

* * *

Тормозя около старинного дома, таксомотор заезжает в лужу и окатывает грязью старого Ценципера. Ценципер готов разразиться бранью, но видит, что из такси выходит его соседка Маря, и тогда он, человек воспитанный, аристократическим жестом приподнимает шляпу. С нее падает комок грязи. Ценципер качает головой, белоснежным платком вытирает шляпу и направляется к парадному.

«Этот дом находится в ведении совета персональных пенсионеров», — сообщает табличка на стене. Поверх таблички мелом сделана другая надпись: «Памятники старины. Находятся под охраной государства». Ценципер снова укоризненно качает головой, снова достает из кармана платок и стирает выведенные детской рукой каракули. Озорная рожица мальчишки появляется в окне дома напротив.

Войдя во двор, Мара сердито смотрит на покрывающий машину брезент, затем так же сердито — на небо, которое вот уже несколько часов одаряет город никому не нужным дождем. И вдруг — чудо! Дождь унимается, между двух корабельных мачт поблескивает солнце. На балконе пятого этажа тотчас появляется женщина в мужском мохнатом халате и начинает выбивать ковер.

Мимоходом Мара дергает за край брезента, чтобы стряхнуть с него накопившуюся в складках воду. Результат неожиданный: голуби, укрывшиеся под брезентом от дождя, выпархивают и попадают под водопад. Брызги летят на Мару.

Перескакивая через несколько ступенек, Мара мчится вверх по лестнице, на ходу надевая плащ и шляпку, повязывая шею платком. Вот она уже стоит у кухонной двери своей квартиры. Мара уже достала ключ, но тут вспоминает о чем-то. Вынимает из сумочки платок и стирает с губ помаду.

В гостиной, радостно скуля, девушку приветствует Флоксик — маленькая белая собачонка. Но своего места в кресле перед

радиоприемником Флоксик не покидает, потому что слушает любимую музыку — джаз. Родители Мары — за своими любимыми вечерними занятиями: отец пишет мемуары, мать пришивает пуговицы к толстой вязаной кофте дочери. Пришивание пуговиц доставляет ей всегда такое удовольствие, что Мара старается терять их хотя бы по штуке в день.

Из обстановки комнаты заслуживают упоминания лишь два громадных доисторических кресла — для удобства Флоксика одно из них придвинуто к радиоприемнику — и стол. Это самый обычный стол, но по неписанной конвенции он разделен строго пополам между отцом и матерью. Отец бдительно следит за тем, чтобы граница между зонами не нарушалась. Любой пришелец с чужой территории, будь то катушка ниток, пуговица или наперсток, незамедлительно водворяются восвояси. На половине матери находится швейная машина, коробка с рукоделием и несколько различной величины металлических коробочек с запасом пуговиц на целое столетие.

Граница между «сопредельными государствами» проходит по груде книг о 1905 году. Отца, по-видимому, вдохновляет на творчество сам вид книжных переплетов — Мара ни разу не видела, чтобы он перелистывал какую-нибудь из этих книг. Георг Лейя целиком полагается на свою память, потому на титульной странице рукописи так и написано: «Георг Лейя. Воспоминания боевика». Судя по стопе чистых листков, которая значительно толще готовой рукописи, старый Лейя не сомневается в своем здоровье и намерен работать над книгой целые годы.

Даже не поздоровавшись с родителями, Мара направляется к приемнику и поворачивает ручку настройки.

— Опять это идиотское завывание! — возмущается она. — И все потому, что оно нравится Флоксiku. Я тоже человек!

Как только фокстрот сменяет тихая симфоническая музыка, Флоксик прижимает уши и недовольно урчит.

Отец даже не подымает головы. По-стариковски бормоча себе под нос, он продолжает писать:

«Вдруг Робчик крикнул: «Казак!» Я выхватил из кармана маузер и прицелился...»

— Да засунь ты ради бога свой маузер обратно в карман! — поднимается со стула мать и подходит к Маре. — Доченька, что с тобой? Нынче ведь грипп на каждом шагу! Долго ли...

— Я должна работать! — Мара уходит в свою комнату.

Мать вздыхает.

— Бедная девочка! Целыми ночами готовится к шоферскому экзамену, только и знает, что автомобили рисует... Георг! Я же с тобой разговариваю!

— «...И бросился бежать». Точка. Слушаю тебя?

— Незачем было покупать эту «Волгу». Нынче утром Ценципер рассказывал...

— Как он ездил контролером на автобусах?

— Нет, про автомобильные катастрофы! Каждый день люди разбиваются.

— Опять ты за старое! Чего говорить, когда машина уже на дворе, — оправдывается отец.

— Мог бы давать ей на такси. Но за рулем!.. Мара ведь совсем ребенок!

— А ты забыла, Берта, какая сама была в ее годы? — в голосе отца звучат юношеские удалые нотки.

— Что ты говоришь! Тогда было другое дело! — категорически возражает мать.

* * *

В своей комнате Мара, не раздеваясь, в туфлях валится на тахту и зарывается головой в подушку. Никого ей сейчас не хочется видеть, даже Иманта. Такой провал!.. Мара вдруг поднимается, хватая со стола общую тетрадь, выдирает листок с рисунком, гневно комкает его и хочет выбросить. Но замахнувшаяся рука замирает в воздухе. Значит, сдать? Нет! Недаром Григаст сказал, что в ее жилах течет кровь старых революционеров. Мара разглаживает рисунок и вдумчиво глядит на него. Затем перечеркивает такси, Межулиса и опять думает. Надо искать новый подход, новые версии, но ведь к некоторым правильным выводам она все же пришла! Наконец рядом с Иреней и словом «Витафан» Мара рисует «Волгу» с большим номерным знаком ??00.

* * *

Большой гараж. Он поминутно освещается вспышками электросварки. В гараже штук двадцать машин. Старший лейтенант Климов с завгаром проходят по рядам машин и присматриваются к номерам. Наконец Климов останавливается около светлой «Волги» с номером 56-00.

— Нет, товарищ начальник, — говорит завгар. — Эта машина вчера из гаража не выходила.

Он подымает крышку капота. Там зияет пустота, двигателя нет.

* * *

— Товарищ майор, разрешите доложить, — в кабинет Григаста входит старший лейтенант Климов.

Держа пинцетом почтовую марку, Григаст изучает ее через лупу. Он бросает вопросительный взгляд на Климова.

— Все светлые «Волги» с номерами, оканчивающимися на два нуля, проверены, — докладывает Климов. — Ни одна из них не имеет отношения к делу о краже «Витафана».

— Все проверены?

— Одна еще нет, — признается Климов.

— Почему?

В дверь стучат. Входит юноша в спецовке, вымазанной краской.

— Витол? — удивляется Григаст. — Я же распорядился оформить вас на работу.

— Потому и пришел, товарищ майор. Во вторник начинаем красить ваш кабинет.

Витол уходит.

— Что за машина? — продолжает прерванный разговор Григаст.

— Светло-серая «Волга», государственный номерной знак 75-00, еще не эксплуатируется и стоит под брезентом на улице Краст-малас, дом один. Речь о ней может не идти. Владельцы вне подозрений.

— Проверить все-таки не мешало бы. Для полноты счета.

— Но она же принадлежит отцу нашей сотрудницы, бывшему комиссару вашего батальона подполковнику Лейе.

* * *

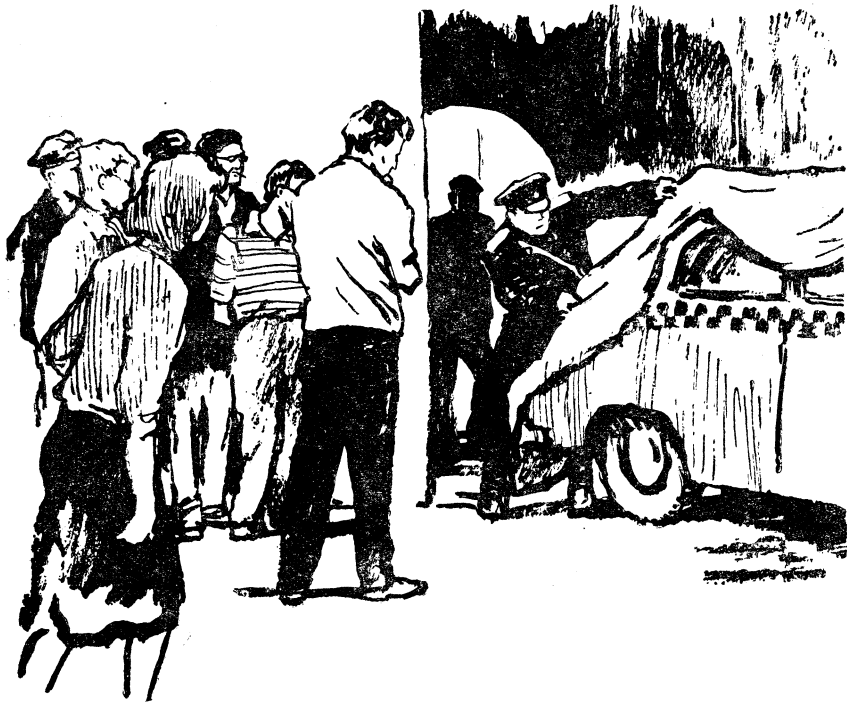
Двор полон людей. Тут и Мара со своими родителями, и Григаст с Климовым, и любопытные соседи; среди них старый Цеплицер и маленький Густ — мальчуган, который, как подозревает Мара, делает «приписки» к табличке на доме.

— Да, нехорошо, Григаст, — говорит отец Мары. — Приходишь раз в десять лет. И если бы не моя «Волга», так вообще не зашел бы.

Григаст пожимает плечами.

— Что поделать — служба такая.

Григаст и старший лейтенант берутся за чехол. Но он не поддается — тяжелый и намокший брезент словно прирос к ма-

шине. Позвав на помощь Мару и Ценципера, Григаст командует:

— Раз, два — взяли!

Брезент сползает...

Вместо новой светлой машины стоит выдавшее виды дряхлое такси.

— Где же наша «Волга»?! — восклицает мать Мары.

Не веря своим глазам, Мара медленно обходит машину, пока не останавливается у номера 24-25 ЛАГ. Все растерянно переглядываются, смотрят на машину.

Не смущены только Флоксик и соседский мальчик Густ. Собачонка задирает ногу, выражая свое презрение к ветхому таксу. Мальчик трогает руками машину — настоящее такси!

— Назад! — кричит Григаст.

Поздно. На дверце машины отчетливо виден след выпачканной мелом руки.

Григаст задумчиво глядит на машину, деловито открывает свой портфель и говорит:

— При осмотре должны присутствовать двое понятых.

— Когда я работал контролером на автобусе... — несмело заговаривает Ценципер.

— Спец по автомобилям? Очень хорошо, товарищ...

— Ценципер. — Он польщен и приподнимает шляпу.

Отец Мары, оправившись от замешательства, тоже делает шаг вперед, но Григаст, приложив руку к козырьку, вежливо говорит:

— Извините, товарищ подполковник, вы являетесь заинтересованным лицом. Прошу вас... Да, да, вас! — Григаст отдает предпочтение одному из соседей.

Майор и Климов тщательно осматривают такси.

Обнаружив в пепельнице окурки папиросы с характерным мундштуком, майор прячет его в конверт.

— Не понимаю, почему на переключателе таксометра нет отпечатков пальцев? — бормочет старший лейтенант.

— Потому, что перчатки можно купить в любом галантерейном магазине, а голову — нет, — угрюмо роняет Григаст.

— Извиняюсь, но когда я работал контролером... — начинает Ценципер.

— На автобусах... Знаю, знаю.

— Это было потом. А до этого в таксомоторном парке... Вы обратили внимание, что счетчик переключен на кассу?

Ценципер показывает на окошечко таксометра, где видна плата за проезд: 1 рубль 60 копеек, и буква «К».

— Какое это имеет значение? — тотчас заинтересовывается Григаст. — Объясните. И желательнее со всеми подробностями.

— Видите ли, товарищ майор, — слушая Ценципера, можно подумать, что он декламирует любимое стихотворение, — счетчик может быть поставлен на любое из трех положений: выключен, включен и «касса». Первое, по-видимому, не нуждается в комментариях. Будучи работником милиции, вы сами сделаете единственный и правильный вывод... Когда же счетчик включен, его механизм работает, отмечая не только пробег в километрах, но и стоимость проезда и стоянок. Когда пассажир прибыл к

месту назначения, шофер переключает счетчик на «кассу», фиксируя плату за поездку. Теперь счетчик не работает, но машина еще не свободна — иногда требуется несколько минут, чтобы рассчитаться с шофером.

— Интересно, — задумчиво произносит Григаст. — Значит, вы хотите сказать, что тут, несомненно, виден «почерк» профессионального таксиста?

— Имею честь! — Была бы возможность, Ценципер приложил бы руку к козырьку. — Осмелюсь даже пойти в своих выводах дальше: так поступил бы только водитель такси с большим стажем, для которого это движение стало автоматическим. Надо полагать, что он приехал сюда без пассажира и только по привычке, останавливая машину, переключил счетчик... В моей практике приходилось встречаться с шоферами, которые делают это нарочно, на каждой остановке, даже если пассажир не намерен выходить из машины, — таким образом они лишний раз взимают посадочную плату, план опять же...

Мара не слушает. Впечатление такое, будто она издали заметила нечто очень важное.

Мара подходит к таксомотору и открывает заднюю дверцу. Да, сомнений нет, на сиденье лежит маленькая улыбающаяся головка из слоновой кости. Та самая!..

Мара в замешательстве. Затем она хватается за головку. Григаст оборачивается.

— Что вы там делаете?

— Ничего, — Мара вымучивает улыбку и крепче сжимает в кулаке свою находку.

Григаст хочет что-то сказать, но передумывает. Ведь это дело — своего рода проверка и Мары тоже.

* * *

«Внимание! Внимание! К городу приближается ураган! Граждане, не выпускайте детей из дома! Тщательно закрывайте двери и окна!» — слышится в соседней комнате голос диктора.

Ветер распахивает притворенное окно и врывается в комнату Мары. Опрокидывает портрет доктора Эрберта, листает тетрадку и открывает страницу с рисунками. Рядом со смятым мундштуком папиросы Межулиса нарисована головка Будды. Страницы тетради отчаянно трепещут — совсем как крылья напуганной птицы.

Летят взметенные ветром листья, полощут брезентовые чехлы на лошадках и колясках карусели. В парке нет ни души, только два перепуганных мальчугана лежат за каруселью и держатся друг за друга.

В парк въезжает милицейская машина. Из нее выскакивает лейтенант, хватается за ребятшек, несет в машину. Она тотчас едет дальше.

Ветер срывает со стены кинотеатра афишу, гонит к опрокинутой скамейке. Это та самая скамья, на которой однажды сидели доктор Эрберт и Мара. Борясь со встречным ветром, мимо проходит Мара. Погода, очевидно, соответствует ее настроению — на душе у Мары тоже буря. Ведь не может быть, чтобы

Имант оказался причастен к этой краже! Мара не допускает этого и сама во что бы то ни стало хочет выяснить все обстоятельства, которые привели к недоразумению.

* * *

Ветер рвет лозы дикого винограда, вьющиеся у больничного окна. Окно закрыто, но белая занавеска колеблется.

В небольшой палате все бело: стены, тумбочки, кровати. Бледны и усталы лица женщин на койках.

— Буря-то какая! — говорит одна из них, постарше, глядя в окно.

Вторая, помоложе, кивает.

— Хотите? — Она протягивает соседке апельсин и поправляет ленту, которой перехвачены ее длинные черные волосы.

— Спасибо, — говорит пожилая женщина. — Какой красивый! Теперь я опять научилась радоваться. Какая красивая буря!.. С тех пор, как знаю, что буду жить...

— Если бы не «Витафан»... — говорит молодая. — Я ведь одной ногой была уже в могиле. Муж не пережил бы!

В палату входит медсестра с корзинкой. В корзине ананасы.

— Муж вам кланяется, — говорит она молодой женщине, глядя, куда поместить корзину.

В конце концов сестра ставит ее на пол — тумбочка завалена апельсинами и другими фруктами. Даже на подоконнике, у вазы с яркими цветами, лежат всякие лакомства.

— Я бы ничего не имела против, чтобы и мой работал шофером, — говорит пожилая. — Если б, конечно, еще и любил, как ваш.

— Какая буря! — Сестра проверяет, хорошо ли закрыто окно. — Мой муж — в море...

— Сестричка, почему нам сегодня не кололи «Витафан»? — спрашивает молодая.

Медсестра смущена. Сделав вид, будто не расслышала вопроса, выходит из палаты.

Комната врачей. На стене висит большая таблица, в которой расписаны ежедневные дозы инъекции «Витафана». Графа «7-й день» пуста.

Профессор Ландовский смотрит на таблицу с таким видом, словно перед ним портрет его личного врага, потом принимается нервно шагать по комнате. Эрберт стоит у окна и неподвижным взглядом смотрит на гнущиеся под бурей деревья.

— Главное, чтобы среди больных не поднялась паника, — говорит профессор.

— А что я им скажу? — Эрберт не оборачивается, закатывает рукава. — Что собираюсь еще отплясывать на их золотой свадьбе? Я не из породы старорежимных домашних врачей.

Он подходит к умывальнику и намыливает обнаженные по локоть руки. Профессор не без тревоги наблюдает за его движениями.

— Значит, все-таки решили оперировать?

— А как бы вы поступили на моем месте? — Контрвопрос Эрберта звучит почти с упреком.

— Дал бы двойную дозу «Витафана», — горько усмехается Ландовский.

— Вот именно! — Эрберт берет щетку и энергично трет ею руки.

— Эрберт, — после паузы говорит профессор, — мы не можем рассчитывать на успех операции.

Эрберт молча продолжает мыть руки.

— Эрберт, — в голосе профессора раздражение, — вы же сами понимаете: процесс распространился на весь организм. И нелепо надеяться...

— Так что же прикажете теперь делать? Ожидать, пока милиция доставит нам «Витафан»?

— Боюсь, что это столь же безнадежно, — упавшим голосом говорит профессор. — Между прочим, майор Григаест опасается, что «Витафан» переправлен на иностранное судно.

Эрберт резко оборачивается, но ответить не успевает — в комнату входит медсестра.

— Больная в операционной, — докладывает она.

Эрберт выходит.

Профессор провожает его взглядом, вздыхает и обращается к медсестре:

— Халат! Я буду ассистировать.

В коридоре медсестра сталкивается с Марой.

— Где Имант? — взволнованно спрашивает Мара и тут же быстро поправляется: — Заведующий отделением.

— Доктор Эрберт на операции. — И, уходя, сестра негромко добавляет: — Надо же, сам профессор отказался, а он пытается спасти беднягу! И что за человек!..

Невыносимо медленно тянется время. Ожидаящая в коридоре Мара успевает передумать о многом. Теперь она сознает, как глупо было идти сюда. Неужели она могла допустить, что Имант похитил «Витафан» и теперь вынужден бороться за жизнь своих больных с помощью хирургического ножа?

Чего же она хотела? Узнать, как попала в такси головка Будды? Да мало ли на свете случайностей. Надо узнать, конечно. Но даже сам вопрос об этом Эрберту она задать не может! Человеку надо верить или не верить совсем — тут половинчато-сти быть не должно. Не верить Иманту даже в мелочах означало бы не верить в свое чувство, не верить самой себе. Так думает Мара.

Мара уже собралась уходить, но тут открывается дверь операционной. Выходит Эрберт. Усталым движением снимает маску и смахивает со лба крупные капли пота. Утомление и какая-то безнадежность чувствуются сейчас даже в его походке.

Эрберта догоняет профессор.

— Возьмите себя в руки, Эрберт! Ее могло спасти только чудо.

— Или «Витафан», — говорит Эрберт.

Невидящими глазами посмотрев на Мару, он направляется в свой кабинет.

— Имант! — Мара, сжимая в кулаке какой-то предмет, хочет пойти за Эрбертом.

— Оставьте его, — берет Мару за локоть профессор.

Но Эрберт уже обернулся.

— Мара?! В такую погоду? Что-нибудь важное?

— Я насчет Будды, но теперь это уже не имеет значения... — Мара пристально смотрит в глаза друга и вполголоса добавляет: — Хотя для меня на свете нет ничего важнее.

* * *

Ветер стих. Солнце стражается в канале, по воде плывут листья и обломанные ветки. На мостике стоит Мара. Сжатые в кулак пальцы распрямляются, виден предмет, который она все время прятала в руке. Это отломанная головка. Мара хочет бросить ее в воду, но в последний момент передумывает.

— Вы нашли что-нибудь? — слышен голос Григаста.

— Нашла. — Мара разжимает пальцы и показывает майору головку. — Веру в человека.

— Это тоже шаг вперед. Вы заслужили поощрение. Что скажете насчет шоколадного пломбира с орехами?

В киоске, где торгуют мороженым, всего три столика. За одним два школьника. Отодвинув пустые вазочки, они листают альбом с марками. Беседуя с Марой, Григаст время от времени с любопытством поглядывает на ребят.

— И все же я права, — говорит Мара.

— Скажите, Мара, вы очень любите Эрберта?

— Какое это имеет отношение к «Витафану»?

— И потому очень верите ему, правда? Понимаете, когда-то недоверие было основным мерилом в отношении к людям. Но слепое недоверие так же плохо, как и слепая...

— Моя вера не слепая. Все надежды Иманта связаны с этим препаратом. Для чего человек станет сам себя обкрадывать? Для этого надо быть сумасшедшим.

— Допустим. Но тогда вы должны располагать иной версией.

— Конечно! — поставленное в упор требование не застало Мару врасплох. — «Витафан» украл Межулис. Окурок, найденный в такси...

— Что ж, будем пока считать, что головка не обнаружена, — уточняет Григаст. — Отчего вы не едите? Разве не вкусно?

— Мою версию подтверждает и то, что счетчик был переключен на кассу. Так поступил бы только профессиональный таксист.

— Межулис?

— Да. На ворованном такси он далеко не уехал бы. Поэтому «Витафан» увезли на нашей «Волге», которую никто не искал.

— А откуда ему было знать, что ваша машина стоит под брезентом?

— Он же сидел рядом со мной в кафе, когда я рассказывала...

— Иманту Эрберту?

Григаст неожиданно встает и подходит к мальчикам.

— Отдам за две авиа, — говорит старший.

— Покажи, — требует Григаст.

Оробевший мальчуган подает ему марку.

— Так и думал, с дефектом. А то я три авиапочты дал бы за нее.

Григаст идет к прилавку и заказывает:

— Еще две порции!

Вернувшись к столику, он дружески кладет руку Маре на локоть.

— Допустим, что «Волга» действительно была нужна, чтобы отвести «Витафан» подальше — куда, мы не знаем. А ваш Межулис выезжал из Риги?

Мара встает.

— Куда вы? — спрашивает Григаст.

— В таксопарк. Проверю...

— Опоздали. В первый день после кражи Межулис работал с двенадцати до двадцати одного тридцати. На следующий...

К столику подходит официантка и хочет поставить две вазочки с мороженым.

— В чем дело? — недоумевает Григаст, потом вспоминает: — Ах, да, отнесите ребятам! — Он подмигивает Маре. — Может, и мы еще по одной?

— Спасибо. Теперь я понимаю... — шепчет Мара. — Может, мне все же лучше перейти в архив?

— Не ожидал от дочери комиссара!.. У вас в руках надежная нить — в краже замешан профессиональный таксист. В одном месте нить порвана. Но зачем же из-за этого вешать нос? Разматывайте дальше, терпеливо, вдумчиво, проверяя все версии. Я верю в вас, Мара!

— А это не слепая вера?

Григаст улыбается.

* * *

Мара идет по улице. Зажигаются первые неоновые надписи. Из открытых дверей радиомагазина слышен голос радиорепортера:

«Пожелаем же нашим ребятам и впредь таких блестящих успехов, как в Ужгороде!»

Перед витриной стоят несколько человек. Мара проходит мимо, но тут замечает на экране телевизора толпу встречающих около самолета и Ирену, на плечах которой две чьи-то руки в перчатках. Мара останавливается, но на экране уже другие лица.

Она вбегает в магазин. В этот момент на нескольких разного размера экранах появляется эмблема телестудии.

* * *

Шофер такси стоит спиной к Маре и через забор смотрит на площадку для игр в детском саду. По площадке вприпрыжку бежит девочка. Она оборачивается, машет отцу рукой.

— В телестудию! Быстрее! — говорит Мара.

— Не могу, — показывая на табличку с надписью «В гараж», холодно отвечает Мурьян, но, узнав Мару, радостно распахивает дверь.

— Садитесь! Ведь это вы помогли определить дочку в детский сад!

Из-за домов показывается мачта телевизионной антенны, увеличивается в размерах.

* * *

Мара в пустом зале телестудии просматривает кинорепортаж. — Сотни любителей спорта пришли в аэропорт встречать нашу сборную команду, добившуюся блестящих успехов в Ужгороде, — рассказывает диктор.

На экране появляется белокурая подруга Пурвита. С большим букетом цветов Ирена стоит неподалеку от духового оркестра. Мимо проезжает самоходный трап, останавливается у самолета. Мара напряженно вглядывается в каждого пассажира, словно сама присутствует на летном поле. Вот Ирена заметила человека, которого ждет. Она пробегает мимо толпы встречающих к подножью трапа. Один за другим спускаются пассажиры. Ирена счастливо улыбается — из самолета выходит Пурвит.

— Стоп! — кричит Мара механику.

Изображение неподвижно. Мара поднимает руку.

Вновь замелькали кадры. Вот на плечи Ирены ложатся две руки в перчатках.

Мара встает и в темноте идет к двери. Натякается на стену, выходит, наконец, в коридор.

— Где тут телефон? — спрашивает Мара.

Актер в костюме средневекового испанского гранда оборачивается и величественным жестом указывает на телефонный аппарат на стене.

— Майора Григаста! — говорит Мара, но передумывает и вешает трубку. Рано еще ликовать. Она ведь едва ухватила за кончик нити, и неизвестно, как теперь будет разматывать клубок. Мара не забыла урок и делиться своими подозрениями будет лишь тогда, когда сможет подкрепить их фактами!

* * *

Вереница машин на стоянке такси. В ожидании пассажиров шоферы собрались в кучу. Четвертой в ряду стоит машина с номером 24-25 ЛАГ. Шофер читает «Ригас балс». Лицо скрыто за газетой, видны лишь руки в перчатках.

Один за другим отъезжают такси с пассажирами. Подходит очередь машины 24-25. Мара — она сидела в открытом кафе напротив стоянки — порывисто встает и перебегает улицу. Довольно нахально опередив другого пассажира — тот не успевает даже запротестовать, — она распахивает дверцу и садится рядом с водителем. Это Пурвит.

— Вы! — разыгрывает удивление Мара.

— Какая приятная неожиданность! — Пурвит любезно улыбается и запускает мотор. — Собирался сегодня захватить к вам...

— Что-нибудь новенькое в связи с кражей? Кстати, кто был с вами в тот раз, когда вы подъехали к кафе?

Вот вопрос, который в настоящую минуту волнует Мару больше всего. Если окажется, что счетчик был поставлен на «кассу» уже у кафе, то рухнет и новая гипотеза.

— Я же не убийца. Возить в такой туман пассажиров... Нет, просто хотел поблагодарить за то, что быстро нашли мою машину.

Однако Мара не дает увести себя в сторону. Она уже приготовила Пурвиту новую ловушку.

— Наверно, я испортила вам отпуск?

— Да ну, что вы! Без работы я не могу. Погостил несколько дней в деревне — и хватит. — Заметив телефон-автомат, Пурвит хочет остановить машину. — Одну секундочку, только позвоню девушке, чтобы не ждала меня.

— Но вы, наверное, еще не виделись, — удерживает его Мара. — Прихватим ее по пути.

Такси останавливается. Мара отрывает взгляд от затянутых в перчатки рук Пурвита, которые небрежно лежат на баранке, и смотрит в окно. Они подъехали к парикмахерской.

Мара достает из сумочки зеркало и поправляет прическу. Она наклоняется, чтобы поднять соскользнувшую на пол сумочку, но Пурвит успевает сделать это первым. Тем временем в машину садится подруга Пурвита. Видно, что девушка счастлива, но присутствие Мары вынуждает ее сдерживаться.

— Здравствуй, Леон! Поздравляю тебя с днем рождения. Хотела сделать это вовремя, но ты забыл оставить свой адрес...

— Спасибо, — сухо благодарит Пурвит.

— Леон, когда ты отдашь мне журнал с осенними модами?

— Какой еще журнал?..

— Ну, тот, в котором написано про наш «Витафан»...

— Об этом мы еще успеем поговорить! — обрывает ее Пурвит.

Ирена обиженно кривит губы.

— Если я должна заткнуть рот, то уж сигаретой.... У вас найдется закурить? — Она поворачивается к Маре.

Мара подает лежащий на сиденье портсигар Пурвита.

Пурвит улыбается.

— Старая форма с новым содержанием. Вот уже два месяца.

Он раскрывает портсигар. В нем не сигареты, а водительское удостоверение.

Машина останавливается. Ирена открывает дверцу. В тот же миг Пурвит машинным движением поворачивает переключатель счетчика. В окошке выскакивает буква «К».

— Простите, переключил на кассу, — извиняется он. — Со всем забыл, что вы поедете дальше.

* * *

Ночь. Комната Мары. Свет рекламы через окно падает на пол. В рекламе попеременно вспыхивают надпись и рисунок.

Мара лежит на тахте, рассеянно крутит ручку настройки портативного радиоприемника, который тут же, на подушке, и не сводит глаз с причудливых световых бликов. В ее воображении эти пятна принимают иные очертания.

«Когда Пурвит подъехал к кафе», — думает Мара вслух и представляет себе, как Пурвит подъезжает на такси к кафе. Даже при таком тумане видно, что в машине нет пассажиров.

На полу возникает таксометр, в его окошке видны нули.

«Когда под нашим брезентом обнаружили такси...» — продолжает Мара развивать свою мысль вслух, и воображение снова переносит ее во двор, где Григаст и Ценципер, осматри-

вая такси, глядят на счетчик, на котором зафиксирована стоимость проезда. «Как это могло случиться?»

Возникает рука в перчатке и поворачивает переключатель. Счетчик с нулями гаснет, рядом вырисовывается другой счетчик, с показанием «1 рубль 60 копеек» и буквой «К».

«Простите, переключил на кассу», — звучит в темноте голос Пурвита.

И вновь счетчик с нулями, движение руки в перчатке, счетчик с суммой и буквой «К». Снова и снова в той же последовательности.

Игра бликов убыстряется, закручивается в сплошной вихрь.

Мара закрывает глаза и пытается в своем воображении воссоздать картину событий.

Туман. К дому номер один на Крастмалас подъезжает едва различимая в мгlistой темени машина. Шофер выключает фары, контуры машины сливаются с темнотой. Возникает тень человека. Спустя некоторое время открываются ворота, машина осторожно заезжает во двор. Свет виден только в нескольких окнах, но он растворяется в тумане и не достигает земли. Водитель привычным движением переключает счетчик на «кассу». Четыре руки приподымают за углы брезент. Машины поменялись местами — такси остается под брезентом. Ворота закрываются. «Волга» медленно удаляется.

— Черт побери, кажется, переключил на кассу счетчик! — говорит шофер голосом Пурвита. — Надо бы вернуться, — неуверенно добавляет он после паузы.

— Из-за такого пустяка? — иронически отвечает ему другой голос. — Не воображай, что в милиции сидят гениальные сыщики. Эта девчонка с лейтенантскими погонами...

Шофер делает неопределенный жест рукой — была не была! — включает фары и прибавляет газу. В свете прожекторов вырисовывается большое здание фармацевтического института.

В тумане слышится собачий лай.

...Мара просыпается от громкого лая. Флоксик разъярен будильником. Завод уже кончается, и звонок едва дребезжит. За окном день.

— Доброе утро, Флоксик. — Мара потягивается и выключает приемник. — А знаешь, что мне твердит мой начальник? — «Крнчайте фантазировать! Выкладывайте все сначала и со всеми подробностями!» А следователь без фантазии — это счетчик без машины.

Флоксик одобрительно виляет хвостом.

— Дурачок ты! Счетчик тоже нужен... Выясним, проверим, еще раз проверим!

* * *

Семейство Лейи за завтраком. Мать отбирает у Мары ломтик хлеба и сама намазывает на него толстый слой масла.

— Когда я работал контролером на автобусах... — начинает Ценципер, который сидит на краешке стула.

— Может, вам чашечку кофе? — перебивает его мать Мары. — Не беспокойтесь, оно не натуральное.

— Благодарю вас, я по служебному делу... Видите ли, — с гордостью говорит Ценципер Маре, — тщательно ознакомив-

шись с обстоятельствами, — Ценципер невольно подражает в речи майору Григасту, — я обнаружил личность, которая систематически надругается над вывеской на нашем доме.

— У вас талант криминалиста! — говорит Мара с полным ртом.

Ценципер польщен, лицо его расплывается в улыбке.

— Ваш начальник придерживается того же мнения и даже рекомендовал меня в общественные автоинспекторы... Так вот, этой личностью оказался не кто иной, как соседский мальчик Густ!

— Неужели? — Маре очень не хочется, чтобы у мальчишки были неприятности. — А вы не обратили внимания на тот факт, что уже два дня его правая рука перевязана?

— Вот именно! — Ценципер многозначительно поднимает указательный палец. — Это и есть главная улика! Уже два дня никто не пачкает нашу вывеску.

— Возможно, преступник хочет направить следствие по ложному пути. Обычный прием, — не сдается Мара.

Однако Ценципер не признает никаких доводов.

— Так вот, я хотел бы проконсультироваться у вас насчет того, какие законные шаги следует... Вы, как оперативный работник угрозыска... — Ценципер осекается. — Тысяча извинений, вы же предупредали!

Мара тащит Ценципера в свою комнату, но уже поздно.

— Георг, ты слышишь? — ужасается мать. — Мара в угрозыске! С бандитами!.. Много ли надо, чтобы убили... Георг, почему ты молчишь?

У отца от неожиданности вывалилась из рук газета.

— Почему же она сказала нам, что в архиве? — удивляется он. И вдруг подбрасывает в воздух газеты.

— Вот это я понимаю! На боевом посту! В нашей семье все...

— Но, Георг, подумай, она же еще ребенок!

— Постыдись, Берта! Вспомни себя... Да, да, сейчас я тебе прочитаю. — Он подходит к столу и быстро отыскивает в рукописи нужную страницу. Надевает очки и декламирует: «Я уже было простился с жизнью. В этот миг Берта — тогда ей было всего восемнадцать лет — достала из корзины спрятанный там револьвер и, прежде чем белогвардейцы успели опомниться...»

При этих словах лицо матери светлеет, по нему шаловливо пробегает солнечный зайчик.

— Вечно ты выдумываешь, — протестует она. — Во-первых, револьвер был спрятан в моей муфте; во-вторых, мне тогда было только семнадцать с половиной...

Из соседней комнаты выходят Ценципер и Мара. Старика словно подменили: появилась молодцеватость, он сияет.

— Будет исполнено!

Попрощавшись с Мариными родителями, он направляется к двери, на полпути оборачивается и подтверждает еще раз:

— О результатах извещу во второй половине дня!

— Что еще такое? — тревожится мать.

— Служебный секрет, — многозначительно говорит Ценципер.

Мара расположилась за тем же столиком, где сидела с Григастом. Киоск пуст, солнечные лучи обозначили светлые дорожки между столиками. Буфетчица читает сборник стихов и время от времени бросает укоризненные взгляды на посетительницу — давно пора закрывать киоск.

Мара даже не притронулась к мороженому, медленно тающему в металлической вазочке. Нетерпеливо поглядывая на дверь, она рассеянно листает свою тетрадь.

Рисунки заполняют уже две страницы. На них изображены Межулис, Ирена, Пурвит, такси и рядом с ним «Волга» 75-00, едущая по дороге, в конце которой надпись «Ужгород». Тут же разбросано несколько вопросительных знаков, выражающих сомнения Мары.

Наконец приходит Ценципер. Еще издали по выражению его лица видно, что задание выполнено с честью.

— Вы были правы! Когда я работал...

— Товарищ Ценципер! — взмаливается Мара.

— Извольте! Ваше предположение я проверил в присутствии свидетеля. Правда, на суде он вряд ли сможет дать показания, так как не подходит ни по возрасту, ни по репутации, однако в данном случае он очень подошел...

— Ничего не понимаю! — Мара чуть ли ни в отчаянии, она уже раскаивается, что поручила такое важное дело этому неорганизованному человеку.

— К нашей операции я привлек... — Ценципер запинаясь. — Ну, в общем взял с собой Густа. Дождались таксомотора Пурвита и поехали. В одном месте я говорю ему: «Остановитесь на минутку, я высажу мальчика!» И Пурвит сразу же переключил на кассу, хотя было совершенно ясно, что я поеду дальше.

Мара обрадованно кивает и тут же вновь озабоченно хмурится. Наблюдение Ценципера еще ничего не доказывает! Надо убедиться, что это не простое совпадение.

— А как поступил Межулис?

— Дал Густу вылезти и поехал дальше. Мы этот следственный эксперимент проделали еще на трех такси, истрачено на поездки пять двадцать, но ни один из водителей не переключал на кассу.

— Спасибо вам! — растроганно говорит Мара и тянется за сумочкой.

— Что вы, что вы!.. — Ценципер встает, гордо выпрямляется. — Борьба с преступностью — моя почетная обязанность!.. И, прошу извинить, я должен теперь ехать за Густом, которого в последний раз высадил из машины в Задвинье. Скоро стемнеет, как бы мальчик не испугался.

Мара улыбается: кто, кто, а Густ не из трусливого десятка! И тут ей приходит мысль отблагодарить мальчика за помощь.

Расплатившись, Мара спешит домой. Но в подъезд она не заходит. Убедившись, что поблизости никого нет, достает из кармана кусочек мела и, стараясь поделать детский почерк Густа, выводит на вывеске у парадного караули. Затем быстро уходит — не хватает еще, чтобы застали за таким озорством работника милиции!

Потом Мара долго сидит на сквере у набережной. Мимо течет нескончаемый поток людей, катит свои воды к морю Даугава, в темноте мерцают ходовые огни кораблей, вспыхивают сигналы на баках, переключаются судовые сирены. Мара безучастна ко всему окружающему. Она снова и снова перебирает все факты, связывает их в логическую цепь аргументов. Наконец кажется, что даже Григасту с его аналитическим умом ни к чему не подкопаться. Теперь она не хочет терять ни минуты — находит в сумочке двухкопеечную монету и бежит к телефону позвонить начальнику прямо домой.

— Товарища Григаста срочно вызвали два часа тому назад, — отвечает Маре женский голос. — Он сказал, что, наверно, на всю ночь задержится в управлении.

* * *

Майор Григаст стоит на лесной вырубке и смотрит на причудливое сплетение пенных струй. Когда пожарники отбрасывают использованные огнетушители, взгляду предстает обгорелый остов машины. Чудом в какой-то мере уцелел от огня багажник, по которому можно судить, что сгорела «Волга».

Григаст обтирает коготь. На номерном знаке становятся различимы цифры и буквы: 24-25 ЛАГ. Григаст долго не сводит с них взгляда. Вспышка блицлампы снова и снова вырывает из темноты застывшее в задумчивости лицо майора. Григаст нагибается и моет руки в ручейке, который журчит у его ног.

* * *

Мара отворяет дверь кабинета и удивленно останавливается на пороге. В кабинете орудуют маляры. Сквозняк треплет обрывки обоев, хлопает заляпанным известкой окном. Витол, стоя на стремянке, белит потолок; завидев Мару, отдает ей честь, поднося кисть к своей газетной треуголке.

— Вкальваем в две смены, чтобы укоротить ссылку товарища майора.

Своего начальника Мара находит в библиотеке. Туда же переставлен письменный стол с любимым креслом Григаста и сейф.

Григаст под выцветшим лозунгом «ВСЕ ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА» старается не обращать внимания ни на возгласы шахматистов, ни на шумливую суету у книжных шкафов.

Мара торопливо подходит к нему. Прежде чем она успевает раскрыть рот, майор говорит:

— Садитесь и рассказывайте!

— По порядку и со всеми подробностями... — улыбается Мара. — Так вот, когда Пурвит встретился с Межулисом в кафе, о краже «Витафана» они уже условились. Вначале было решено вывезти коробки с ампулами на такси, но потом они слышали, как я рассказывала про нашу «Волгу», и передумали. Для отвода глаз такси угнал Межулис. Но когда они въезжали в наш двор, за рулем уже сидел Пурвит и, когда Межулис вылез, машинально переключил счетчик на кассу. Они поставили под брезент такси и на нашей «Волге» поехали в институт. На следующий день Пурвит взял отпуск и увез «Витафан»...

Мара достает из сумочки и не без гордости показывает Григасту фотоснимок телевизионного кадра с Пурвитом, стоящим в двери самолета.

— Пурвит утверждает, что был в деревне. А в телевизионном журнале я видела, как он выходит из самолета, который прилетел из Ужгорода...

— Вы видели Пурвита?

— И Ирену Залите.

— Шах! — слышен возглас шахматиста.

— Возможно, на этот раз вы были на верном пути. Но мы опоздали...

— Он уже арестован?

— Еще три хода и мат! — слышен тот же голос.

Григаст кладет перед Марой обгоревший портсигар. Мара открывает его и видит шоферское удостоверение Пурвита.

— Вот все, что осталось от вашего Пурвита, да еще несколько килограммов обугленных костей, — говорит Григаст. — Плюс сгоревшее догла такси. Убийца не дождал бензина.

— Сдаюсь, — говорит один из шахматистов и отодвигает стул.

* * *

В библиотеке остались только Григаст и Мара.

Она задремала в кресле. Поминутно глядя на часы, показывающие время за полночь, майор разглядывает почтовые марки. Но на этот раз любимое занятие не доставляет ему радости — слишком велико нервное напряжение. Майор встает, укрывает Мару своей шинелью и подходит к шахматному столику.

— Да, положение безнадежное, — тихо произносит он, глядя на фигуры.

К счастью, этого нельзя сказать о ходе следствия. Таксомотор 24-25 ЛАГ видели автоинспекторы и кое-кто из шоферов таксопарка, и теперь установлено, что в машине рядом с Пурвитом сидел Межулис. Водитель Мурьян видел, как машина Пурвита остановилась перед домом Межулиса, рассказал, что из машины вышел Пурвит и некая блондинка, по приметам Григаст тотчас узнал Ирену Залите. На ее показания майор возлагает большие надежды...

Открывается дверь. Это старший лейтенант Климов.

— Товарищ майор!..

Григаст подносит палец к губам и кивает на Мару.

— ...Ваше приказание выполнено. — Климов понижает голос почти до шепота.

Но Ирена, не дожидаясь приглашения, распахивает дверь. В глазах блестят слезы. Она смотрит на Григаста.

— Что случилось? Что-нибудь с Пурвитом?! — Голос ее срывается от волнения.

Григасту и Маре с трудом удается успокоить Ирену.

— Не знаю, что им взбрело в голову, — дает показания Ирена, — Пурвит приехал за мной в институт. Он это часто делает, когда работает во вторую смену. Потом мы поехали к Межулису за журналом с осенними модами — я давно обещала его подруге. Да, что я хотела сказать... Сперва Межулис был в настроении, коньяком угощал, — Ирена спохватывается,

что говорит с работниками милиции, и поспешно добавляет: — Нет, нет, Пурвит не пил, он ведь был с машиной... А тогда Межулис позвонил по телефону... Я как раз искала журнал, у него такой беспорядок! Ведь скоро месяц, как жена в больнице...

Григаст не имеет привычки перебивать свидетеля. В непридуманном рассказе иногда проскальзывают детали, которые восторгом приобретают большое значение. Но Ирена говорит так сбивчиво, что он пытается помочь ей наводящими вопросами.

— Куда звонил Межулис?

— Да, наверно, в больницу... Да, да, он еще спросил: «Больница? Мне доктора Эрберта!»

— Что он сказал? Вы не слышали?

— Все слышала до последнего слова. С этого разговора все и началось...

У Мары перехватывает дыхание, она не смеет поднять глаза на Ирену. Что такого мог сказать Имант, какие его слова вызвали зверское убийство? Не в силах ждать, Мара поднимает лицо.

— Как вы могли слышать, что именно говорил Эрберт?

— А я и не слышала. Он не подошел к телефону. Межулис говорил с кем-то еще. Сперва он даже радовался. «Ты у телефона?» — кричит. А потом ему сказали что-то, наверно, страшное, потому что он даже в лице изменился и ничего сказать не мог — только повторял все: «Что?.. Что ты говоришь!» Потом выронил трубку и даже не повесил. К столу подошел — шатается, чуть не падает. Я его спрашиваю: «В чем дело?» — а он и не глядит на меня, только на Пурвита исподлобья смотрит... У самого глаза красные-красные, как у убийцы какого... — Ирена плачет.

— И он потом все время молчал?

— Да нет... Говорил много, только я ничего не поняла. Кричал на Леона: «Ты понимаешь, что ты наделал?! Теперь конец асему!» Леон хотел его успокоить, но Межулис прямо невменяемый сделался какой-то. А потом встряхнулся, взял себя в руки и сказал, что ему там по какому-то счету надо расплатиться. В столе чего-то долго рылся. И тогда говорит Пурвиту: «Поехали! Все будет в порядке». Я тоже хотела сесть в машину, но они не взяли...

Григаст уже надевает шинель.

— Поехали! — зовет он Мару и Климова. — На квартиру к Межулису.

* * *

На лестничной клетке лампочки еще горят, но в окнах уже забрезжил свет утра.

«Э. Межулис» — значится на дверной табличке. Мара в который раз нажимает кнопку звонка. Звук его гулко разносится по пустой квартире. В конце концов открывается соседняя дверь.

— Межулиса нету дома, — говорит мужчина в пижаме.

Придерживаясь за штаны отца, заспанный малыш с любопытством глазет на майора Григаста.

— А вы не видели, когда он ушел? — спрашивает Мара.

— Слышал... Под вечер к нему пришли гости, — рассказывает сосед. — Но вскоре все ушли. Через час или полтора Межулис вернулся, немного побыл дома и снова ушел. Дверью хлопнул так, что у нас штукатурка посыпалась. Есть у него эта привычка. С тех пор не приходил.

— Позовите дворника, — приказывает Маре Григаст.

* * *

В квартире Межулиса все свидетельствует о поспешном бегстве хозяина. Дверца шкафа распахнута, ящики выдвинуты, содержимое их раскидано по стульям, валяется на столе. На письменном столе — расписание поездов; оно раскрыто на страничке «Рига — Симферополь». Рядом непомытая бритва; по-видимому, ею недавно пользовались.

Старший лейтенант Климов вытряхивает содержимое корзины для бумаг. Руки у него, так же как и у Григаста с Марой, в резиновых перчатках. Среди прочих бумажек находится скомканная, перемазанная засохшей мыльной пеной журнальная страница и обрывок конверта с адресом отправителя.

— Улица Захарова, семь, квартира тридцать один, — читает вслух майор Григаст.

Мара записывает адрес в свою тетрадь.

Майор Григаст расправляет смятый листок. Это страница из «Недели». Под обзором осенних мод дыра — какая-то заметка аккуратно вырезана.

Тонкий слой пыли на нижней доске в гардеробе. Ясно виден чистый прямоугольник на том месте, где стоял большой чемодан. Майор Григаст осматривает одежду, потом выносит ближе к свету старое зимнее пальто, показывает на распоротый шов воротника.

— Все те же избитые приемы, — говорит он. — Картина более или менее ясна. Убив Пурвита, Межулис впопыхах собрал чемодан, вспорол воротник, достал зашитую там сберкнижку, которая наверняка выписана на предъявителя, и, судя по раскрытому расписанию поездов...

— ...уехал в Симферополь? — заканчивает Климов.

— Никуда не уехал. Если верить Ирине Залите, он никогда не бросит жену. Полагаю, что он скрывается у...

Произнося эти слова, майор листает настольный календарь.

«71457, доктор Эрберт», — записано на листке недельной давности.

— Именно этого я и ожидал, — тихо бормочет майор и оглядывается на Мару.

Но Мара не слышит, остановившимися глазами смотрит в ящик письменного стола. Там — улыбающийся Будда с пятью младенцами. У одного отломана голова.

— А может, вы и мне покажете? — раздается голос Григаста.

Он берет Будду и качает головой.

— Припоминаю... Это вам привез Имант Эрберт из Вены... Очень интересно! — И смотрит на Мару, которая все еще стоит неподвижно. — Мара, послушайте дружеского совета: ступайте домой и ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

У работников угловеного розыска рабочее время не нормировано. Бывает, для успеха следствия приходится работать сутками напролет, а иногда случаются свободные минуты даже днем. Потому в библиотеке всегда людно.

Вот и сейчас здесь собралось порядочно народу. Два сержанта самоотверженно сражаются в шахматы. Забаррикадив стол толстыми фолиантами, студент-заочник старательно записывает что-то в тетрадь. Он хочет закурить, но, чиркнув спичку, замечает надпись: «Не курить!» Тогда студент подходит к стене, снимает картонную табличку и, загнув ее в виде пельницы, спокойно закуривает.

Молоденькая библиотекарша не замечает нарушения порядка. Оседлав носик роговыми очками, она знакомится с новыми поступлениями книг. Высоко поднимает книжицу в пестрой обложке и выкрикивает, как на аукционе:

— Новый приключенческий роман!

Присутствующие встречают это сообщение без особого энтузиазма. Кто-то презрительно усмехается, другой морщится, а бородатый старшина-орудовец — гроза всех шоферов города, — подмигивая, говорит:

— Мне бы что-нибудь про любовь. А эту муру побереги для любителей.

Когда входит Мара, старшина расплывается в улыбке и идет ей навстречу.

— А-а, Мара, вот кстати! Мы должны сыграть турнирную партию.

Мара не отвечает. Она до сих пор не пришла в себя. Найденный в письменном столе Будда, конечно, убедит Григаста, что Эрберт замешан в краже «Витафана». Конечно! Разве ей самой не показалось бы это серьезной уликой — не знай она Эрберта, не верь ему? И головка в машине...

Заняв кресло майора, Мара кладет перед собой маленькую головку из слоновой кости — невинно улыбающееся личико младенца. Мару эта улыбка не веселит. Помянув еще больше, она прячет головку в карман, открывает свою тетрадь и видит последнюю запись: «Ул. Захарова, 7, кв. 31».

— Где находится эта улица Захарова?!

Возможно, Мара задавала этот вопрос самой себе, но невзначай он вырвался вслух, и все головы повернулись к ней.

Шахматисты пожалы плечами и вновь углубились в игру.

— Впервые слышу, — отозвался заочник.

Покопавшись в планшете, старшина достал справочную книгу по Риге и подходит к Маре.

— Я так и думал, что вы что-то спутали, — в его голосе звучит сознание своей непогрешимости. — В Риге такой улицы нет!

— Нигде, нигде нет... — бормочет Мара, встает, прижимается лбом к оконному стеклу. За окном бурлит городская улица. Но ведь где-то она должна же быть! И на ней живет человек, который переписывается с Межулисом. Улица Захарова, улица Захарова... В воображении Мары возникают планы нескольких городов. Улиц бесконечное множество, и вместо названий —

сплошные вопросительные знаки. Она энергично встряхивает головой, оборачивается. — Кто такой Захаров? Нина, дай мне энциклопедию! Большую, на букву «З».

Библиотекаря прислоняет лесенку к стеллажу, лезет к самой верхней полке и там листает толстый том.

— На что тебе надворный советник Николая Первого? — спрашивает она.

— Как, а другого Захарова разве нет?

— Целых три. Могу предложить архангельского художника Ипполита Захарова, комиссара закарпатских партизан Петро Захарова, сибирского путешественника Семена Захарова...

* * *

В семье Лейи смятение: больше суток Мары нет дома. Накануне днем пообедала, сказала, что пойдет на работу, и исчезла. Потом поздно вечером позвонила, что задержится. И с тех пор ни слуху ни духу.

Сначала Георг Лейя старался успокоить жену: наверное, Маре пришлось выехать за город, а там телефона нет. Вот и все. Но под утро он сам забеспокоился. В конце концов не на войне ведь, где со связью может случиться всякое!

За завтраком молчали. Жена ничего не ела, сам он после бессонной ночи выпил две чашки крепкого кофе. В другой раз Берта обрушилась бы на него, доказывая, что непозволительно губить сердце, а сегодня смолчала. И это окончательно встревожило старого Лейю. Он решил действовать.

Георг Лейя стоит у телефонного аппарата. В кресле полужит мать Мары. Лицо ее осунулось, глаза прикрыты, на лбу мокрое полотенце. Об ее ноги, жалобно скуля, трется Флоксик. Поминутно оглядываясь на жену, Георг Лейя строго говорит в трубку:

— Григаст, звоню по поручению жены, мы обеспокоены... Куда делась наша Мара?

Удивление майора Григаста не наигранно. Услышав, что Мара не приходила домой ни вчера, ни сегодня утром, он в первый момент растерялся. Где она? Можно было бы предположить, что у Эрберта, но доктор — вот он, сидит напротив Григаста. Допрос тянется с самого утра, Эрберт ни на минуту не отлучался из кабинета и — Григаст уже твердо решил — так скоро отсюда не уйдет.

— Алло, алло! — кричит Георг Лейя на другом конце провода. — Что вы там замолчали, черт подери? Григаст, где Мара?

Эрберт сидит напротив, поэтому майор говорит первое, что приходит на ум:

— Успокойте супругу, ничего страшного. Она выехала.

— В командировку? — не унимается Георг Лейя.

— Не совсем. Я вам попозже позвоню и все расскажу.

Это не пустая отговорка. Отвечая, Григаст смотрит на Эрберта, и майору начинает казаться, что он понял, почему исчезла девушка и где она сейчас.

Положив трубку, Григаст начинает листать личное дело Эрберта.

— Товарищ майор... Что случилось с Марой?

— Самое худшее, что может случиться с работником милиции, — отвечает Григаст с едва заметной улыбкой. — Она влюбилась и начала заниматься самодеятельностью... А теперь, — он снова принимает официальный тон, — попросу подождать в приемной. Через час я вас вызову.

— За это время я успел бы съездить в больницу и вернуться. — Эрберт встает.

— Я сказал: подождать в приемной!

После ухода Эрберта майор звонит Климову:

— Давайте ко мне эксперта!

...Григаст нервничает. Будда из слоновой кости — лишь звено в цепи, которая, возможно, связывает Межулиса с Эрбертом. И что этот эксперт так долго изучает? Чтобы побороть нетерпение, майор большими печатными буквами пишет на листке бумаги:

ДОПРОС. ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

И опять глядит на эксперта. Тот, вооружившись лупой, ощупывает тонкими быстрыми пальцами статуэтку из слоновой кости. Затем встает и подходит с ней к окну.

Встает со своего кресла и Григаст. Открывает дверь и над табличкой «Библиотека» прикалывает свое произведение. Возвращается. Седой эксперт все еще изучает Будду.

— Ну? — торопит его Григаст.

— Та самая! — изрекает эксперт. — Готов подписаться и присягнуть перед судом. Не каждый день попадают такие диковины!

— Пстойте! — Григаст берет фигурку у него из рук. — Вы хотите сказать, что видели этого Будду раньше? Нам известно, что неделю назад фигурку привезли из Вены.

— Из Вены? Возможно. Но по меньшей мере год тому назад. С прошлого октября она стояла у нас в комиссионном магазине. Я три повестки послал владельцу, чтобы забрал или снизил цену. Хоть и с дефектом, но оценили в тридцать рублей.

— Выходит, Будду купили в Риге, — задумчиво произносит Григаст и рассматривает безделушку через лупу.

Добродушная улыбка сквозь увеличительное стекло кажется насмешливой гримасой, словно Будда издевается над майором. Григаст зло морщится и прячет лупу в карман.

— Ни малейшего сомнения! Я еще сам предупреждал покупателя, что головка плохо приклеена и того гляди отвалится.

— А вы узнали бы покупателя?

— Доктора Эрберта? Конечно! Может, врач он и хороший, но в искусстве... — Эксперт многозначительно умолкает.

— Благодарю вас, — пожимает руку эксперта Григаст и после того, как эксперт уходит, приказывает милиционеру:

— Введите Иманта Эрберта.

Эрберт отнюдь не напоминает припертого к стенке преступника. Сядя напротив Григаста, он держится, как человек, недовольный тем, что его оторвали от дела, — ему не терпится поскорее покончить с бюрократическими формальностями.

— Почему вы солгали, будто бы привезли подарок из-за границы?

Эрберт теребит в пальцах Будду и пожимает плечами.

— Я только в Риге вспомнил, что надо что-то привезти. В Вене у меня не было времени бегать по магазинам. Хотел признаться Маре, что купил это в Риге... потом. Но где она? Почему вы мне не говорите?

Григаст не успевает ответить. Входит Климов и кладет перед ним только что полученную телеграмму. Прочитав короткий текст, майор улыбается: он не ошибся. Это красноречиво подтверждают последние слова: «ДОКТОР ЭРБЕРТ НЕ ВИНОВЕН — ЛЕЙТЕНАНТ МАРА ЛЕЙЯ». Григасту хочется показать телеграмму Эрберту, но он прячет телеграмму в ящик стола и с треском задвигает его.

— Кому вы отдали этого Будду? — тон майора холоден и беспристрастен.

— Я сказал ведь — потерял, не помню где, у меня есть заботы и поважнее: больные три дня не получают «Витафан»... — Эрберт встает и смотрит на дверь.

— Помогите вам вспомнить. Узнаете? — Григаст показывает Эрберту три фотоснимка.

Эрберт бросает небрежный взгляд на фотографии.

— Не узнаю, — безразлично отвечает он, потом смотрит еще раз. — Вот этого вроде бы видел, — он берет карточку Межулиса и хлопает себя по лбу: — Но где, где? В тот вечер в кафе? Не только... Ага, конечно, теперь припоминаю... Когда мне позвонили из амбулатории в кафе и вызвали к больному немецкому матросу... Я выбежал на улицу, хотел ждать трамвай, но услышал звук мотора. Такси! Подбежал, сел, а шофер — вот этот самый — говорит. «Вылезайте, я — в гараж». — Эрберт показывает на фотографию Межулиса. — Причем таким хамским тоном... Ну, я разозлился, пригрозил позвать милиционера, если он не повезет меня к больному в порт. Он и повез. Со зла мчал, как на пожар, за пять минут доехали. Наверно, Будда там, в машине, и выпал у меня из кармана.

— В таком случае мы нашли бы и отломанную головку...

Григаст хочет разрезать пополам сигарету, потом безнадежно машет рукой и вставляет ее в мундштук целиком. Рассеянно предлагает закурить Эрберту. Тот отказывается.

Выпустив клуб дыма, Григаст продолжает вопрос:

— Значит, вы утверждаете, что больше нигде не встречались с этим человеком и даже не знаете его имени?

Эрберт кивает. Ему надоело повторять одно и то же.

— Тогда объясните, почему у Межулиса нашли не только эту фигурку, но и ваш телефонный номер.

— Как вы его назвали? Межулис? — Эрберт пыгается что-то вспомнить; вспомнив, облегченно вздыхает. — Ну, теперь я все понимаю! Вероятно, он муж моей пациентки. Звонит каждый день и спрашивает о состоянии жены. Но видеть я его ни разу не видел. Полагаю, что и он не представляет, как я выгляжу. Да, Илона Межулис... Ее доставили в больницу в наилучшем состоянии. Спасти может только «Витафан», а если его не найдем... — Он выразительно разводит руками.

Григаст не ошибся — Мара действительно в Ужгороде. Хорошо зная своего начальника, она понимает, что нужны только факты. И только они могут заставить поверить в невиновность Иманта. Значит, надо найти «Витафан»! Гибель Пурвита не опрокидывала ее версии. Скорее напротив, позволяла допустить, что после убийства Межулис направится в Ужгород, чтобы установить связь с сообщниками и получить свою долю добычи. Иначе для чего ему было списываться с человеком, проживающим в Ужгороде на улице Захарова?..

Мара примчалась сюда прямо с аэродрома и теперь идет вверх по крутой улочке.

На бульжной мостовой происходит отчаянная футбольная схватка между командами двух дворов. Напрасно Мара пытается получить у «вратаря» нужную ей справку. Он только небрежным жестом показывает на высокий деревянный забор и кричит во все горло:

— Пендаль! Пендаль!

Мара подходит к калитке. Адрес точный: «улица Петро Захарова, 7». И в доме, по-видимому, не менее пятидесяти квартир.

Мара берется за ручку входной двери, но не открывает ее. Нет, поспешность ни к чему! Она вновь обращается к маленькому вратарю:

— Где милиция?

Вопрос имеет потрясающий эффект. Подхватив свою курточку и кепку, которыми обозначены «футбольные ворота», мальчуган бросается наутек.

— Ребя, сматывайся!!! — орет он истощным голосом. — Опять милицию вызывают!

В мгновение ока улица пустеет.

Мара улыбается и спрашивает то же самое у проходящей мимо пожилой женщины. Пятью минутами позже она уже подходит к красивому особняку, на двери которого вывеска: «Управление милиции г. Ужгорода».

За живой изгородью видна светлая «Волга». Не глядя на нее, Мара входит в здание.

Вот она уже сидит в кабинете начальника оперативного отдела.

Капитан Братунь ничем не напоминает майора Григаста — он молод и строен. С улыбкой возвращая Маре ее служебное удостоверение, капитан говорит:

— Вот это оперативность! Телеграмму насчет «Волги» мы дали только сегодня утром.

— Какой «Волги»? — недоумевает Мара.

Капитан молча подводит Мару к окну.

— Вот она! Вчера нашли в лесу. — Братунь показывает на светлую «Волгу» с номером 75-00 ЛАГ. Приятное зрелище, не так ли?

— Еще бы! Если бы вы знали, как оно приятно для меня! — Мара не глядя в окно: она успела уже освоиться с этой сногшибательной новостью, которая — самое главное! — отлично увязывается с ее версией о краже «Витафана». — Теперь я не сомневаюсь, что все будет в порядке!

— Итак, все в порядке, можете хоть сейчас садиться за руль и катить домой.

— Как раз наоборот, я остаюсь... Можно заказать разговор с Ригой? — Она снимает трубку. — Ригу, 71457, к телефону Иманта Эрберта. Спасибо.

Мара кладет трубку и раскрывает свою тетрадь. В последнем рисунке почти ничего не изменилось. Это все те же Пурвит, Межулис, Ирена, «Волга», везущая в Ужгород «Витафан». Под словом «Ужгород» написано: «Ул. Захарова, 7, кв. 31».

— Мне необходимо узнать, кто там живет.

Капитан с любопытством смотрит на Мару, хочет спросить что-то, но воздерживается.

— Могу вам посодействовать. — Он приносит картотеку: — Селаго, врач... Вернее, бывший врач. В свое время мне вкатили из-за него выговор... Два года назад пришлось положить в больницу несколько человек с тяжелым нервным шоком. Они употребляли контрабандное снотворное, которым приторговывал этот врач.

— Врач?! Наверняка он! — Мара с трудом сдерживает волнение. — За что же вы получили выговор?

— Врача посадили, а контрабандиста, доставлявшего из Австрии лекарство, разыскать так и не удалось.

— Стало быть, сейчас врач за решеткой? — разочарованно спрашивает Мара.

Телефонный звонок прерывает разговор. Мара, опередив капитана, хватается за трубку.

— Арестован... — вполголоса произносит она, положив трубку. — Теперь все зависит от меня!

— Нет, он на свободе, — говорит капитан. — Уже полгода, как не спускаю с него глаз, но... не пойман — не вор!

* * *

Имант арестован — значит, Григаст не мешкал ни минуты. Теперь все зависит от нее. Это заставляет Мару немедленно отправиться к Селаго. На ее стук в дверь квартиры «доктора» никто не отозвался, и тогда Мара звонит в соседнюю.

В полуоткрытой двери, из которой валят клубы пара, вытирающая передник мыльные руки, стоит соседка доктора Селаго, вдова Ковальчук.

— Говорю же вам, нету, — раздраженно повторяет она. — Доктор уехал во Львов. То во Львов, то в Ригу, а я за него объясняй каждому. Вчера какой-то с чемоданом искал его. Сперва я даже не поняла, что ему надо, — он с заграничным акцентом говорил... — Женщина вдруг замолкает, внимательно оглядывая Мару. — А вы случайно не одной ли нации будете? У него акцент, как у вас.

— А как он выглядел? — Мара возбуждена, она невольно делает шаг вперед, но женщина не пускает ее через порог.

— Откуда я знаю... Всякого встречного-поперечного ведь не пустишь в дом. А в этой темнотище много ли увидишь... Бороды не было, усов тоже, лысину под кепкой не разглядеть.

— А на нем не было черного плаща? — Мара чувствует себя охотником, напавшим на верный след.

— И верно ведь! Фасонистый такой, с кожаными пуговицами, наверно заграничный. У нас в Ужгороде таких не видала.

Теперь Мара не сомневается в том, что победа близка. Она едет на почту.

Бежит лента из телетайпа:

«Межулис в Ужгороде тчк пришлите фото тчк подтвердите полномочия тчк доктор Эрберт невиновен = лейтенант Лейя».

Мара, наконец, направляется в гостиницу.

— Вам показать комнату? — спрашивает администратор, протягивая руку за ключом.

— Читальню, если у вас имеется.

Недоумевающий администратор провожает Мару в читальню.

Потребовав подшивку «Недели», Мара садится за столик и быстро находит то, что ей нужно, — номер с обзором осенних мод. Под обзором помещена заметка, которую так старательно вырезал Межулис: «Новый успех советской медицины». Не задумываясь, Мара вырывает страницу с «вещественным доказательством» и идет в ресторан — теперь можно и перекусить, ведь она уже сутки ничего не ела.

Зал ресторана гостиницы наполовину пуст. Маре тут нравится. Рядом, за двумя сдвинутыми столиками, сидят веселые ребята под присмотром двух пожилых женщин. Перед бойкой черноволосой девчушкой стоит ваза с цветами. Не понять, то ли здесь принято отмечать в ресторане детские дни рождения, то ли это коллективное посещение вызвано ремонтом кухни в детском саду.

Столы вдоль стен разделены невысокими расписанными национальным орнаментом барьерчиками. На эстраде под сенью пальмы три музыканта в национальных костюмах разучивают танго, варьируя на все лады мелодию.

Мара кладет на стол головку улыбающегося Буддиного младенца, ставшую теперь чем-то вроде талисмана, и, отодвинув пустую тарелку, еще раз перечитывает заметку «Новый успех советской медицины». Прочитав, поднимается, идет к двери, ведущей в вестибюль гостиницы. Заметив ее, администратор издали кричит:

— Вам телеграммы нет!

Мара удрученно возвращается на свое место.

— Еще порцию жареного сыра, — говорит она официанту и опять смотрит на головку Буддиного младенца.

Трио снова и снова разыгрывает одну и ту же мелодию.

— «Витафан»... Врач, осужденный за спекуляцию заграничными медикаментами... Лазейка контрабандистов через границу не найдена... Межулис... «Витафан»... Значит... — размышляет Мара вподгласа, и кажется, что головка из слоновой кости своей доброжелательной улыбкой подтверждает все соображения Мары.

Наконец скрипач находит свою интерпретацию мелодии, инструменты теперь звучат в полную силу. Музыкант спускается в зал и идет среди столиков, словно неся мелодию на кончике смычка.

На минутку он задерживается подле ребятшек, потом останавливается у столика Мары.

Мара не видит и не слышит его. Из оцепенения она выходит, лишь когда называют ее имя.

— Товарищ Лейя! — вызывает милиционер, стоящий в двери.

— Наконец-то! — Мара кидается к нему и нетерпеливо разворачивает телеграмму.

«Начальнику милиции Ужгорода разыскать лейтенанта Мару Лейю из Риги и вручить тчк Почему от тебя нет сведений зпт немедленно телеграфируй не простудилась ли тчк теплые вещи высланы самолетом тчк ответ оплачен тчк мать волнуется тчк желаю успеха отец».

Выждав, пока Мара дочитала, милиционер откашливается.

— Капитан ждет вас. Важная служебная телеграмма из Риги!

...Григаст действует оперативно — прислал фотографию Межулиса и свое благословение на производство обыска. Однако у двери квартиры доктора Селаго капитан Братунь обращается к Маре:

— Санкция прокурора у меня в кармане. Только давайте подумаем еще раз, пока не поздно. Вы убеждены, что мы найдем «Витафан»?

— Абсолютно! — Мара хочет постучать в дверь.

Капитан берет ее за руку.

— Это ведь все одни догадки. А доказательства?

— Поймите! — горячо возражает Мара, — От этого лекарства зависит жизнь десяти и... свобода одного человека. — Ее голос возвращается твердостью. — Поэтому я готова пойти на любой риск, а не искать дополнительные доказательства.

Капитан сам стучится к соседке Селаго, вдове Ковальчук.

— Будьте понятой, — говорит он, предъявляя документы. — Придется взломать дверь.

— Зачем еще взламывать? — бурчит вдова. — Доктору прятать нечего, ключи от квартиры он всегда оставляет мне.

...Обыск заканчивается. Лишь громоздкий письменный стол остался на месте — он вплотную придвинут к подоконнику.

Мара кладет на него три фотокарточки.

— Вам не знакомы эти лица? — Она обращается к вдове Ковальчук.

— Нет.

— Один из них — не тот, в черном плаще, что искал доктора?

— Возможно... Сами видите, какая темнота у нас на лестнице, домоуправу давно пора бы...

В комнату входит Братунь.

— Ничем не могу порадовать, — говорит он. — Пока что «Витафан» не обнаружили.

— А что я сказала? — Ковальчук не скрывает своего торжества.

Взгляд Мары блуждает по комнате. Все перевернуто, выворочено наизнанку. Она опускает глаза и смотрит на письменный стол. Под стеклом, покрывающее полированную доску, подсунуты вырезанные из иностранных журналов портреты киноактрис вперемежку с газетными вырезками о новых медицинских препаратах. Что-то останавливает внимание Мары — под одной из фотографий торчит краешек другой вырезки, но фраза бессмысленна, так как строчки обрезаны.

Мара приподымает стекло, вынимает и переворачивает бумажку. Это заметка о «Витафане», та самая, что вырезана из «Недели».

— «Витафан» произвел сенсацию на Международном конгрессе врачей в Вене, — негромко читает она. — Представитель японской делегации высказал мнение, что этот медикамент спасет столько же человеческих жизней, сколько уничтожила атомная бомба. Благодаря воздействию гамма-лучей радиоактивность препарата...»

Мара замолкает вдруг. И немного погодя, до конца обдумав возникшую идею, громко произносит:

— Должен быть! Капитан Братунь, я знаю, как искать «Витафан»!..

Через полчаса прибывают вызванные Братунем сотрудники. Теперь в кабинете доктора Селаго слышится равномерное пощелкивание. Это прибор, которым работает младший лейтенант милиции. Он обследует комнату счетчиком Гейгера — водит им по стенам, по поверхности мебели. Щелчки не меняют ни ритма, ни громкости, стрелка на шкале прибора неподвижна.

Перехватив озабоченный взгляд Мары, лейтенант успокаивает:

— Если препарат действительно содержит радиоактивное вещество, мы его обнаружим.

— Здорово вы догадались! — говорит капитан Братунь.

Лейтенант приближается к окну. Стрелка дрогнула, метнулась вперед. Так же порывисто вскакивает со стула Мара. Почти одновременно нарастает темп щелчков. Он становится угрожающим, неотвратимым.

— Здесь, — спокойно говорит лейтенант, указывая на подоконник.

И вот письменный стол отодвинут, выдернуты гвозди, которыми закреплен подоконник. Виден узкий, но глубокий тайник. Мара первая нетерпеливо запускает туда руку и извлекает... тубики с зубной пастой.

— Но счетчик же отметил радиоактивность! — растерянно говорит Мара.

Капитан Братунь не смущен — ему известны уловки контрабандистов. Взяв у Мары тубик, он открывает задний, завальцованный конец и жестом ловкого фокусника вынимает ампулу.

— Никаких чудес. Только ловкость пальцев, — улыбаясь, говорит капитан.

— И вера!.. — вполголоса добавляет Мара.

Взвывая сиреной, на летное поле аэродрома въезжает милицейская машина, тормозит около военного реактивного самолета.

Два милиционера погружают в самолет коробки с ампулами.

Самолет разбегается по бетонной полосе, отрывается от земли.

* * *

По больничному коридору бежит медицинская сестра.

— «Витафан» нашли! — ликующе кричит она.

Почти одновременно распахиваются двери палат.

Профессор Ландовский стоит у графика, в котором отмечает введение больным дозы «Витафана». Графы «7-й день, 8-й день, 9-й день» пусты. Клетку «10-й день» он заполняет собственноручно.

В белом халате, который так и не удалось застегнуть поверх кителя, массивная фигура майора Григаста выглядит довольно комично. Он сидит в палате у койки жены Межулиса Илоны и старается говорить тихо, ласково:

— Как вы себя чувствуете?

— Теперь опять хорошо, — отвечает она, поправляя ленту на волосах. — А когда пустили слух, что пропал «Витафан», я уж думала, конец...

— И вы рассказали об этом своему мужу?

Григаст, наконец, догадался, каков был мотив убийства.

Илона порывисто садится в постели.

— Откуда вы знаете?

— Это не важно, но лучше вы сами расскажите.

Голова Илоны бессильно падает на подушку. Закрыв глаза, она тихо рассказывает:

— Я в тот вечер была, наверно, как ненормальная. Врач на обходе заикнулся насчет операции, а я ведь знаю... В больнице ничего нельзя скрыть — одна у нас уже умерла. Ну, тут я поняла, что подошла и моя очередь... Вскочила и выбежала в коридор. И заревела. А потом слышу — рядом телефон звонит, и никто не подходит. Я зашла в пустую комнату сестер и сняла трубку. Кто-то просил доктора Эрберта. Я говорю: «Нет его», — и тут узнала голос мужа... Он всегда звонил, справлялся, не надо ли мне чего, он меня очень любит... Ну, не выдержала я и выложила ему все: «Украл «Витафан» какие-то негодян, украли последнюю мою надежду!» Уж не знаю, чего я там еще наговорила, он даже ответить мне не может. А я одно прошу у него: «Приезжай, заведи меня отсюда — не хочу умирать в больнице». А он не приехал и больше не позвонил: наверно, дальняя поездка... — Во взгляде Илоны вспыхивает тревога. — Скажите, с ним ничего не случилось?

Григаст молчит.

Вернувшись в управление, он приказывает вызвать Ирену Залите. В цепи доказательств теперь отсутствуют лишь некоторые несущественные звенья. Майор не сомневается, что он на правильном пути.

Милиционер вводит в кабинет Ирену. В ней трудно узнать ту Ирену, что танцевала в кафе, беспечно болтала о пустяках в такси. У нее заплаканные глаза, ресницы и губы не накрашены, а роскошные волосы скрыты под косынкой. Даже голос лишился звучности — какой-то надтреснутый.

— Я арестована, да?

— Это я вам сообщу после нашего разговора.

Григаст сух и официален. Дав милиционеру знак уйти, говорит:

— Рассказывайте, я слушаю.

— Я не хотела этого... Товарищ майор, если б я знала!..

— Кому вы рассказывали про «Витафан», Пурвиту или Межулису?

На этот раз Ирена рассказывает по-деловому, не сбиваясь и без прикрас. И перед Григастом возникает картина событий того дня.

...Коридор в фармацевтическом институте. Пурвит стучится в окованную железом дверь. Открывается окошко, в нем голова Ирены. Узнав приятеля, она радостно улыбается.

Пурвит раздражен.

— Чего ты тут чикаешься? Не могу же я часами простаивать, надо план выполнять!

— Ой, знаешь, сегодня у нас все с ног сбилось, даже новые замки поставили. Директор наказал запереть как следует... А Мария отпросилась пораньше, ей надо успеть в парикмахерскую. И теперь я должна одна принимать «Витафан»...

— Что еще за «Витафан»? — Пурвит ничего не понимает.

— Да про то же я тебе все время и толкую! Новый препарат, прогремел на весь мир. — Она показывает Пурвиту журнал. — Я сейчас тут закончу, ты почитай пока. Здесь все написано. Только не забудь отдать, там очень интересная статья про осенние моды...

Пурвит дальше не слушает. Читая заметку о «Витафане», он настораживается. В лице его сразу проглядываются новые черточки — злые, жестокие. Это хищник, почувывший добычу.

— Если не возражаешь, я пока оставлю журнал у себя, — его мягкий тон никак не вяжется с выражением глаз.

Он ни на миг не отводит взгляда от Ирены, которая запирает дверь и прячет ключ в сумочку.

— И вы ни разу не давали ему ключа? — спрашивает Григаст, когда Ирена заканчивает свой рассказ.

— Ни разу! — подтверждает Ирена. — Директор сказал же, чтоб даже из рук не выпускала. Если б вы знали, как я перепугалась, когда подумала, что потеряла его...

— Когда это было?

— Да ну, в тот же день, перед тем, как мы пошли в кафе. А потом гляжу — лежит там же в сумочке, просто за подкладку запал. Совсем новая сумка, а уже дыра в подкладке. Ну и работают теперь галантерейщики!..

— А мне как раз кажется, что сработано было неплохо, — говорит Григаст. — И виноваты тут вовсе не галантерейщики, а ваши друзья-приятели!

Вид у Ирены совершенно убитый.

— Я даже не предполагала, что Межулис такой негодяй, — говорит она, — а то разве позволила бы ему возить себя на работу и зубы заговаривать? Он, наверно, хотел разнюхать, не заподозрила ли я чего неладного. Теперь вы, конечно, арестуете меня?..

— Нет, но это не снимает с вас ответственности.

Ирена жадно смотрит на сигарету Григаста.

— Товарищ майор, можно?

Григаст протягивает ей открытый портсигар и встает, давая понять, что разговор окончен.

Вечером он продолжает его с Климовым — теперь уж в своем кабинете, который после ремонта трудно узнать. Кажется, Витол хотел всем показать, как он рад начатой заново жизни, — стены покрашены в яркие летние цвета, выпестрены веселым орнаментом.

— Только что был у врача Эрберта, — сообщает Климов. — У него в больнице столько дел, что обижаться на нас некогда.

Григаст гасит в пепельнице сигарету и задумчиво глядит на старшего лейтенанта.

— Теперь понимаете, как развивались события?

— Так точно, товарищ майор! Поняв, что на «Витафане» можно хорошо заработать, Пурвит предложил угнать такси, поменять его на «Волгу», проникнуть в институт и отвезти препарат в Ужгород. Мне только одно не ясно: за что убил его Межулис?

Григаст вздыхает.

— Это же вытекает из фактов. Когда Межулис впутался в эту аферу, он не имел понятия, что «Витафан» единственное спасение его жены. Когда же до него дошло, что он невольно стал убийцей жены...

— Виноват, товарищ майор, значит, в нем совесть заговорила? Но тогда Межулис должен был бы прийти в милицию с повинной. Почему же он пошел еще на одно преступление, на умышленное убийство?

— Да, этот вопрос и мне не дает покоя, — вынужден признаться Григаст. — Боюсь, что ответ на него можно найти только в Ужгороде, когда убийца будет арестован.

* * *

Капитан Братунь угощает Мару сигаретой. Мара делает первую затяжку, кашляет.

— Давно курите? — спрашивает капитан.

— Давно, — напропалую лжет Мара.

— И в милиции давно?

— Давно, — машинально отвечает Мара. — Мне даже предлагали повышение... — Но тут же честно признается: — Три месяца. — И с вызовом. — А что?

Пепел с сигареты Братуня осыпается на фотографию Межулиса. Он смахивает его ладонью.

— Тогда все понятно. Повторяю, перевернули весь Ужгород и окрестности вверх дном, фотографию Межулиса показывали по меньшей мере тысяче человек, а вы все упираетесь...

— Он убийца. У него спасение одно... Из-за чего он здесь? Он...

— Был здесь, — договаривает за нее капитан. — Возможно, для того, чтобы дополучить остальные деньги за проданный «Витафан».

— А как долго работаете в милиции вы?

— Три года.

— И не знаете, что человек в его положении готов на все, чтобы спасти свою жизнь?.. Он явился сюда в надежде, что у доктора Селаго есть возможность переправить его через границу. Зачем ему ехать навстречу доктору во Львов? Граница же здесь! За Венгрией — Австрия и...

— Вы очень симпатичная, но очень упрямая девушка. А факты остаются фактами, тут не поможет никакая фантазия. Не знаю, где ваш Межулис — во Львове или в Риге у жены, но в Ужгороде его нет.

В дверь кто-то стучит.

— Войдите! — недовольным голосом говорит капитан.

Входит еоседка доктора Селаго вдова Ковальчук.

— Этот мужчина, которым вы интересовались, только что опять был у меня.

— Ради бога, вы хоть не выболтали ему, что мы... — Мару охватывает ужас при мысли, что это могло произойти.

Вдова Қовальчук гордо выпрямляется. Сейчас она кажется на голову выше той сгорбившейся прачки, которую до сих пор видела перед собой Мара.

— Вы верите в бога? — спрашивает она у Мары.

— Ну, как вы можете спрашивать такие вещи? Только потому, что я сказала «ради бога»?

— А почему вы можете спрашивать такие вещи? Только потому, что я стираю белье?

— Не сердитесь, — говорит Мара. — И давно он ушел?

— Да нет, сидит ждет. Тут как раз приходил почтальон. Я не успела развернуть телеграмму, как опять постучали. Я сразу узнала этого человека по черному плащу и впустила в переднюю, а внутреннюю ручку незаметно вынула из двери — и в карман. «Присядьте, — говорю, — у меня белье осталось на дворе». Он оглянуться не успел, как я выбежала, захлопнула за собою дверь. Потом, чуть погодя, вернулась и стучу, говорю, дверь сама захлопнулась, прошу отпереть ее ключом изнутри, а ключ, мол, на кухонном столе. Ключа он, конечно, не нашел, его там и не было никогда. «Ах, — говорю, — растяпа я такая! Наверно, сама на дворе оставила. Не волнуйтесь, сейчас сбегаю, найду». И побежала к вам.

И вот она стоит в кабинете капитана. Стоит и даже не представляет, какую услугу оказала людям.

— Теперь вы верите, что он в Ужгороде? — торжествует Мара. — Кто был прав?

— Дзержинский, — улыбается капитан, кивая на плакат над письменным столом:

«Наше мощнейшее оружие в борьбе с преступностью — это широкая поддержка народных масс. Ф. Дзержинский».

* * *

Стараясь не шуметь, Ковальчук отпирает дверь своей квартиры. Капитан вынимает пистолет. То же самое делает Мара. Чувствуется, что с пистолетом она не привыкла обращаться.

В комнате все сразу становится ясным — окно настежь: Межулис сбежал.

Мара подавлена, молчит.

— Телеграмма! — кричит соседка.

— Исчезла? — спрашивает Мара.

— Нет, распечатана. Это его работа!

Мара и капитан склоняются над телеграммой:

«ПРИЕЗЖАЮ ВЕЧЕРОМ ЛЬВОВСКИМ ПОЕЗДОМ — СЕЛАГО».

Мара и капитан переглядываются.

* * *

На перроне Ужгородского вокзала обычная встречающая публика. Мужчины, которые почему-то стыдятся своих букетов и норовят спрятать их за спину. Радостные женщины. Дети, при-

водящие в ужас родителей тем, что то и дело порываются подбежать к краю платформы, поглядеть, не показался ли вдали поезд.

Мара выходит на привокзальную площадь, где стоит черная «Волга» с эмблемой такси. Шофер, увидев Мару, как бы незначай подымает руку.

Мара возвращается на свой наблюдательный пункт за киоск с мороженым. Поезд Львов — Ужгород подкатывает к вокзалу. Из-под колес паровоза вырываются клубы пара, окутывая ближайшие вагоны. Поезд останавливается. С подножек спрыгивают проводники, соскакивают первые пассажиры.

Один за другим выходят гуцулы в ярких народных одеждах: наверно, это участники смотра самодеятельности.

В телефонной будке стоит человек в черном плаще. Делая вид, будто разговаривает, он прикрывает трубкой лицо. Вот он пошевелился. Рукой в перчатке он достает из кармана газету и, притворившись, будто увлечен чтением, направляется к одному из вагонов.

Нервы Мары не выдерживают. Она бросается вперед, на мгновение опередив Братуня с его людьми.

Мара уже рядом с человеком в черном плаще, вырывает у него из рук газету.

Газета падает наземь.

Это не Межулиса. Это Пурвит! Без усов, в черном плаще Межулиса, но, конечно же, Пурвит, а не его призрак!

— Пурвит! — восклицает опешившая от неожиданности Мара.

Человек, встречающий доктора Селаго, не убийца, которого разыскивает Мара, а убитый. Надо бить тревогу, но Мара не может выговорить ни слова.

Пурвит узнает Мару, поворачивается и ныряет в толпу. Милиционеры не знают Пурвита — они получили фотографию Межулиса, и арестовать им приказано его, и никого другого. А Мара сразу не может отделаться от охватившего ее оцепенения.

Лишь в тот момент, когда Пурвит исчезает в дверях здания, она бросается за ним вдогонку.

На привокзальной площади Пурвит торопливо озирается по сторонам. Единственное такси, черная «Волга», занято. С шофером разговаривает капитан Братунь, но он тоже не знает Пурвита в лицо. Зато кабина пригородного автобуса пуста. В нем уже сидят пассажиры; шофер и кондуктор все еще мешкают у кассы.

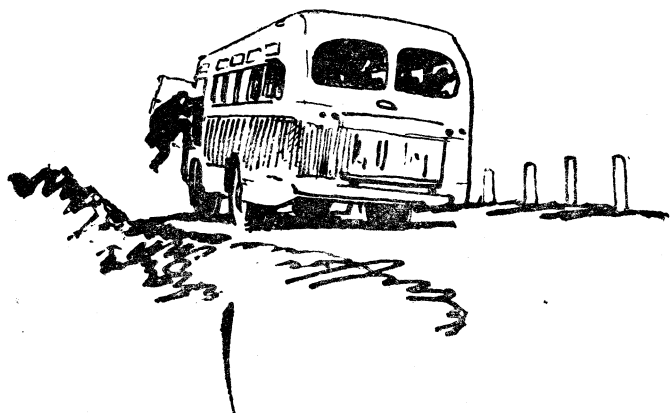
Пурвит даже не оглядывается. Он вскакивает в кабину, заводит мотор.

Пассажиров еще мало: человек десять, в основном пожилые женщины с покупками.

Пурвит увеличивает скорость. Распугивая пешеходов, он мчит по узким улицам.

Пока что никто не волнуется — совершенно случайно Пурвит едет обычным для этого автобуса маршрутом.

Но вот приближается остановка. Кое-кто берет свои сумки, иные проходят ближе к выходу. Пурвит снижает скорость, но, увидев среди ожидающих милиционера, прибавляет газ и чуть не сбивает человека, который лишь в последний момент отскакивает в сторону.

— Он пьяный! Остановите! — кричит женщина в автобусе.

— Так можно и людей угробить! — басит мужчина.

Около рынка на окраине города Пурвит снова тормозит — здесь легче всего бросить автобус, замести следы — но снова помеха! Навстречу шагает взвод солдат с белыми свертками под мышкой.

Дорога разветвляется. Слева приближается колонна грузовиков с кукурузой. Пурвит решает ехать вправо, в горы. Мужчина в рабочем комбинезоне вскакивает со своего места и барабанит в стеклянную переборку кабины. Пурвит даже не оборачивается. Другие пассажиры тоже колотят по толстому автомобильному стеклу, но оно выдерживает. Выскочить на ходу в незакрытую дверь никто не решается.

Горная дорога сужается, повороты все круче. Какая-то девушка, спотыкаясь, добирается до переборки кабины.

В зеркальце Пурвит видит Мару. Пока он на вокзальной площадке заводил мотор, она успела вскочить в автобус.

Взгляд Мары впился в остановившиеся глаза убийцы. Она видит их в зеркальце водителя.

Теперь она догадалась, что произошло. Поняв, что Межулис намерен его выдать, Пурвит убил сообщника, инсценировал свою смерть, чтобы отвести подозрения на Межулиса. И этот сатанинский план почти удался.

Мара опускает руку в карман, нащупывает пистолет, но в создавшейся ситуации оружие бесполезно. Если выстрелить в Пурвита, потерявший управление автобус сорвется в пропасть.

Пурвит по-прежнему не спускает глаз с Мары. В его взгляде проскальзывает новое выражение. Она, только она узнала его! Пурвит поворачивает кран, и в следующий момент с негромким зловещим шипением закрываются пневматические двери. Теперь она в западне.

Мара оглядывается и чуть не вскрикивает от радости. На изрядном расстоянии ниже автобуса по виткам серпантина мчатся два мотоцикла. Милиция! Скоро они нагонят автобус.

Пурвит тоже заметил погоню, но скорость не прибавляет. Как раз наоборот — ход машины постепенно замедляется. Автобус достиг перевала. Отсюда дорога снова идет вниз. Пурвит распахивает дверцу кабины. Выпрыгивает. Автобус теперь идет прямо на скалу, а Пурвит прыгает в кустарник, растущий по краю обрыва.

В автобусе — крики.

Спасти всех может только чудо. Чудо или тормоза.

Мара, как загипнотизированная, впилась взглядом в тормозную педаль. Но от нее отделяет неподдающаяся ударам стенка.

В ту минуту, когда от скалы их отделяет всего несколько десятков метров, Мара вспоминает про пистолет. Выхватив оружие, она несколько раз подряд стреляет в окно. Вокруг пробитых пулями дырок образуются сеточки мелких трещин, они мол-

ниеносно распространяются по всему стеклу, Мара ударяет по нему рукояткой пистолета, стекло рассыпается мелким крошевом.

Мара влезает в кабину и изо всех сил жмет на тормозную педаль. Силы не хватает. Мара отчаянно крутит рулевое колесо, стараясь вывести автобус на дорогу. Наконец автобус останавливается.

Мара протягивает руку, чтобы повернуть кран пневматического управления дверцами, но рука ее застывает. Она заметила Пурвита.

Пурвит бежит по крутому склону, скользит, падает, опять бежит. Мотоциклисты еще не выехали на перевал и не видят Пурвита...

Неужели ему удастся бежать?

Внизу на шоссе показывается «Волга» с эмблемой такси. Шофер услужливо сбавляет ход и останавливается. Пурвит открывает переднюю дверцу.

— Вперед! — Он откидывается на спинку сиденья.

Позади вырастает фигура капитана Братуня, прятавшегося за спинкой переднего сиденья. В затылок наведено дуло пистолета.

Пурвит медленно поднимает руки.

* * *

И вот мы снова на том же месте, откуда начинается рассказ, в кафе. Как и тогда, играет оркестр, опять веселые посетители до предела заполнили маленький зал. Как и тогда, за столиком у декоративной перегородки сидят Мара и Эрберт. Но на этот раз их лица не омрачены заботой. Каждое движение, каждое слово проникнуты счастьем и жизнерадостностью.

— Ты мог бы заказать шампанское, — говорит Мара.

— Что же мы празднуем?

— Мое повышение не состоится. Григастр решил оставить меня в опергруппе.

— Тогда сейчас самый подходящий случай вручить, наконец, мой подарок. — Эрберт кладет перед ней Будду из слоновой кости. — Только, к сожалению, головки так и нет...

— У меня тоже есть для тебя подарок. — Мара улыбается и достает из сумочки отломанную головку.

Перевод с латышского
ЮРИЯ КАППЕ

ВАСИЛИЙ ЧИЧКОВ

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО

ЮРКИНА ГРАНАТА

— Давайте закурим, — предложил Юрка.
— Это можно! — сказал Попов и вытащил из кармана кисет. Негнувшись, огрубевшими пальцами он захватил щепоть махорки и высыпал мне на ладонь, потом Юрке.

Я молча крутил сигарку и смотрел на небо. С тех пор как я попал на фронт, я всегда гляжу на небо и жду ночи. Мне хочется, чтобы ночь была темной, особенно сегодня, когда нужно идти в разведку. Но на войне ночь не бывает темной. Где-то

полыхают пожарища и розовый свет их летит ввысь, где-то вспыхивают зарницы, бросая по небу серебряные блики, а иногда разорвется ракета и осветит округу бледным, мертвящим светом.

Недалеко ударил миномет. Он ударил резко, до боли в ушах. Я бросил сигарку и вмял ее сапогом в грязь.

— Приготовиться! — негромко скомандовал я Попову и Юрке.

— Ни пуха ни пера, — шепчут в темноте чьи-то губы.

Мы перелезли через бруствер и поползли. Локти тонут в холодной осенней жиже. Следом за мной ползет Попов: неуклюже переваливаясь с одного локтя на другой, он подтягивает свое большое сильное тело. Юрка ползет быстро, как ящерица, на мгновение замирая и прислушиваясь.

Пока не кончилась перестрелка, мы должны доползти до передовой гитлеровцев. Их окопы на высоком берегу оврага, там, где разрушенный завод. Наверное, мы никогда не смогли бы подняться по отвесной стене оврага, если бы из заводской котельной в овраг не выходила большая труба. Немцы, может, и не знали про эту трубу. Нас она выручала трижды, и мы тщательно маскировали вход и выход из нее. Правда, всякий раз, когда влезаете в грязное, черное горло, на минуту охватывает жуть: вдруг там узнали про нашу лазейку и выставили в котельной караул!

Первым обычно лезет Попов. Если все в порядке, он бросает маленький камешек в трубу.

— Разрешите, я первым полезу, — просит Юрка. — Я сделаю все, как полагается.

Я минутку колеблюсь. Юрка никогда не лазил в эту трубу. Он первый раз с нами в разведке.

— Ладно.

Юрка закинул за спину автомат и скрылся в трубе. Мы с Поповым стоим и ждем.

Может быть, конечно, я и зря послал Юрку первым. Он совсем еще мальчишка. И хоть прибыл в наш взвод неделю назад, разведчики до сих пор его всерьез не принимают. Даже фамилии его никто не помнит. Все зовут просто Юрка: «Юрка, сбегай за кипятком!», «Юрка, отнеси письмо связному!» При каждом оклике Юрка краснеет, но приказания выполняет исправно.

На днях Юрке пришло письмо. Письмо без конверта — угольничком. Когда связной принес его, Юрки в землянке не было. Кто-то из солдат взял да и прочитал. Письмо было от матери, и в нем советы, как теплее обуться, какой шарф на шею повязывать, какие надевать кальсоны и фуфайку, если холодно будет. Посмеялись тогда солдаты. А Юрка, говорят, узнав обо всем, выбежал из землянки и не появлялся до полуночи.

Сегодня, узнав, что мы собираемся в разведку, он пришел ко мне и, немного потоптавшись у входа в землянку, сказал:

— Возьмите меня с собой!

Румянец залил щеки Юрки. Он молча стоял у входа и ждал. Я посмотрел на него, и мне вдруг стало неловко. Я вспомнил, как полгода назад капитан привел меня в этот же взвод и перед строем представил: «Товарищи, это ваш новый командир, лейтенант Чернецов». Во второй шеренге кто-то негромко хихик-

нул. Наверное, потому, что я был слишком молод — мне было девятнадцать — и слишком чисто, по-тыловому, одет. Новый ремень скрипел, а портупея торчала на плече дыбом. Я слышал шуточки за спиной, пока не сходил с бойцами в разведку.

Еще раз я осмотрел Юрку, который по-прежнему молча стоял у входа. На нем были новый ремень и чистая гимнастерка с хорошо подшитым белым подворотничком. Лицо юное, еще не успевшее огрубеть от фронтовой жизни.

— Ладно! — сказал я. — Пойдешь со мной вместо Валинова.

Юрка четко козырнул и еще больше покраснел от радости...

В трубе послышалось легкое постукивание летящего камешка. «Молодец парень! Добрался благополучно!»

Теперь я закидываю за спину автомат и влезая в трубу.

Труба поднимается из оврага к котельной наклонно. Внутри нее приходится выставлять локти вперед и подтягивать тело, как собаке с перебитыми задними ногами. Я нащупываю верхний край трубы, подтягиваюсь и слышу шепот Юрки:

— Там, за окном, кто-то фонариком светил. Но я лежал тихо, не двигался.

Я бросаю камешек в трубу и ложусь на полу котельной рядом с Юркой.

Вскоре в трубе послышался легкий шум. Показалась голова Попова.

— Прибыл, — отрапортовал Попов.

В темноте можно передвигаться только на ощупь. Вот перевернутый котел, вот ящик с углем. А здесь лежит доска, по ней нужно сделать шесть шагов. Потом будет выход из котельной. Я наталкиваюсь на груды битого кирпича. Ищу дверь справа, слева... Нет двери. Обвал.

Я вылезая из окна. Нам нужно перебраться на другую сторону улицы. Кругом тихо. Но где-то в ночи по булыжной мостовой цокают кованые сапоги.

— Товарищ лейтенант, их, по-моему, трое, — шепчет Юрка. — Давайте подстережем и кокнем. Пистолеты возьмем себе.

Попов положил свою тяжелую руку на плечо Юрки, и тот смолк.

Сапоги все ближе... Слышна немецкая речь. Гитлеровцы говорят весело, нагло — как хозяева. Сапоги цокают совсем рядом. А вдруг кто-нибудь зажжет спичку или фонарь! Еще плотнее прижимаюсь к стене. Трое проходят мимо. Ставлю ногу на камни мостовой — мне нужно перейти ее. Шаг, еще шаг... Подо мной будто тонкий лед. Нервы натянуты. Наконец вот она, другая сторона улицы. Я прячусь за угол дома и двигаю на голове каску; из-под нее струйками бежит пот.

За мной улицу перейдет солдат Попов. Он высок ростом и кажется неуклюжим, но ходит тихо, по-кошачьи. По-крестьянски он молчалив, но любит послушать других. Обычно сядет на пустой ящик или камень, положит на колени автомат, подопрет голову большими огрубевшими руками и вникает интересному слову, как дитя: на изъеденном оспой лице то соберутся морщинки из добродушной улыбки, то застынут в раздумье.

Сегодня утром, когда меня вызвали в штаб, я захватил с собой Попова и Юрку. Поездка на машине даже на пять, десять километров в тыл — для нас праздник. Здесь люди ходят

по дорогам, не пригибаясь, на перекрестках молодые регулировщицы весело машут красными флажками, танки и грузовики мчатся по шоссе.

В штабе меня провели к полковнику. Полковник сухо поздоровался и без предисловий сказал:

— Противник хочет выбить нас с окраины города. Надо срочно выяснить места сосредоточения его главных сил и узнать, какое подкрепление прибудет к нему сегодня ночью. Передовую вы пересечете здесь.

Полковник ткнул пальцем в карту, и я узнал это место в овраге.

— Задача ясна?

— Ясна!

Полковник встал, подал мне жесткую, сильную руку и посмотрел на меня серыми, широко расставленными на безбровом лице глазами. Взгляд его врезается испытующе и строго.

— Смотри, лейтенант, не подведи. От тебя зависит жизнь сотен солдат.

— Ясно, товарищ полковник! Разрешите идти?

— Идите!

На улице, около выхода из штаба, оживление. Шофер генеральской легковушки поспорил с Поповым: пробьет он кулаком дыру в крыле у машины или нет!

— Пробью! — уверенно говорит Попов.

Юрка, стоящий рядом, восхищенно смотрит на Попова.

— С одного раза? — выпытывает шофер.

— Могу с одного.

— Так голым кулаком и вдарить? — спрашивает кто-то.

— Что я, дурной голым кулаком по железу бить? Оберну кулак в пилотку и вдарю.

— Ни черта не прошибет! — выкрикивают из толпы. — Вмятину сделает, а железо не разорвет.

— На что спорим? — спрашивает Попов. Он готов теоретический спор перевести на практические рельсы.

— Порцию ставлю, — уверенно говорит шофер. — А если не прошибешь, тогда что?

— Как это не прошибу?

Попов стянул с головы пилотку, не спеша вложил в нее кулак и, высоко подняв его над головой, ударил как молотом по легкому крылу. Машина покачнулася. На крыле зияла большая рваная дыра.

— Ура! — радостно крикнул Юрка.

— Что орешь, дурак! — возмутился шофер.

— Пробыл! — послышались удивленные голоса солдат.

Попов оглядел кулак и аккуратно надел пилотку.

— Что я теперь скажу генералу? — озадаченно крутит головой шофер.

...Утреннее веселье кажется далеким и неправдоподобным. Будто то была какая-то другая жизнь, на другой земле, где можно громко разговаривать, смеяться, ходить не озираясь. Здесь мы обязаны шептаться и ползать по мостовой, по тротуарам, по грудам битого кирпича. Иногда мы делаем перебежки от угла до угла, от дерева к дереву. И каждый неожиданный звук бьет по нервам, как гром.

Вперед ботанический сад. Высокие липы сбросили с себя листву и мирно уснули в осенней ночи. Им-то какое дело до войны! Листья рассыпались по газонам, по аллеям. Когда ветер подхватывает их и тащит по земле, листья будто оживают. Жаль только, что они трещат под ногами.

А как хочется присесть на скамейку. Смахнуть с нее листву и привалиться к спинке. Ровно год назад вот так же осенью, в листопад, я сидел на скамейке в Краснопресненском парке в Москве. Правда, где-то вдалеке били зенитки, но это было только далекое эхо. Я сидел и разговаривал с девушкой. И нам было радостно, что вокруг так много сухих листьев. Мы топтали по ним ногами, они трещали, и мы смеялись. Смеялись громко, во весь голос...

Потом мы расстались. Я поехал в Барнаул. Там меня учили стрелять и скакать на лошади, целиться из пушек и бросать гранаты в танки. И каждый день торопили: быстрее, быстрее, фронту нужны командиры...

— Товарищ лейтенант, — дернул за рукав Попов. — Держите правее, там улица поуже.

Я поворачиваю направо и отбрасываю прочь воспоминания. Улица — самое страшное место для разведчика. Никто из нас не знает, как называется та или другая улица в этом городе. Да для нас это и неважно. Нам главное не название, а ширина улицы, так мы и делим их — узкие, средние и широкие. Эта средняя. Мы затаились около разрушенной стены.

Первым пошел Попов. Он скрылся в темноте, неслышно передвигаясь по мостовой. Я считаю про себя, чтобы хоть примерно знать, когда он перейдет улицу. Вдруг две узкие полоски света резанули темноту. Солдат распластался на мостовой.

Из переулка выехала машина и остановилась шагах в трехстах от нас. Несколько человек выскочили из нее и стали стучать прикладами в дверь дома, выкрикивая какие-то слова. Послышался плач женщины и ребенка.

— Издеваются над женщиной. — Юрка потряс автоматом. — Показать бы им...

Из дома вывели женщину и посадили ее в машину.

Машина развернулась, мазнув светом по стенам, и скрылась. Снова тьма.

Прежде чем войти в разрушенный пятиэтажный дом, мы стоим некоторое время и прислушиваемся. Тишина, будто город мертв. Наверное, в занятием врагом городе всегда тихо. Люди, живущие здесь, не имеют права повышать голос, а оккупанты на чужой земле чувствуют себя беспокойно и поэтому тоже предпочитают не шуметь.

Дом смотрел на нас из темноты, зловеще чернея пустыми глазами окон. Я полез на четвереньках вверх. Одна ступенька, другая... Путь до пятого этажа кажется долгим, как до луны. На лестничных площадках, там, где раньше были стены квартир, зияют пропасти.

С высоты пятого этажа видно все, что нам нужно видеть. Сквозь тьму проглядывается асфальт развилки западного шоссе, по которому сегодня ночью должны подбрасываться подкрепления в город. Один путь идет влево, к стадиону, другой — к городскому парку. В парке, под защитой деревьев, прикрытых сверху

большими маскировочными сетками, немцы уже расположили свои части. Нам видно, как среди деревьев медленно движутся грузовики, освещая дорогу узкими полосками света. Иногда свет вырывает из темноты замершие в строю танки и пушки, около них — солдаты.

— Может, закурим, товарищ лейтенант, пока на шоссе пусто, — молит Попов.

— Одну на всех можно.

Попов вынимает кисет и старательно крутит большую сигарку, потом достает кремень и огниво.

Каждый глубоко затягивается, тело блаженно обмякает. Становится тепло и уютно.

— Послушай, Алеша, сколько тебе лет? — спрашивает Юрка Попова.

— Тридцать четыре.

— Старый ты.

— Это как старый?

— А так. Ты прожил в два раза больше, чем я.

— Сколько тебе лет?

— По паспорту девятнадцать, а по-настоящему семнадцать. Я два года приписал. Подтер у пятерки верхнюю палочку и сделал цифру три.

— Это зачем же?

— Боялся, что война кончится... Не успею.

— Дурак! Ежели бы на какой праздник торопился, понятно! А то война — что в ней хорошего.

— Все воюют, а я что, рыжий?

— Чудно! — говорит Попов. — Вот я хотел учиться, а меня работать заставляли. А тут все наоборот. Учись! А он побежал воевать...

— Значит, желание у него, — вмешиваюсь я в разговор. — Ну, а что ты, Юра, после войны думаешь делать?

— В военное училище пойду.

Некоторое время мы молчали, глядя на дорогу.

— Скажи, Алеша, — вдруг снова нарушил тишину Юрка, — ты был женат?

— А как же! Два раза! Одна жена померла — царство ей небесное, другую взял перед самой войной. Баба хорошая. Родила недавно. Только мальчонку мне не пришлось увидеть, на войну ушел.

— А я даже не влюблялся, — вздохнул Юрка. — Днем в школу ходил, вечером уроки делал. Некогда было.

— Не печалься, — утешил Попов. — Еще налюбишься.

На шоссе показались огоньки фар. Ровное гудение моторов становилось все слышнее и слышнее. На войне не часто увидишь врага вот так, на грузовиках, с губными гармошками в руках. Немцы сидели в кузовах плотными рядами, открыто курили. Потом потянулись одна за другой пушки, за ними танки.

Мы считали танки, пушки, грузовики с пехотой. Было ясно, что фашисты укрепляют левый фланг, чтобы нанести здесь главный удар. Прежде чем они начнут наступление, мы должны сообщить нашим, чтобы ударили из «катюш».

Когда стрелка часов показала половину четвертого, мы стали

спускаться вниз по лестнице, осторожно нащупывая ногой ступеньки. Чем ниже, тем отчетливее мы слышали голоса фашистов.

— Может, обождем? — предлагает Попов. — Видать, они на улице.

— Нельзя ждать. Затемно к своим не успеем. Попробуем прокочить через двор.

— Можно я пойду первым? — просится Юрка.

— Иди!

Лестница кончилась. Юрка тихонько проскользнул во двор и на четвереньках полез по грудам битого кирпича.

— Вер ист хир? * — вдруг послышалось из темноты.

Я нащупал указательным пальцем курок автомата.

— Свои! — громко сказал Юрка по-немецки и, поднявшись во весь рост, пошел вперед. Он шел через двор твердым солдатским шагом и под его сапогами сыпался битый кирпич. Первая минута тянулась долго, как час. Вторая показалась короче. Я ждал выстрела, крика... Неожиданно звякнула пряжка ремня. Немец натянул штаны, одернул френч и пошел на улицу к своим. Мы перебежали через двор.

— Откуда по-немецки знаешь? — спросил Попов.

— В школе учили, — радость слышалась в шепоте Юрки.

— Здорово ты его обвел!

Мы шли все быстрее. Нас подгоняло время. Только бы добраться к своим до рассвета. Опять те же улицы — широкие и узкие, опять те же дворы — заваленные битым кирпичом, поломанными шкафами, проволокой и еще тысячами разных предметов, которые трудно даже определить.

И вдруг над моей головой раздался хлопок. Хлопок разорвавшейся осветительной ракеты. Яркий свет ударил в глаза. Я отпрянул в сторону, к дереву. Но было поздно. В десяти шагах от меня стоял немецкий офицер. На лице его, испуганном и бледном, я видел только глаза — большие, круглые, выпученные от страха.

— Немец! — Юрка выкрикнул это слово без страха, мне показалось, даже с восторгом.

— За мной! — Я схватил Юрку за руку и побежал к выходу из сада, прежде чем офицер опомнился. Пуля свистнула около плеча. Послышался второй выстрел. Сухо затрещали кусты под тяжестью Юркиного тела.

Воздух прорезала упругая очередь автомата Попова. И ругань в адрес убитого фашиста.

— Вставай, — подхватываю я Юрку под руки. Юрка ощупывает ногу. Пуля попала выше колена.

— Товарищ лейтенант! Здесь рота расположилась, — шепчет Попов. — В самое пекло угодили.

Я побежал, увлекая за собой Юрку. Куда я бежал? Я не знал. Но мне хотелось быть подальше от тревожных голосов, которые слышались там, где остался убитый офицер.

Ракета погасла, и снова стало темно, как в могиле. Нельзя было различить даже стволы деревьев. Одну руку я выставил перед собой, а другой по-прежнему продолжал тащить Юрку. Вскоре глаза пообвыкли, темнота стала не такой плотной и чер-

* Кто здесь?

ной. И я увидел перед собой металлическую высокую ограду, которая окружала со всех сторон ботанический сад. Длинные пики были воткнуты в невысокий цементный фундамент и переплетены между собой железными прутьями. Я потрогал эти пики. Они были толстые и крепкие, даже Попов не смог бы сломать их.

Там, откуда мы бежали, вдруг раздался собачий лай. Одна собака лаяла хрипло и протяжно, другая — звонко, с задором. И до слуха донесся голос: «Форвертс! Форвертс!»

Я метнулся вдоль решетки вправо — она уходила все дальше и дальше. Побежал влево — там тоже не было видно конца.

Когда я вернулся, Попов уже стоял на цементном фундаменте ограды, подняв высоко на плечах Юрку. Юрка ухватился руками за острые пики ограды и, подтянувшись, осторожно перелезал на другую сторону. Когда мы с Поповым перелезли через ограду, Юрка сидел на асфальте, двумя руками держась за раненую ногу.

— Ну как ты? — спросил я.

— Ничего! Только кровь в сапоге хлюпает.

— Может, перевяжем?

Юрка отрицательно покачал головой.

— Слышите?

Собачий лай приближался.

Мы перебежали улицу, потом двор и снова улицу. Теперь город был еще более чужим и незнакомым — мы сбились с проторенного пути. Юрка бежал рядом со мной, прихрамывая и иногда опираясь на мою руку. Но что это? Собаки смолкли. Не стало слышно и голосов людей.

— Это они к ограде подошли, — шепчет Попов. — Собак через ограду не перетащишь. Ищут выход!

Юрка не отставал от меня. Он карабкался по грудам битого кирпича, перебежал улицы, падал наземь и снова поднимался на ноги, но дышал всё тяжелее и тяжелее...

Снова залаяли собаки: одна — звонко, с задором, другая — хрипло и протяжно. Я вспомнил, как однажды два наших разведчика — самые храбрые ребята в разведзвезде — наскочили на гитлеровцев. Те гнались за ними с собаками и, наконец, спустили собак с цепи. В темноте трудно стрелять в собак. Они неожиданно вылетают из темноты, вцепляются мертвой хваткой, рвут одежду, тело... Пока разведчики справлялись с собаками, подоспели вражеские солдаты. Нашим пришлось туго. Они отбились, но как они доползли до наших окопов — до сих пор непонятно.

В небе хлопнула осветительная ракета, за ней другая. Они повисли над головой, одна чуть выше другой. Юрка все сильнее опирается на мою руку. Бросок через улицу, секундная остановка, и опять вперед, в проем разрушенной стены. Юрка упал. Мы с Поповым подхватили его и потащили в глубь двора.

— Не могу больше, — прохрипел Юрка.

Мы тащили его волоком. Иногда он набирался сил и делал два, три шага и потом снова обвисал на наших руках. При свете ракет погоня двигалась быстрее. Лай усиливался. Фашисты орали, и этот крик бил в уши, подгонял, как хлыст.

— Товарищ лейтенант, разрешите, я его на горб возьму?

Юрка влез на спину Попова, обхватил его шею. Фигура Попова с Юркой на спине теперь возвышалась среди развалин, и ее было видно при свете ракет издали. Шел Попов медленно, осторожно переступая среди битого кирпича.

«Может, удастся выбраться», — повторял я про себя. Осталось пятьсот-четырееста метров до передовой. Наша пехота уже почувствовала, что наше дело неладно, и открыла огонь. Она хочет отвлечь внимание от нас.

Выскочили на улицу.

— Хальт! — взвизгнул чей-то голос, и автоматная очередь выбила около ног дробь по асфальту. Я нажал на спуск. Я видел, как солдат, не отпуская автомата от живота, подался вперед, будто хотел поклониться, и упал. Другой залег на тротуаре.

Теперь мы были окружены. Сзади преследователи с собаками, впереди — автоматчик. Попов и Юрка залегли на мостовой и открыли огонь по автоматчику.

Погасла первая ракета, за ней вспыхнула вторая. Я полз на другую сторону мостовой. Собачий лай, словно быстрая волна, катился на нас. Совсем рядом я услышал тяжелое движение и голос Попова.

— Юрка не хочет идти дальше. Я, говорит, задержу тех, с собаками, а вы бегите.

— Назад! — я схватил Попова за грудь.

— Нельзя назад, товарищ лейтенант, — голос Попова звучал спокойно и увесисто. — Его не спасем и сами погибнем.

Я остановился. До рассвета мы обязаны пробраться к своим. Там, за линией фронта, в штабе ждут карту и блокнот, которые лежат у меня в кармане.

Если на рассвете «катюши» не ударят по врагу, враг прорвет фронт. Из темноты на меня глянули серые, широко расставленные глаза полковника: «Смотри, лейтенант, не подведи!»

Мы побежали вперед, к своим. Только бы успеть!

Там, где остался Юрка, перестрелка продолжалась. Собачий лай все нарастал и нарастал. Собак спустили с цепи. Лай стал визгливым; казалось, собаки захлебываются от злости. Потом слышались оживленные голоса солдат. Они приближались к Юрке с разных сторон, думая, что окружают всю группу. Мы услышали, как прогремел взрыв.

Уходя в разведку, мы всегда брали с собой гранату «на всякий случай».

ПЯТЬ НОЧЕЙ

Рисунки А. ГУСЕВА

Из барака меня взял кривой Эрих. Пленные сидели на нарах, когда он вошел в штубу, остановился у входа и смотрел, ничего не говоря. Стало тихо-тихо. Потом он вытянул руку и его указательный палец медленно-медленно пошел слева направо по лицам пленных. На мне он застыл.

Эрих сказал:

— Ду! *

Ясно помню, я не спешил. Он ждал меня у входа и, пропустив, пошел сзади, насвистывая «Марианна, хаст ду блон-

* Ду — ты (нем.).

де харе» и подталкивая меня в спину своей проклятой тросточкой. Тонкая, не толще шомпола, никелированная тросточка оставляла кровавые отметины на головах пленных.

Нетрудно было догадаться, куда вел меня косой. Я видел лица пленных: Василий отвернулся, Андрей проводил меня спокойным уверенным взглядом. Мне показалось даже, что Андрей помахал мне рукой.

Асфальтовый дворик окружен высоким каменным забором. Я посматрел на небо. По нему плыли легкие облака, настоящие, летние. Может быть, они плыли из Москвы?

В аккуратном домике чистый, будто в больнице, коридор. В конце — дверь. Вот туда-то и втокнул меня Эрих.

За столом чистовыбритый сидел Беккер, как всегда в перчатках. Его тонкие, бескровные губы на бабьем худом лице были плотно сжаты.

Косой, щелкнув каблуками, вышел.

Беккер молчал. Я не смотрел на него, и, по-моему, он не взглянул на меня. В комнате стол, два стула и лампочка над дверью — вот и все. Дверь двойная, обита клеенкой.

Крепко сжав зубы, стараясь унять противную дрожь, я смотрел в угол, вправо от Беккера.

Вдруг Беккер встал, прошелся по комнате и остановился, вплотную подойдя ко мне, касаясь меня твердой кобурой пистолета на ярко-желтом блестящем ремне.

— Я имею три вопроса... Эрст: Дилинбургский завод три дня не работал для фронта. Кто сломал машину на электростанции? Цвайте: кто и чем сделал ключ от двери электростанции? Дритте: расскажешь все, получишь у шеф-кох Ивальд большой котелок картошка и кусок колбаса. У меня есть сведения, ты все знаешь.

Он сел за стол; я молчал, глядя в угол.

Сегодня он намного злее обычного.

— Я не гестапо и не эсэс, — продолжал Беккер, — я офицер, но тебе будет плохо. Бить палкой по голове, как дурак Эрих, — нет! Я из хорошей семьи и жил в Руслянд. Говори — я жду. Садись.

Какие-то ненужные мысли путались в голове. «Наверное, уже раздают баланду?» Перед глазами унылое лицо Василия. Наверное, боится, что я не выдержу...

Я взглянул на Беккера.

— Хочешь курить?

Он вытащил из нагрудного кармана сигарету и дал мне, я затанулся. Трава травой, но голова пошла кругом.

— Ну?!

Я молчал.

— Ты не выйдешь из этой комнаты, пока не скажешь или не напишешь все, что знаешь. Вот тебе бумага и карандаш. Я приду через час. — И он хлопнул дверью.

Вошел Эрих, сел за стол и, не обращая на меня никакого внимания, засвистел, постукивая в такт руками по столу. Потом он долго и аккуратно снимал пылинки с мундира. Черная повязка на лице наискось — память русской зимы 1941/42 года.

Эрих взглянул на часы и принялся за бутерброд. Колбаса была красная, как запекающаяся кровь. Дома я никогда не видел такой колбасы. Из чего они ее делают? Он ел нудно, долго, потом закурил сигару из вонючей травы. Мне опять захотелось курить. Есть уже давно не хотелось, с начала плена. Была только боль в желудке и слабость.

Пришел Беккер. Эрих вышел.

— О! — Он посмотрел на чистый лист бумаги. — У меня время есть, и ты напишешь или расскажешь обо всем.

Беккер был уверен, что я всех выдам.

Он стоял около меня, покачиваясь на носках, снова вышел, и снова появился Эрих. И опять сидел и свистел, не обращая на меня внимания, а лист бумаги по-прежнему лежал на столе, то приближаясь, то отдаляясь, туманным белым пятном.

Беккер шутить не любит.

Костю по его приказанию расстреляли на глазах у всего лагеря за попытку к побегу, а Морозова отправили в страшные каменоломни за то, что он где-то раздобыл полкотелка гнилой картошки. А сколько пленных Беккер отправил в эсэсовские лагеря, откуда не возвращаются. И все это он делал спокойно.

А его собака Лорд, с которой Беккер не расстается... Высокий черный датский дог. Особенно страшной была его огромная, с выступающим лбом голова: мрачная и злобная. Остальные лагерные псы при виде Лорда скулили и поджимали хвосты. От его гладкой кожи не пахло псиной, это был чистоплюй. Беккер каждое утро сам чистит его пылесосом, и все знали, что пес никогда не пройдет по луже — обходит стороной.

Лорд ненавидел пленных — результат специальной дрессировки. Одно движение беккеровского пальца — и страшные клыки в тощем теле пленного, и не дай бог свалиться: сразу у лица — его пасть. Все хорошо знали: пошевелишься — и зубы в горле. Так навсегда остался калеккой, со свернутой шеей, ленинградец Венька Щеголев.

Томительно тянулось время. Я сидел на стуле, когда снова вошел Беккер и посмотрел на чистый лист.

— Эрих Раус!

Одноглазый пулей выскочил.

— Лорд райн!

Я вздрогнул и вскочил со стула. В комнату с рычаньем ворвался Лорд. Он сразу заполнил всю комнату.

Я прижался к стене.

— Побудешь с ним.

Щелкнул замок.

Пес стоял весь напряженный, готовый к прыжку. В его глазах, под нависшим лбом, вспыхивали зеленые огоньки. Я плотно припечатался к стене, руки были крепко прижаты к телу. Первые секунды все было как в тумане — дико и страшно.

Прошло какое-то время. Пес смотрел на меня пристально, глухо рыча.

Я шевельнул рукой, он рванулся. Я замер.

Заныла поясница, словно прокалывали острыми иголками, руки стали тяжелыми. Я видел неширокую сильную грудь, мощные ноги с проступающими под гладкой кожей жилами, большую голову, острые, как у рыси, уши, отвисающие щеки и огромную полуоткрытую пасть, заполненную синеватым языком.

«Надо смотреть ему в глаза», — говорил я себе. Было трудно это сделать и страшно, но ничего не оставалось. Я заставил себя посмотреть — наши взгляды скрестились. Теперь я смотрел до боли, стараясь не мигать. Он тоже не отводил свои налитые злобой глаза.

Поясницу и пятки будто прошивали раскаленными гвоздями. Я смотрел безнадежно. Как изменить положение тела, немного ослабить напряжение, ведь пес мог броситься при малейшем движении.

Я решил смотреть до смерти. Стало жарко. Кто-то говорил, что собака боится взгляда человека, или, может быть, я читал где-то об этом, не знаю.

Вдруг стало холодно, нестерпимо заболело правое колено. Пес зарычал, обнажая клыки, но я не отвел глаз.

«Мигни... мигни...» — беззвучно повторял я про себя все время.

Может быть, у меня не хватает воли? Или немецкому псу не передашь мысли по-русски? Но я все же продолжал говорить про себя непрерывно и даже начал шевелить губами.

Вдруг он мигнул. Это продолжалось мгновение, но и у него была протяженность.

В этот миг я инстинктивно сполз по стене вниз, наверно на вершок. Получилось это произвольно, как от удара током.

Пес открыл глаза, но я уже замер.

Опустить бы на пол, тогда можно дать телу покой. Я понял, пес не бросится, пока я неподвижен, я могу находиться в любом положении: в скорченном, сидячем, но только без движения. Я ждал. И вот он снова мигнул.

Еще отрезочек вниз. Стало тяжелее, поза неудобна — на весу. Ломило колени. Силы были на исходе.

Секунды, десятые и сотые доли их казались стальными прутьями, воткнутыми в тело. Лампочка над дверью превратилась в ослепительное солнце, придвинутое к самому лицу.

Так же, как два с половиной года назад, когда в жаркий летний день, при ослепительно ярком солнце наш взвод, растянувшись цепочкой, осторожно вошел в редкий, бугристый лесок и мы сразу наткнулись на немцев. Из окопчика на бугорке торчали их черные каски: нас не ждали. Пулеметчик зашел сбоку и ударил по окопчику вдоль, мы молча бросились на фашистов. Некоторые из них пытались выпрыгнуть из ямы, но пули настигали их. И тут вдруг сразу, со всех сторон по нас ударили пулеметы. Били они густо и беспощадно, не было живого места ни на земле, ни в воздухе. Люди с ругательствами расползались, ища ук-

рытия, но редкие деревца и трава не защищали. Лесок оказался островком, окруженным пулеметами, прошивавшими его вдоль и поперек.

Мы до боли вдавливались в землю. Среди пулеметного шума, посвиста пуль и треска срезанных веток раздавались тихие стоны и проклятия. Я пополз в середину прогалины, там был куст и низина. Двое, тяжело дыша, ползли за мной. Один был ранен в ногу и с трудом волочил ее. Огонь утих, мы, трое, прижались друг к другу. Было невыносимо жарко, душно, хотелось пить. Между деревьев замелькали грязно-зеленые мундиры. Мы еще теснее сжались и стали стрелять, что-то крича. Мундиры все ближе и ближе: они кругом, везде. Двигались, сходясь к нам и выбрасывая поток пуль перед собой. Вот из-за кривой сосенки показался край каски, и я увидел дуло автомата. Я поднимаю ТТ, рывком нажимаю спусковой крючок. Осечка. Патрон уткнулся в патронник. Волнение вдруг пропало. Сломал веточку, стал поправлять патрон, как будто впереди много-много времени — длинная секунда. Я и он выстрелили одновременно, по правому плечу больно ударило, все завертелось в оранжевом тумане. Тысячи горячих раскаленных солнц придвинулись к лицу. Рот наполнился чем-то соленым. Надо мной склонились черные каски.

— Рус! Жив?

И голос издалека:

— Он только ранен.

Меня поворачивают, бинт плотно ложится на рану. Меня несут на шинели...

...Должен же он еще мигнуть. Я ждал. И пес мигнул и даже отвернулся. Я спустился на большой отрезок. Теперь я сидел на корточках, но пес не мигал больше. Сколько времени прошло? Согнувшись в три погибели, я со злостью смотрел в волчьи глаза. Капли пота щекотали брови и кончик носа. В щиколотках — невыносимая боль, сил уже совсем не было.

Пес зевнул.

Как во сне я почувствовал пол. Мышцы обмякли и ослабились. Сладкая волна покоя разлилась по телу.

Может быть, я спал, скорее дремал. На высокой белой горе стоял Андрей и махал вареной телячьей ногой. Я пополз к нему. Он стал спускаться бегом навстречу, протянув мне мясо, и вдруг вместо мяса — клыкастая пасть Лорда. Я очнулся. Сколько прошло времени?

Пес глухо зарычал. Наверное, скоро утро и придет Беккер. Надо подняться и быть в первоначальном положении, чтоб он ничего не понял.

Я снова упорно следил за псом, вот он дернулся и зевнул — вершок вверх.

Опять напряженная, неудобная поза. Попробовал шевельнуться, но он зарычал, хотя и не так злобно; еще вершок — и снова я надолго застыл в скорченном положении.

И вот, наконец, я снова, как вначале, припечатался к стене, руки плотно прижаты к телу. Щелкнул замок. Вошел Беккер, собака легла у его ног.

— Ну как, будешь говорить?

Я молчал.

— Хорошо, майн либер, посмотрим дальше...

Беккер с псом ушли.

Я сел на стул. Тело болело, особенно поясница и пятки, руки дрожали. Я задремал. Вошедший Эрих ткнул меня железной палкой.

— Ауфштеен! — вдруг дико закричал он и засмеялся. Он всегда смеялся, как идиот.

Я встал.

Он отвернулся и засвистел «Марианка, хаст ду блонде харе».

Я стоял у стола. Потом он вытащил сигарету и закурил.

— Покурить, — сказал я.

— Кипу. — Так немцы называли окурочек.

Он тянул ее долго, отдал мне маленький огрызочек — почти ничего.

Я потянулся к листу бумаги на столе.

— Ээ — хальт!

Он вытащил из кармана газетный листок, протянул мне и смотрел, открыв рот, как я завертел окурочек.

Затянулся крепко, всеми легкими, все поплыло.

Я присел на стул.

Эрих ничего не сказал.

Вошел кривоногий Ивальд с баландой и тонким листочком хлеба. После еды меня сильнее потянуло ко сну, я с трудом боролся с дремотой. Прошло много-много времени. Эрих два раза ел бутерброды ипил кофе. Два раза Беккер заменял Эриха. Беккер сидел молча по полчаса, может быть больше, и уходил.

Вечером он выгнал Эриха и снова привел собаку.

Это была вторая ночь — я и пес.

Теперь я знал, что делать. Внимательно следил за ним.

Через час он устал и начал мигать, а я рывками пополз вниз по стене. Глаза собаки как-то странно изменились. Я еще не понимал, что в них изменилось, но они были не те. Я гораздо быстрее сползал вниз.

Да, глаза собаки были не те.

Часа через два я опустился на пол и дремал по-настоящему.

Он тоже лег. Иногда он глухо рычал. Почему?

Я начал подъем часа через три вверх по стене рывками.

Он все время мигал, зевал и отворачивался. Я почувствовал: между нами протянулась незримая ниточка соощества.

Утром, когда вошел Беккер, все было как вначале. Я стоял у стены не шевелясь, собака сидела напротив.

Мне показалось, что Беккер посмотрел на меня удивленно. Голодный, истощенный человек не спит две ночи.

У Эриха за целый день я стрельнул два окурочка.

Когда мы остались с псом на третью ночь, я просто сел на пол и заснул, и страшный пес, которого ненавидели все пленные, зевнул и лег рядом.

Мне снилась Москва. Я ехал в трамвае, кто-то в кожаном пальто сел рядом, толкнув меня. Проснулся я рядом с псом. Он положил мне огромную голову на грудь и спал. Потом мы поднялись. Я стал к стене.

Утром Беккер долго и пристально разглядывал меня. Я тоже посмотрел ему прямо в глаза.

На четвертую ночь мы с псом только и ждали, когда щелкнет замок. Улеглись и дрыхли вповалку. Я положил голову на его мягкий, теплый бок, это было здорово. Я выпался, как никогда!

Беккер не вошел, а ворвался, бледный и даже без перчаток, а я стоял, плотно прижавшись к стене.

От растерянности он долго молчал.

— Ты будешь говорить?

Я сразу почувствовал неуверенность в его голосе, он как будто думал о чем-то постороннем и спрашивал механически. Я три часа простоял, но суп и хлеб мне принесли.

Потом Беккер сказал, что отправит меня в эсэсовские лагерь. Он ходил по комнате взад и вперед.

— Ты совсем не спал? — вдруг спросил он.

— Нет, ни секунды.

— Ты не думай, что все кончено, я не дам тебе спать, пока не назовешь всех.

Он подошел ко мне и в упор смотрел на меня, ничего не говоря. Он долго смотрел.

Я ждал вечера с нетерпением. Беккер надоел мне до тошноты. Но я его уже не боялся. Вечером собаку привел Эрих. Мы с Лордом аккуратно улеглись и заснули.

Я скорее почувствовал, чем услышал, как открылась дверь. Мы не успели вскочить. Это был Беккер.

Остальное произошло, как во сне.

Он не кричал, не ругался, он выгнал пса и долго сидел за столом молча. Потом сказал хрипло, вполголоса, не глядя на меня.

— Ты испортил собаку. Самая лучшая из всех, которых я знал. Иди...

Он просто выгнал меня в лагерь. Я пришел в барак, когда был уже подъем, пленные молча окружили меня. Андрей принес табак.

На другой день нас, шестерых пленных, погнали на станцию засыпать огромную воронку от авиационной бомбы. Шел теплый и густой летний дождь. Мы тяжело месили вязкую грязь деревянными колодками. Конвоиры, нахлобучив кашпоны, уныло брели сзади. У невысокой насыпи Михаил Костюмин и Яковлев лопатами кидали в свежавырытую яму комья осклизлой почвы. Под фанерным навесом сидел конвоир с винтовкой.

— Эй, чего копаете?

— Лорда беккеровского хороним. Здоровый черт, еле дотащили.

— Подох?

— Пауль-живодер грохнул его сегодня утром у вахты.

— Да ну? А Беккер?

— Беккер и приказал.

КРАСНЫЙ КРЕСТ

Уже три дня железнодорожный состав мозолил глаза пленным — русским и итальянцам. Мы тогда вместе заваливали мерзлой землей огромные воронки от авиационных бомб на полотне железной дороги.

Эшелон был в километре от нас, а так как мы стояли на возвышенности, то ясно видели белое полотно с красным крестом, разложенное гитлеровцами на крыше одного

из вагонов. На самом деле в эшелоне были снаряды и бомбы, а не раненые, вот в чем соль! Это и злило. Наши бомбардировщики, вероятно заметив красный крест, пролетали мимо «санитарного» поезда и бомбили где-то дальше.

Я работал, как всегда, рядом с Андреем. Была холодная бесснежная зима. Ледяной порывистый ветер, как ножом, полосовал наши худые тела, прикрытые рванью.

— А что, если сорвать этот красный крест? — как-то раз предложил Андрей.

— Да-а... — усмехнулся я. — Была бы заваруха! От состава и от складов — один пшик!

Андрея уважали все пленные. Даже охранники его не очень-то лупили, побаивались. Подбежит к нему какой-нибудь, размахнется, но вдруг посмотрит в глаза и сникнет. Винтовка сразу опускается. Я все время был с Андреем, еще с Каунасского лагеря. Там он сам подошел ко мне. Я после тифа и ранения истощал вконец, он дал мне хлеба. А что такое хлеб — это, по-моему, только пленные знают. Сам Андрей был ранен в ногу, и еды ему требовалось больше, чем мне. Мне-то тогда было только шестнадцать. Самый молодой в лагере.

С тех пор мы все время вместе. И в подпольную группу меня приняли, потому что он настоял.

Вдруг появился Гуго. Он подошел, покачиваясь на кривых ногах. Стал на краю воронки и оглядел всех.

— Михель, ауф!

Я бросил лопату и пошел.

Марчелло он просто ткнул кулаком, а Джулиано подзвал свистом.

— Ты идешь к эшелону, — сказал Андрей, когда я проходил мимо него.

Что он этим хотел сказать? То ли жалел, что сам не идет к составу, то ли что-то другое. Но ведь с нами Гуго, да еще и неизвестно, как Джулиано и Марчелло.

Гуго подвел нас к однопорельсовой вагонетке, мы нагрузили ее кирками и гаечными ключами, и я повез одноколенную дрезину туда, куда приказал Гуго. Марчелло и Джулиано плелись сзади.

Гуго шел впереди молча и быстро, наклонив маленькую голову в засаленной кепке. Был он первейшая и явная сволочь. Немцы сами его не любили, а рабочие и охранники боялись. Скупой, всегда в поношенной куртке, тяжелых ботинках и засаленной кепке, работал он на железной дороге старшим рабочим, но был богат и жил в собственном поместье в горах.

Утром он молнией скатывался по шоссе на стареньком велосипеде с трехкилометровой высоты. А вечером после работы тащился вверх, ведя в руках машину. Но зато он не платил за проезд на поезде. Он занимал какой-то пост в нацистской партии, носил значок и изредка бубнил что-то о политике. Но вообще говорил мало и с трудом.

Только ему одному из всей роты немецких рабочих доверяли пленных.

Мы остановились. Я скинул вагонетку с рельсов.

Гуго сразу принялся за работу. Он начал завинчивать гайки на стыках.

— Эй, мы покурим, — сказал ему Джулиано.

— Ауф, лосс! — захрипел Гуго. — Ленивые свиньи, предатели!

Это относилось к Джулиано, Марчелло и в их лице ко всем итальянцам, которые 8 сентября 1943 года не захотели воевать на стороне Германии.

Джулиано вытащил целую горсть окурков и начал делать сигарету. Марчелло стоял посиневший и дрожал. Ему всегда было холодно. Высокий, носатый, он запахивался в дырявую шинель и опускал у пилотки «уши».

Я взял у Джулиано пару окурков и стал свертывать папиросу. Гуго с огромным усердием и наугой завинчивал гайки.

Были видны застывшие фигурки пленных на возвышенности, там Андрей, Морозов, все наши. Опять вспомнились слова Андрея: «Ты идешь к эшелону».

Я посмотрел кругом. Состав стоит напротив замаскированных складов. Мы возились на одном стыке. Гуго ушел на пролет дальше. За нас он не боялся, вся зона охранялась.

И тут мы услышали гул самолетов. Захлопали зенитки. Высоко строем летели бомбардировщики.

— Дорогу-то они разбомбили, а на составе красный крест, — сказал я.

Джулиано сплюнул.

— Скоро фашистов добьют. Но до того времени мы все подохнем.

Многие умирали в лагере от голода.

— Я вернусь домой, — поднялся Марчелло. Гаечный ключ сделал в воздухе круг. — У меня жена и дочь, я один работник. Мне надо выжить.

— Давайте все-таки работать, — сказал я, — а то, пожалуй, еще огреет этот дегенерат железной трубой.

Марчелло попросил затынуться.

— Что, холодно?

— О Сицилия! Солнце!

Эти слова он повторял все время. Произносил он их с таким чувством, что я сразу представлял себе жару и солнце. Иногда он произносил два женских имени — Лючия и Сильвия — жены и пятилетней девочки, которые ждут его дома.

— Ауф! — вдруг спохватился Гуго.

Мы взяли гаечные ключи и начали крутить.

В воздухе послышался гул — нарастающий, тревожный.

— Эй, Гуго, самолеты! — закричал Джулиано.

Но Гуго махнул рукой и продолжал работать.

«А-а, собака, — подумал я, — не боишься потому, что на составе красный крест».

— Неплохая каша получилась бы, — тихо сказал Джулиано и, проведя рукой сверху вниз, засвистел, как падающая бомба.

Вдруг послышался резкий свист и гул.

— Пикирующий!.. — закричал Джулиано.

Мы бросились в кювет и легли, прижавшись друг к другу. Над нами низко пролетел штурмовик.

«Эх, если бы он знал, что в эшелоне снаряды!» — подумал я.

Гуго тоже улегся в яму.

Самолет скрылся, а мы лежали. Вставать не хотелось. Подбежал Гуго.

— Раус, лосс!

В руках у него была железная труба. Мы поднялись и подошли к стыку.

— Шпалы!.. — прохрипел Гуго и показал на груды пропитанных смолой шпал. Они были длинные и тяжелые. Он показал, куда перенести их.

Мы шли рядом с вагонами, кряхтя от натуги, когда я вдруг увидел белую веревку, закрученную за дверной засов.

Мы прошли еще немного, и я понял, что веревкой прикручено полотно с красным крестом.

Мы сбросили шпалу и поплелись назад.

Гуго остановил нас.

— Десять штук за тридцать минут!.. — прохрипел он.

— Пошел к чертовой матери, — сказал я громко по-русски, смотря на Гуго без всякого выражения.

— Не понимай! — ответил он и загнусавил универсальное: — Ауф, лосс!

Мы пошли за следующей шпалой, а он отправился крутить гайки.

На обратном пути я показал Джулиано на веревку.

— Сорвать бы ее ночью, — сказал он, усмехнувшись, — вот был бы фейерверк.

Я посмотрел на Марчелло. Он молча опустил голову.

— А ты как думаешь? — обратился я к нему.

Марчелло не ответил. Итальянцы, конечно, понимали, куда я гну. Проходя рядом с вагоном, я дотронулся до веревки рукой.

Сбросили шпалу, постояли.

— Этот конец трудно отвязать, нас Гуго увидит. Остальные легче.

Я говорил, ни к кому не обращаясь. Но Джулиано и Марчелло слушали напряженно, и я это чувствовал.

— Если мы это сделаем, нас расстреляют, — сказал Джулиано и тихо добавил: — Да мы и не сумеем.

Я посмотрел на него, и мне стало его жаль: тщедушный, маленький, с тонкими ручками и остреньким носиком.

— А как они узнают? — сказал я. — Лишь бы не увидел Гуго или пулеметчик из дзота. Но пулеметчик далеко, а Гуго уткнулся в гайки.

Я говорил для Джулиано и Марчелло, а на самом деле уговаривал сам себя.

Джулиано подошел ко мне близко, почти вплотную.

— Даже если никто не увидит, как мы сдираем этот

крест, то прилетят самолеты, и мы вместе с составом взлетим на небо.

— Ничего. Ляжем в воронку, если прилетят, — говорю я, а сам смотрю на Марчелло. Он поднял на меня большие черные глаза.

— Маленькая Лючия ждет меня, ее некому кормить, я должен вернуться.

Снова послышался свист «разведчиков». Мы плюхнулись в кювет.

— Ты видишь Гуго? — спросил я у Марчелло.

— Он там, — Марчелло показал рукой на противоположную канаву.

Я сразу вскочил. У меня всегда так: заставляю себя с трудом, уговариваю, но в какой-то момент решаюсь и иду напролом.

— Ты смотри за Гуго.

Я хлопнул Марчелло по спине и побежал к вагону.

Руки дрожали, ноги ослабели. Гуго мог нагрязнуть в любую минуту. В сторону дзотов, где сидели немецкие пулеметчики, я не смотрел, не хотел испытывать судьбу. Ведь если они просматривают это место, тогда конец. Испытывать судьбу с закрытыми глазами — это тоже мой недостаток. Андрей часто ругал меня за это. Для члена подпольной группы это плохое качество.

Завязано морским узлом, что ли. Веревка не поддавалась, пальцы скользили по тугому узлу. Самолет сделал разворот и пошел обратно, заваливаясь на левое крыло.

Из-под шпалы я вырвал большой острый камень и стал бить по веревке. Самолет летел над самой головой. Неужели не видит? Как близко кусочек своего родного и как далеко! Опустился бы на поле, взял нас, и через час мы уже на родной, грижды милой земле!

Днем и ночью я мечтал о таком случае-сказке. Все пленные думали только об этом.

Я оглянулся. Марчелло не видно. Джулиано высунул голову из кювета и смотрел на меня во все глаза. Я махнул ему — помощи. Он показал на самолет. Да, от Джулиано все равно толку мало. Вот если бы Марчелло. Я бил камнем изо всех сил, стало трудно дышать, во рту пересохло. Веревка медленно начала расползаться. Еще удар, и конец полотна захлопал по стене вагона.

Самолет улетел, стало тихо.

Марчелло вскочил и крикнул:

— Гуго!

Мы бросились к шпале, быстро подняли ее и скорым шагом понесли. Откуда только силы взялись! Даже Джулиано старался не отставать.

...Мы вышли из-за вагона вовремя. Гуго постоял, пересчитал принесенные шпалы, просипел «лосс» и зашагал крутить гайки. На полдороге остановился.

— Шпалы фертиг — туда! — он показал на стьк.

Мы сбросили шпалу и стояли молча, взволнованные. У Джулиано дрожали руки, и он будто стал еще меньше ростом. Марчелло отвернулся и молчал, опустив голову.

Я положил руку на плечо Джулиано, мне хотелось подбодрить его. И себя, конечно. Так делал Андрей.

Я сказал Джулиано:

— Ты отвязывай боковую веревку, она между вагонами, никто не увидит тебя, а я займусь остальными.

— Мне страшно, — прошептал он, не глядя на меня. — Прямо кишки от страха переворачиваются.

Я повернулся к Марчелло.

— А ты смотри за Гуго. Все равно, если я сорву крест, расстреляют нас всех!

Я подбадривал себя, но на душе было муторно и то-скливо. Марчелло и Джулиано почти не нюхали пороха и думали только о доме. А я прошел плен, и меня приняли в подпольную группу. Но командовать, заставлять других мне не приходилось никогда.

Вдруг Марчелло вынул бритву, протянул мне и улыбнулся кривой, нерадостной улыбкой.

— Давай вместе...

Почувствовав бритву в руке, я сразу обрел решимость.

Я бросился к веревке и полоснул выше узла.

Джулиано вдруг повернулся и быстро пошел по шпалам. Марчелло смотрел в сторону Гуго и не шевелился.

Я догнал Джулиано, ткнул его кулаком в спину. Он резко повернулся, как будто сквозь него пропустили ток. Как сейчас помню его лицо — растерянное, испуганное. Он посмотрел на бритву в моей руке.

— Я боюсь, — тихо сказал он. — Они убьют нас...

Вдруг я увидел между вагонами Марчелло. В его руках был большой камень.

— Смотри за Гуго! — крикнул я Джулиано. Он торопливо полез под вагон и из-за колеса стал смотреть на немца.

Я быстро сделал свое дело и соскочил с подножки. Навстречу мне бежал Марчелло.

Мы схватили шпалу, подняли ее вдвоем и понесли. Ноги подкашивались, шпала казалась горой, взваленной на плечи, давила к земле.

Мы вышли вовремя. Гуго поднялся и оглянулся. Мы свалили шпалу. Джулиано подбежал и помог нам. Он совсем растерялся от страха. Бегал, мельтешил. Шинель его была распахнута, глаза стали безумными. Оставалось самое главное — снять полотно с крыши. Оно по краям прижато кирпичами.

Я подбежал к вагону и дернул за край полотна. Оно не поддавалось. Подбежал Марчелло и, оглянувшись по сторонам, стал помогать, но полотно не поддавалось. Джулиано бегал взад-вперед, ломал руки, бормотал что-то непонятное.

— Смотри за Гуго! — крикнул я.

Марчелло, наоборот, неузнаваемо изменился, движения его стали уверенны и спокойны, губы плотно сжаты, и мне, глядя на него, стало веселей.

Он подставил спину. Я влез на него и дотянулся до кирпича.

— Гуго! — вдруг истошным голосом закричал Джулиано.

Но я сбросил кирпичи, прыгнул на землю, и мы начали тянуть, не обращая ни на что внимания. Азарт овладел нами — видно, Марчелло был такой, как и я.

Джулиано вылез из-под вагона, он плакал, что-то шептал, хватал нас за руки.

— Он идет... все пропало... конец!

Но мы уже сдернули полотно и стали его складывать. Джулиано не выдержал, выскочил из-за вагона и побежал навстречу Гуго. Они столкнулись на полпути. Джулиано что-то кричал, махал руками, тянул Гуго за рукав, что-то доказывал ему.

Мы свернули белое большое полотно с крестом и засунули его за шпалы.

Из-за вагона выскочил Гуго, а с ним и Джулиано. Гуго бил его железной трубой, сипел и плевался.

Из их совместного визга я уловил, что Джулиано набросился на Гуго, требуя привести четвертого пленного, а то тяжелые шпалы трудно таскать втроем.

Джулиано кричал, визжал от боли и от страха, что Гуго застанет нас за упрятыванием полотна.

Гуго совсем взбесился и стал похож на собаку. На его губах выступила пена, лицо посинело. Он брызгал слюной во все стороны и норовил ударить побольней «эту проклятую итальянскую свинью».

Джулиано увертывался, бросая свое хлипкое тело из стороны в сторону, падал и, елозя на коленях, запутывался в длинной шинели.

Я с волнением следил за взглядом Гуго. Конец веревки болтался так явно, что не заметить его было трудно.

Один Марчелло был спокоен. Но лицо его стало блее полотна. Потом мы понесли шпалу, а за нами, спотыкаясь о камни и рельсы, трусил Гуго. Он забегал вперед, пропускал нас, оставаясь сзади, тыкал в бок Джулиано, мне и Марчелло проклятой трубой.

Послышался гул самолетов и разрывы зениток. Гул быстро приближался.

Из-за бугра вынырнули два самолета, они шли прямо на состав.

— Ложись! — крикнул Джулиано не своим голосом и побежал по рельсам, подальше от оборванной веревки.

Я и Марчелло бросились за ним.

Гуго остался на месте и лег в кювет прямо против вагона.

Самолеты пролетали над нами вдоль железнодорожного полотна. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, молчали. Хотелось сказать что-нибудь хорошее, успокоить Джулиано, приободрить. Я похлопал его по плечу и сказал: «Молодец!» Больше ничего. Он не ответил, повернул свое маленькое личико и попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. Большие черные глаза смотрели испуганно, веки дрожали. По-моему, он и сам не рад своему животному страху.

Самолеты вдруг развернулись и пошли на восток. Мы проводили их глазами и переглянулись. Конечно, мы все думали об одном, теперь выхода почти не было, свои самолеты или фашистские — все было смертью.

Самолеты улетели, стало тихо-тихо, даже ветер перестал.

— У моей маленькой Лючии большие черные глаза и небольшой ротик. Сильвия самая красивая в деревне. Солнце там, — сказал вдруг Марчелло и протянул руку на юг.

И вдруг я снова услышал далекий самолетный гул. Мы привстали и прислушались. Гул приближался. Вот оно! Я понял это сразу. Я всегда чувствовал настоящую опасность. Посмотрел на Марчелло и по выражению его лица понял: что-то случилось. «Ну, пропали!»

Гуго подошел к нашему подопечному вагону и сейчас держал в руках отрезанный конец веревки. Конечно, он сразу все понял!

Вдруг Гуго, как зверь, бросился к принесенной куче шпал и стал ворочать их. «Разыскивает полотно с крепостом!» — мелькнуло у меня в голове.

Самолетный гул перешел в свист, и сразу с трех сторон над составом пронеслись бомбардировщики.

Джулиано прыгнул в кювет, выбрался из него и побежал к воронке.

Самолеты делали боевой разворот для атаки на эшелон. В воздухе стоял сплошной рев моторов и свист. Вот они пошли в атаку; мы, замерев, смотрели на Гуго. Он, не обращая внимания на самолеты, с остервенением разбрасывал шпалы. Кепка слетела, волосы растрепались. И вот в его руках белый сверток! Кинулся к вагону, на ходу разворачивая полотно. И вдруг мы увидели то, чего я не забуду никогда: маленький, тщедушный Джулиано бросился к Гуго и вцепился пальцами в его горло. Гуго и Джулиано упали, покатались по земле.

Раздался сильный взрыв. И на том месте, где боролись Джулиано и Гуго вырос столб земли, шлака и пыли. И еще взрыв! Меня подбросило в воздух и шмякнуло о землю. На какое-то время я потерял сознание. Очнулся — кругом туман, темень и гарь. Воздух ядовито-едкий. Дышать было трудно. Я нащупал на лбу кровь.

Как я полз до воронки и сколько времени занял этот стометровый путь, не могу припомнить, но у меня осталось на всю жизнь ощущение клейкого удушья. Как будто кто-то огромный и тяжелый, навалившись на меня, грязной рукой крепко зажал мне рот и нос и визжал в самое ухо. И вот я опрокинулся в глубокую воронку, сполз на дно и там увидел Марчелло.

Он лежал на боку, обсыпанный комьями земли, его вытянутая левая рука хватала воздух. Я подполз, перевернул его на спину, огромное пятно крови растекалось по штанине. Он был жив и что-то шептал одеревеневшими губами.

Я приложил ухо к его рту и скорее понял, чем услышал, два женских имени.

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ОСТРОВ

Шел 1865 год...

Английский бриг «Фолкен», подняв все паруса, двигался в южных водах Тихого океана.

Неожиданно раздался крик впередсмотрящего:

— Земля!

Матросы высыпали на палубу. Считалось, что в этой части океана неоткрытых островов уже нет. Во всяком случае, этот на картах адмиралтейства не значился. Моряки определили его координаты, нанесли на карту и дали название «Фолкен-Айленд» в честь своего корабля, что в переводе означает «Соколиный остров».

Так в пятидесяти милях северо-западнее острова Тонга-табу в архипелаге Тонга впервые увидели новую землю.

Только через двадцать девять лет другой корабль подошел к «Соколиному острову».

Однако вместо него моряки увидели лишь отмель... Но в том же 1894 году Фолкен-Айленд вновь вынырнул из пучины. Команда другого корабля измерила его. Остров оказался длиной в пять километров, а высота его достигала пятнадцати метров.

Через четыре года остров снова исчез...

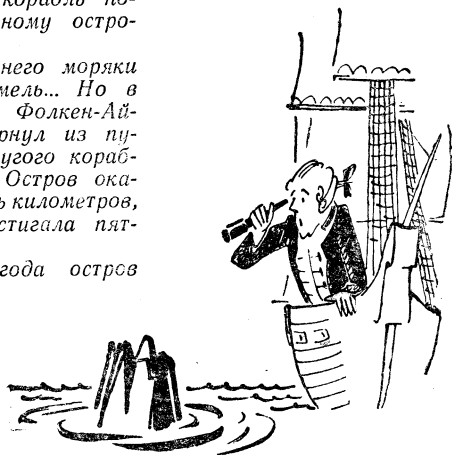
Зато в 1927 году моряки опять обнаружили его. Он поднимался над уровнем океана на 142 метра! Власти королевства Тонга водрузили над островом свой флаг. Поспешили — остров исчез снова...

Еще раз Фолкен-Айленд напомнил о себе уже в 1940 году. Он появился из глубин кучей черного вулканического песка высотой около девяти метров. На него высаживались. Почва была горячей, но никаких следов извержения — ни дыма, ни пара — обнаружено не было.

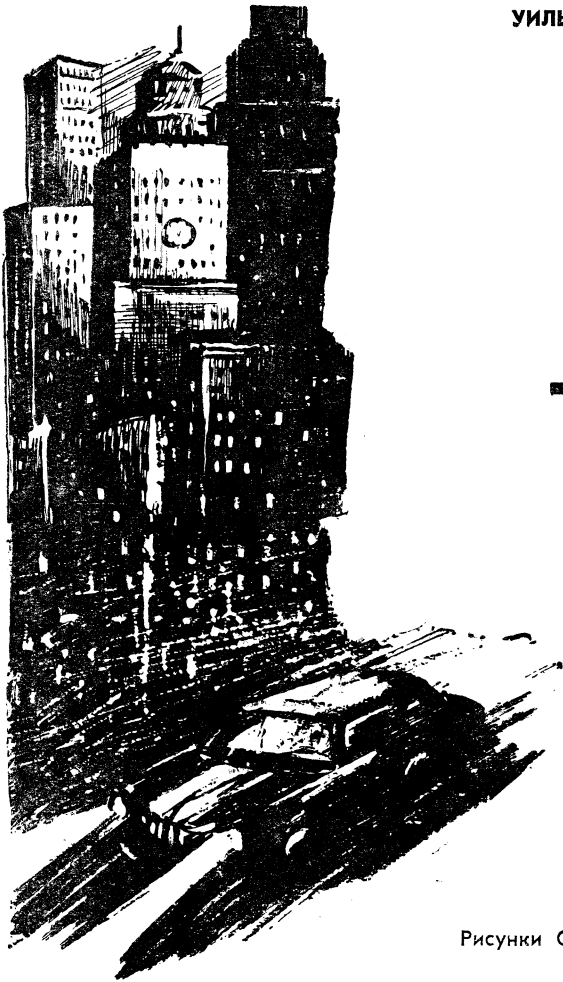
Спустя три года своенравная земля опять погрузилась в океан. И с тех пор не появлялась.

Ученые считают, что Фолкен-Айленд — плод подводной вулканической деятельности. Но окончательная разгадка исчезающего острова еще не найдена.

В. ШТЕЙН

УИЛЬЯМ АЙРИШ

СРОК

Рисунки С. ПРУСОВА

ДВАДЦАТЬ МИНУТ ПЯТОГО

Он знал фамилию и занятие человека, и не только фамилию, но и имя, и ему лишь предстояло узнать, где этот человек находится. Но когда он вспоминал о том, как мало времени у него оставалось, он думал, что ничего не сможет сделать.

Куин зашел в закусочную, маленькую, в каких по ночам едят шоферы. Взял телефонную книгу. В телефонной книге было три

Продолжение. См. «Искатель» №№ 2, 3.

Артура Холмза. Но это еще ничего не значило. Ведь он посмотрел только в одном районе Нью-Йорка, в Манхэттене. Оставались еще Бруклин, Куинз, Бронкс, Стейтен, а пригороды — Лонг-Айленд и прочие места. Он был маклером. Куин мало знал о маклерах, но ему казалось, что они все живут в загородном поясе.

Один из этих трех Холмзов жил на 19-й улице, другой — на 60-й, а третий — на улице, которая имела название, а не номер. Названия этого Куин никогда раньше не слышал. И он начал звонить.

ИСТЕКАЕТ НА РАССВЕТЕ

Он набрал номер и не вешал трубку. Кто же быстро ответит в такое время?

Наконец женский голос, заспанный, хриплый (это с 19-й улицы), сказал:

— Чего там?

— Мне нужно поговорить с мистером Холмзом, с мистером Артуром Холмзом.

— Вот как! — сказал голос высокомерно. — Ну, так вы немного опоздали, минут на двадцать.

Она уже собралась повесить трубку. Куин это понял по тону — повесить резко, со злостью.

— Вы мне не можете сказать, где его найти? — Он чуть не споткнулся на собственных словах, так быстро он их произнес, чтобы не дать ей повесить трубку.

— Он в участке. Можете найти его там. С какой стати вы звоните домой?

Он пошел и сам сдался? Пошел сам!.. Значит, все уже конечно. Может быть, они напрасно себя мучили всю ночь...

Но ему нужно было знать твердо. Как он мог узнать? Может быть, сама женщина не знает. Во всяком случае, по голосу непохоже. У нее голос такой, будто она не волнуется. Наверное, это какая-нибудь служанка или экономка в доме.

— Он маклер, да? Ну, знаете, он играет на бирже?

— Кто? Он? — Пятнадцать лет подавляемого недовольства звучало в этом голосе. Целая жизнь, проведенная в ссорах, была вложена в один этот слог. Наверное, трубка в руке Куина должна была растаять от жара ее гнева и превратиться в липкую массу. — Да, маклер! Может, ему хотелось бы быть маклером. Он сержант в полиции, в десятом участке, на двадцатой улице. И больше он никем никогда не будет, потому что на большее у него не хватает мозгов. И можете ему это от моего имени передать. И если вы с ним будете разговаривать, скажите, чтобы он не врал, что он маклер. Небось заходит во все пивнушки и треплет, что он бог знает кто! Однажды он выдумал, что он телохранитель губернатора. А в другой раз сказал, что нахо-

дится на секретной службе. Теперь он уже маклер! Мне надое-
ло, что ему звонят ночью всякие его пьяные друзья...

Она резко повесила трубку.

Один из тех! Куин не хотел иметь дело ни с кем из них. Да-
же на расстоянии двух миль, по телефону. Он все делал для
того, чтобы не иметь дела с ними.

Пока он пришел в себя, прошла целая минута. Надо продол-
жать. Ему не хотелось продолжать, но надо было.

- 60-я улица.

На этот раз ответили сразу — должно быть, ждали у теле-
фона. Это был молодой голос, лет этак двадцати, или, может
быть, простодушная манера говорить создавала такое впечатле-
ние. Ведь бывают голоса, которые никогда не становятся взрос-
лыми. Этот голос таил в себе такое нетерпение!.. Куину показав-
лось, что это было нетерпение, переходящее в страх.

У Куина создалось впечатление, что ждали именно его звонка:
ведь в такое время мог быть только такой звонок. И голос не
слушал, что говорит Куин, голосу важно было только услышать,
что звонит мужчина. И этого было достаточно. Голос разгово-
рил, совершенно не останавливаясь, как будто пунктуации не
существовало.

— О Бикси, я думала, что ты уже никогда не позвонишь!
Почему ты так долго! Я уже много часов жду. Я уже все упа-
ковала и сижу на чемоданах. Я пыталась дозвониться до тебя
несколько раз, но произошло что-то непонятное. Мне сказали,
что такого не знают. Смешно, не правда ли? Бикси, на минуту
я так испугалась. — Она засмеялась. — Ведь у тебя все мои
деньги и все мои драгоценности. Что бы я делала!.. Я только
сейчас подумала об этом. И я ведь уже послала ему телеграмму.
Я знаю, ты не велел мне посылать ему телеграмму, но мне по-
казалось, что это будет справедливо. Так что теперь мы уже
просто должны сделать то, что решили... — Поток остановился.
Голос догадался. Хотя Куин ничего не говорил, но голос дога-
дался.

— Это что, не...

Голос умирал. Может быть, не физически умирал, но как-то
весь сжался.

— Простите, может быть, я не туда попал. — мягко сказал
Куин. — Мне нужно... Я хочу поговорить с Артуром Холмзом.

Голос уже был мертв. И этот мертвый голос сказал:

— Он в Канаде. На рыбной ловле. Он уехал в прошлый втор-
ник. Вы можете найти его по адресу...

— В прошлый вторник... Простите.

— Повесьте, пожалуйста, трубку. Я жду звонка.

Он повесил трубку.

Следующий на очереди был тот Холмз, который живет на
улице с названием.

Телефонистка коммутатора сказала, наконец:

— Там не отвечают.

— Продолжайте звонить, — попросил он.

Она продолжала.

Наконец гудки прекратились. Он подумал, что телефонистка
перестала звонить, и только через мгновение он понял. Она не
перестала. Просто трубку сняли. Кто-то снял трубку и не гово-

рил ни слова. Кто-то слушал и не говорил ни слова. Тот, кто боится!

Так это началось. Оба молчали. Куин выжидал. Один из них должен сдать. Сдался Куин.

— Алло, — сказал он тихо.

Другой прочистил горло и сказал тихо:

— Да.

Начиналось хорошо. Начиналось по-настоящему. А он уже боялся надеяться.

Это был мужской голос, очень низкий и очень осторожный. Даже в одном этом слове «да» он был осторожным.

— Это мистер Артур Холмз?

Он должен удержать его. Должен узнать, он ли это, и удержать его. А потом... А потом... Сначала надо начать.

— Кто это?

Он не признался, что он Холмз. И Куин решил принять это как само собой разумеющееся.

— Мистер Холмз, вы меня не знаете...

Голос не попался на эту удочку.

— Кто хочет говорить с мистером Холмзом?

Он попытался снова:

— Вы моего имени не знаете, мистер Холмз.

И снова голос избежал ловушки.

— Я не сказал, что меня зовут Холмз. Я спросил, как зовут вас. Если вы мне не скажете, кто вы, я не могу сказать вам, сможет ли мистер Холмз подойти. Возможно, он и не сможет в такое время. Если вы не скажете, кто вы и зачем вам нужен мистер Холмз...

Вот этого самого «зачем» и ждал Куин. С этого он и мог начать.

— Хорошо, — сказал он с обманчивой покорностью. — Я скажу вам. Зовут меня Куин. Мистер Холмз не знает меня, а я хочу вернуть ему чек, который ему принадлежит.

— Что? — сказал голос быстро. — Что вы сказали?

— Я сказал, что у меня есть чек, который принадлежит мистеру Холмзу. Но мне надо узнать: с тем ли мистером Холмзом я говорю. Это мистер Холмз, мистер Артур Холмз, который работает в маклерской фирме «Уэдерби и Додд»?

— Да, — сказал голос быстро. — Да, именно тот.

Первый раунд выигран. Он пойман. Теперь надо думать только о том, как бы заставить его подойти поближе. Он пойман.

Куин повторил то, что сказал уже дважды: «У меня есть чек, который принадлежит вам». Он забросил этот крючок и ждал, пока тот клюнет.

Голос был очень осторожен.

— Я не понимаю. Если вы говорите, что я вас не знаю, откуда у вас может быть мой чек? — Голос набрал скорость. — Боюсь, что вы ошибаетесь.

— Да нет, он у меня в руке, мистер Холмз!

Голос как бы споткнулся и с трудом произнес:

— На чье имя выписан?

— Одну минутку. — Для большего эффекта Куин помолчал мгновение, а потом сказал — с такой интонацией, будто читал вслух: — Сивен Грейвз.

Он хотел, чтобы у Холмза создалось впечатление, что чек попал к нему случайно, что он ничего не знает. Ведь между ними еще слишком большое расстояние.

Голос задохнулся, как будто не мог выйти из горла. Куин слышал, как он старается вырваться из горла.

«Он! — думал Куин. — Он. Если он так себя ведет на расстоянии, то можно себе представить...»

Комок проглочен. Голос внезапно заговорил:

— Ерунда. Я не выписывал чека на это имя. Послушайте, мой друг, я не знаю, чего вы хотите, но я советую вам не...

Куин старался казаться спокойным.

— Если вы сравните его с корешками вашей чековой книжки, вы увидите, что я говорю правду. В правом углу здесь есть номер двадцать. Значит, это двадцатый чек в вашей книжке. Выписан он на Кейсовский национальный банк. Датирован 24 августа на сумму в двенадцать тыс...

Куину показалось, что человек на другом конце провода рассыпается — что-то стукнуло, звякнуло, будто трубка выпала у него из рук.

Попался. На этот раз попался!

Теперь он уже мог начать выдумывать:

— А каким образом, каким образом к вам попал этот чек?

— Я нашел его, — сказал Куин просто.

— А не скажете ли вы мне, а не скажете ли вы мне, где вы его нашли?

Ага, он нервничает! Он слишком часто дышит и вдруг вообще перестает дышать. А потом он снова начинает быстро дышать. Куин слышал все это так, будто он держал около уха не телефонную трубку, а стетоскоп.

— Я нашел его в такси, на сиденье. Наверное, кто-то в этом такси открыл в темноте бумажник и выронил чек.

Пусть думает, что Грейвз.

— А кто был с вами, когда вы его нашли?

— Никто. Я был один.

Голос попытался быть скептическим, как бы вызывая Куина на признание.

— Ну, рассказывайте! В таких делах две головы всегда лучше, чем одна. Ну, скажите, кто был с вами?

— Да я же вам говорю — не было никого. Вы не знаете, что человек иногда может быть один? Со мной никого не было.

Голосу хотелось услышать именно это. Голосу понравились эти слова. Куин понимал это.

— Кому вы его показали? С кем вы разговаривали с тех пор, как нашли?

— Ни с кем.

— А кто с вами сейчас?

— Никого нет.

— Как это у вас возникла мысль позвонить мне в четыре тридцать утра?

— Я подумал, что, может быть, он вам очень нужен, — сказал Куин с обезоруживающей простотой.

Голос старался создать впечатление, что он обдумывает.

— Предположим, это правда. Теоретически. Но, предположим, я бы сказал, что мне этот чек не нужен, что он не имеет для

меня никакой ценности. Что тогда вы с ним сделаете? Выбросите его?

Как будто бы на его вопрос могло быть два ответа!

— Нет, — сказал Куин спокойно, — тогда я постараюсь найти человека, на имя которого он выписан. Стивена Грейвза. Попробую найти его.

Если до сих пор на голос ничего не влияло, то тут он попался. Но, надо прямо сказать, и до этого он тоже уже попался.

Куин почти слышал, как переворачивается его сердце. Как сердце вот-вот упадет в трубку.

Кто-то вмешался в их разговор. Телефонистка сказала: «Ваши пять минут кончились. Опустите еще одну монетку, пожалуйста...» Она имела в виду Куина.

Он взглянул на монетку, которую держал наготове в руке, на тот случай, если этот звонок окажется неудачным. Помедлил мгновение, чтобы испытать того.

Голос закричал дико:

— Одну минуточку! Не разъединяйте нас, ради бога!

Куин опустил монетку. Послышалось щелканье, и они продолжали, как и прежде.

«Я еще боялся потерять его! — подумал Куин. — Это он боится потерять меня».

Голос был сильно напуган. Он решил больше не притворяться.

— Ну, хорошо, мне бы хотелось взглянуть на чек, который у вас, — сдался он. — Чек ни для кого не имеет никакой ценности. Просто произошла ошибка и...

Куин не поддался.

— Чек был возвращен банком, — сказал он резко.

Голос и это проглотил — не метафорически, а буквально.

— Разрешите мне спросить вас... Вы сказали — ваша фамилия Флин?

— Куин. Но это не имеет значения.

— Скажите мне что-нибудь о себе. Кто вы? Что вы делаете?

— А какое это имеет отношение к нашему разговору?

Голос снова начал:

— Вы женаты? У вас есть семья, которую вы содержите?

Куин ответил не сразу. Зачем он это спрашивает? Чтобы решить, сколько ему уплатить за молчание? Нет. Здесь какие-то темные цели. Может быть, он хочет узнать, будет ли меня кто-нибудь разыскивать, если... если что-нибудь случится со мной.

Он почувствовал, как у него на затылке зашевелились волосы.

— Я одинокий, — сказал он. — Я живу один.

— У вас даже нет товарища по квартире? — мурлыкал голос.

— Никого. Как одинокий волк.

Голос, казалось, обнюхивал это. Обнюхивал капкан, подходил ближе и, наконец, потянулся к приманке. И приманкой, почувствовал Куин, был уже не чек. Это была его жизнь.

— Ну, так послушайте, Куин. Мне бы хотелось взглянуть на чек, и, может быть, я могу что-нибудь для вас сделать.

— Ну что ж, это справедливо.

— Где вы сейчас находитесь?

Он подумал, можно ли сказать правду. Решил, что можно.

— Я на пятьдесят девятой улице, знаете — маленькая заку-
сочная... На пятьдесят девятой улице. Я говорю отсюда.

— Я сейчас оденусь... Видите ли, я уже был в постели, ког-
да вы позвонили. Я оденусь и выйду, а вы идите... Дайте-ка
мне подумать. — Голос пытался что-то придумать. И не только
где им встретиться, а что-то еще. Куин спокойно ждал. — Так,
я попрошу — идите к площади Колумбус, знаете, где Бродвей
отходит от Центрального парка? Там на углу есть кафетерий,
он работает всю ночь. Войдите туда м... У вас есть с собой
деньги?

— Нет.

— Ну, все равно, зайдите туда. Вас там не будут тревожить.
Скажите, что вы кого-то ждете. Сядьте к окну, к самому окну,
выходящему на Бродвей. Через пятнадцать минут я там с вами
свяжусь.

Зачем ему нужно, чтобы я пошел в другое место? Почему не
встретиться со мной здесь? Наверное, он боится попасть в ло-
вушку. Боится, что здесь со мной кто-нибудь есть. Он не сказал:
«Я с вами встречу». Он сказал: «Я с вами свяжусь». Он хо-
чет сначала посмотреть на меня. Он ведет умную игру, но какой
бы умной она ни была, это его не спасет. Чек у меня. И он хо-
чет получить его, даже если это займет всю ночь и ему придется
обойти весь Нью-Йорк.

Со своей стороны, Куин разыгрывал ничего не подозревающего
простака.

— Хорошо, — сказал он.

— Через пятнадцать минут, — сказал голос.

Беседа окончилась.

Куин отошел от телефона, прошел в мужской туалет. Присло-
нился к стене и снял башмак. Достал из кармана чек, обернул
его кусочком бумаги, положил в башмак и снова надел. Он брал
пример с Грейвза.

Он вышел в зал и остановился возле прилавка, где лежали
подносы и приборы.

В закусочной, кроме него, никого не было, а официант за
стойкой смотрел в другую сторону. Куин взял нож и потрогал
лезвие. Тупой. Хотя бы для морального воздействия, если не
для физического. Он завернул нож в бумажную салфетку и су-
нул его во внутренний карман пиджака.

Он прошел через парк к площади Колумбус и пришел к ка-
фетерию примерно через двенадцать минут. Он сел за стол
у окна, выходящего на Бродвей, и стал ждать.

Раза два он оглянулся. Посмотрел в дальнее окно, выходя-
щее в парк. Ему показалось, что за окном стоял автомобиль.
Постоял, а потом медленно отъехал. А может быть, автомобиль
просто остановился на мгновение у светофора.

Прошло пятнадцать минут. Потом восемнадцать. Потом два-
дцать.

Он начал нервничать. «Может быть, я не понял? Может быть,
ему нужно было время, чтобы удрать? Может быть, он больше
боится меня, чем хочет получить этот чек? Уверен, что убийца он!
Это наверняка он. А теперь я все испортил и потерял его!»

Его лоб покрылся испариной. Он вытирал ее, а лоб снова
покрывался испариной.

Внезапно рядом, в будке кассира, зазвонил телефон.

Куин оглянулся, а потом снова стал смотреть в окно.

Кто-то стучал в стекло. Он снова оглянулся и увидел, что кассир зовет его.

Куин подошел, и кассир сказал:

— Кто-то хочет поговорить с человеком, сидящим у окна. Послушайте, сюда нельзя звонить...

Но передал Куину трубку.

Звонил Холмс:

— Алло, Куин!

— Да. Что с вами случилось?

— Я жду вас в закусочной Оуэна. Это на пятьдесят первой улице.

— Что это вы выдумываете? Сначала велели мне прийти сюда. Чего вы хотите? Зачем вы заставляете меня бегать?

— Ладно, приходите сюда. Возмите такси, я заплачу. Когда вы придете?

— А на этот раз вы не шутите?

— Я уже здесь.

— Ну ладно. Сейчас посмотрю, там вы или нет.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ МИНУТ ПЯТОГО

Ресторан был уже закрыт. Ее туда не пустили. Из ресторана один за другим выходили и исчезали в улицах люди. Те, кто зарабатывает там на жизнь. Для служащих ресторана сейчас пять часов дня. У них ведь часы показывали не то время, что у всех людей.

Брикки ходила по тротуару перед входом.

Там, в этом ресторане, рыжеволосая женщина в светло-зеленом платье передала Грейвзу записку. Хорошо. Теперь подумаем. Чтобы написать эту записку, ей нужны были карандаш и бумага. Женщины такого типа, как она, не носят с собой в сумках такие вещи. Обычно они свои сообщения передают глазами или бедрами. Может ли быть, что у этой были бумага или карандаш? Может. Тогда, значит, мне не повезло. Будем исходить из того, что у нее ничего не было. В таком случае она должна была у кого-нибудь их попросить. Вряд ли она подошла к танцующим и сказала: «Одолжите мне бумагу и карандаш». Вряд ли также могла она подойти к какой-нибудь парочке или компании, сидящей за столом, и попросить у них. Кто остается? Официант за ее столом — если она сидела за столом. Бармен — если она стояла у стойки.

Поэтому Брикки ходила взад и вперед перед рестораном.

Даже на улице она могла более или менее точно опознать тех, кто выходил. Эта задорная малышка, которая сейчас вышла, довольно модно одетая, наверно, девушка из гардероба.

Брикки остановила ее.

— Никакая женщина не брала у меня карандаша. По правде говоря, у меня его и нет.

И она пошла вдоль улицы — маленькая птичка на крохотных ножках.

А эта молодая негритянка, наверное, работает в туалете.
— А какой карандаш? — спросила она. — Для бровей?
— Нет, обычный карандаш, которым пишут.
— Нет, туда не заходят для этого, дорогая. Вы ошибаетесь.
— И никто не спросил у вас карандаша в течение всего вечера? — настаивала Брикки.
— Нет. Это единственное, о чем меня не просили. Да у меня и нет там карандашей. Это идея: завтра принесу с собой карандаш. А вдруг кто-нибудь попросит?

Вышел мужчина.

Он остановился и покачал головой.

— Нет, на моем конце стойки никто не спрашивал карандаш. Узнайте у Фрэнка, когда он выйдет. Он работает на другом конце.

Он ушел.

Еще один. Потом еще.

— Да, я Фрэнк.

— У вас одалживала карандаш девушка, высокая девушка с рыжими волосами, в светло-зеленом платье? Помните, кто-нибудь у вас брал карандаш?

Он кивнул.

— Да, — сказал он. — Помню. Рыжая. Я помню. Около двенадцати ночи.

— А вы не знаете, как ее зовут?

— Нет, не знаю. По-моему, она работает в ресторане, где-то рядом.

— А вы не знаете в каком?

— Нет, не знаю. Мне так кажется, потому что кто-то спросил ее: «Что ты здесь делаешь? Ты уже у себя кончила?»

— Но вы не знаете...

— Я не знаю, кто она, где она работает. И вообще я ничего о ней не знаю. Она взяла у меня карандаш и нагнулась над стойкой. Что-то написала, а потом отдала мне карандаш.

Он постоял еще немного. Больше им не о чем было говорить.

— Очень хотелось бы помочь вам...

— Если бы вы могли это сделать!.. — сказала она тусклым голосом.

Он повернулся и пошел прочь. А она стояла на тротуаре совсем потерянная. Наверное, больше она ничего не узнает. Она была так близка к решению задачи — и так далека!

Она подняла голову. Он обернулся. И вдруг подошел к ней.

— Вы, кажется, очень огорчены?

— Очень, — призналась она.

— Может быть, это вам поможет? Я не знаю, работаете ли вы сами в ресторане или нет, но у людей, которые работают в ресторане, смешные привычки. Здесь неподалеку есть аптека, где они все собираются после того, как рестораны закрываются. Я имею в виду всяких певичек. Им там нравится. Они собираются там и едят мороженое или сбитые сливки. Сходите туда, может быть, что-нибудь узнаете. По-моему, имеет смысл попробовать.

Имеет смысл! Она бросилась бегом. Он удивленно посмотрел ей вслед. Она бежала всю дорогу — два коротких квартала.

Они, конечно, не стояли все толпой у стойки, как она думала.

Может быть, потому, что было очень поздно и большинство уже ушло домой. Их было трое, у одной была борзая собака. Наверное, она вывела ее погулять перед сном. Они все сгрудились вокруг этой собаки, кормили ее остатками со своих тарелок и забавлялись. Хозяйка собаки была в накинutom на плечи пальто, а под пальто виднелась пижама. Она была без чулок, в домашних туфлях. Рыжей женщины среди них не было.

Внимание посетительниц перешло с борзой на Брикки.

— Она говорит о Джоан, я полагаю, — сказала одна из них. — Вы ведь про Джоан спрашиваете?

Откуда она знала!

Они не знали фамилии этой Джоан.

— Она здесь бывает. Поэтому мы ее и знаем.

— И я ее знаю, — сказала вторая.

— Ее сегодня здесь не было, — сказала третья. — Пойдите к ней в гостиницу, поищите там. Это здесь, неподалеку. Гостиница называется «Конкорд», или «Комптон», или что-то в этом роде. Потом она добавила: — Я не знаю, живет ли она там сейчас, но дня два назад она там жила. Я как-то шла с ней до гостиницы с моим песиком.

Они снова занялись собакой. Брикки их больше не интересовала.

Гостиница была одним из тех заведений, которые обслуживают «ночных бабочек», карточных шулеров и прочих мошенников. Брикки не боялась таких гостиниц. Она встречалась с их жителями у себя в дансинге каждый вечер.

Она подошла к ночному дежурному со спокойствием человека, который уверен, что его не прогонят. Ночной дежурный — некрасивый человек, с бельмом на глазу, в воротничке, который он не менял уже неделю, и с запахом прокисшего алкоголя изо рта — чуть подался ей навстречу.

Она удобно оперлась локтем о его стол и сказала весело:

— Привет!

Он открыл рот и показал ей просветы между зубами. Наверное, он хотел улыбнуться. Свободной рукой она вертела за ручку свою сумочку.

— В какой комнате живет моя подружка? — спросила она, оглядывая с независимым видом заплесневевший холл. — Мне нужно к ней подняться, кое-что ей рассказать. Знаете — Джоан, в светло-зеленом платье. Я с ней только что рассталась в аптеке, но... — Она улыбнулась ему. — Я не могу ей не рассказать этого сейчас же. — Она хлопнула себя по коленке. — Это так смешно! Она умрет на месте!

— Это кто? Джоан Бристоль? — спросил он, разглядывая ее своими пустыми глазами и немножко хихикая, как бы ожидая, что она поделится с ним шуткой.

— Ага! — сказала она и, хихикнув, ткнула его в бок локтем. — Послушай-ка, тебе, наверно, будет интересно. — Она наклонилась к нему. Он вытянул шею.

Внезапно с переменчивостью, типичной для девицы, роль которой она играла, Брикки передумала:

— Обожди, сначала я ей расскажу, а тебе — потом, когда спущусь. — Она отошла, но прежде похлопала его по плечу. — Ты обожди меня, папочка. Не уходи. — И потом, будто в скоб-

ках, будто все еще думая о смешном, она бросила: — Так в каком она номере?

Он попался на удочку. Она очень старательно играла свою роль, и роль ей удалась.

— В четыреста девятом, милочка! — Он даже поправил свой засаленный галстук, как бы утверждая свое существование в той атмосфере, которую она на мгновение создала, — в атмосфере интимности, которая не считалась с тем, в какое время можно посещать друзей, в атмосфере безобидного легкомыслия.

Дежурный встал и шагнул к доске со звонками в номера. Наверное, в этом-то и заключались его обязанности.

— Не надо! — весело крикнула она уже от лифта. — Ей не надо одеваться для меня. И лучше, если я приду к ней без предупреждения.

Он рассмеялся и не стал оповещать Джоан Бристоль о том, что к ней кто-то идет.

Брики вошла в лифт. И лифт стал медленно подниматься.

Медленно, очень медленно полз лифт. А потом он остановился, и она вышла.

И лифт медленно, медленно стал опускаться.

Она пошла по пахнущему плесенью, тускло освещенному коридору, по ковровой дорожке, существовавшей только из упрямства. Двери — темные, непроницаемые двери — двинулись ей навстречу. На них было страшно смотреть. Как будто бы вся надежда исчезла. Как будто бы нет надежды и у тех, кто входит в эти двери. Еще один ряд ячеек в этих колоссальных сотах — в Нью-Йорке.

Человеческие существа не должны входить в такие двери, не должны жить в таких комнатах. Туда не попадает даже свет луны. Они хуже, чем могила, потому что в могиле ты ничего не чувствуешь. Если могилы для нас всех создал господь бог, то уж, наверное, не он создал эти ряды дверей в третьеразрядных нью-йоркских гостиницах...

Коридор казался длинным, но, может быть, это потому, что ее мысли неслись слишком быстро. Мысли неслись с бешеной скоростью, а сама она очень медленно шла по коридору — к близкому разрешению всего.

«Как мне туда попасть? И если я туда попаду, как мне узнать, она ли убила его? А если я и узнаю, как мне заставить ее вернуться туда, на семидесятую улицу? Заставить ее вернуться без шума, без полиции... Я одна, и мне никто не поможет. Ведь если вмешается полиция, нас с Куинном посадят в тюрьму — по подозрению — и будут там долго держать...»

Она не знала, она не знала, как это сделать! Она только знала, что она пойдет туда, потому что иного выхода у нее нет. И ей не к кому обратиться за помощью. Только к ее единственному во всем этом городе другу.

«О, часы на башне «Парамонт», которые не видны отсюда! Ночь кончается, и автобус скоро уйдет. Помогите мне сегодня!»

Номера на дверях окружали ее: шесть с одной стороны, семь — с другой. Еще восемь — за поворотом. А там — тупик. Коридор кончался дверью, самой последней дверью, четыреста девятой. Дверь выглядела так безлично. А ведь за этой дверью — все ее будущее.

«От этой двери, от этого куска старого, темного, поцарапанного дерева зависит, стану ли я снова человеком или на всю жизнь останусь крысой в дансинге. Почему дверь может иметь такое значение в моей судьбе?»

Она посмотрела на свою руку, будто хотела сказать: «Ты это сделала? Какая ты смелая!» Рука сама постучала в дверь — не ожидая, пока ей прикажут.

Дверь открылась, причем у Брикки было еще время подумать, что сказать, когда дверь откроется. И они стояли друг против друга и смотрели друг другу в лицо: эта женщина и она. Жестокое, покрытое маской грима лицо было очень близко от ее лица, так близко, что она видела забитые пудрой поры. Браждебные, настороженные глаза были так близко, что она видела красные паутинки в уголках.

Ей вспомнился коридор в доме Грейвза. И то, как она шла там в темноте с Куинном. И она поняла, даже не осознав этого, что опять ощущает запах тех духов.

Глаза уже изменились. Враждебная настороженность превратилась в явный вызов. Низкий, хриплый голос. Голос, который не позволит шутить.

— Ну, в чем дело? Ты что, пришла сюда одолжить чашку сахара или попала не в ту дверь? Тебе здесь что-нибудь нужно?

— Да, — сказала Брикки тихо. — Нужно.

Она, должно быть, затянулась сигаретой перед тем, как открыть дверь: внезапно из ее ноздрей двумя злыми струйками вырвался дым. Она была похожа на сатану. Она подняла руку — закрыть дверь перед Брикки.

Брикки хотелось повернуться и уйти. Повернуться и быстро уйти. Господи, как ей хотелось повернуться и уйти! Но она не могла себе этого позволить. Она знала, что войдет, даже если это будет означать ее собственную гибель. Дверь должна остаться открытой!

— Убери ногу! — злобно прохрипела женщина.

— Мы друг друга лично не знаем, — сказала Брикки тем грубым голосом, которым часто говорила в дансинге. — Но у нас есть общий друг.

Джоан Бристоль дернула головой.

— Одну минутку! А ты кто? Я тебя раньше никогда в жизни не видела. Какой общий друг?

— Я говорю о мистере Стивене Грейвзе.

Белая вспышка беспоконьяства промелькнула по лицу женщины. Но она могла точно так же реагировать, если даже только попыталась шантажировать Грейвза, а потом ушла.

До этого момента на стене комнаты, которую видела Брикки, лежала неясная тень, какая-то легкая тень. Теперь тень быстро задвигалась, очень быстро, но бесшумно, и исчезла.

Глаза женщины на мгновение сверкнули в том же направлении, а потом, как будто она получила какой-то сигнал, направленный ей, снова обратились к Брикки. И в ее напряженном голосе сквозила угроза:

— А что, если вы войдете и выскажетесь?

Она распахнула дверь. Не гостеприимно, а повелительным, резким движением, как будто говоря: «Либо вы войдете по собственной воле, либо я вас сюда втащу».

На какое-то мгновение Брикки еще была свободна. Позади нее простирался длинный коридор. Она подумала: «Ну вот, сейчас я войду. Надеюсь, что выйду отсюда живой».

Она вошла.

Она медленно прошла мимо женщины в скверно обставленную, пропахшую табачным дымом комнату. Захлопнулась дверь. Два раза повернулся в замке ключ.

«Дверь заперта. Теперь я должна выиграть, иначе я не смогу выбраться отсюда». Вот что подумала Брикки.

Битва началась, битва, в которой ее оружием были ее разум, ее нервы и женская интуиция.

Комната была пуста. Дверь в ванную к тому моменту, как она посмотрела на нее, была закрыта. Но ручка еще не окончательно остановилась. Если окажется, что она не очень много знает, дверь останется закрытой. Но если выяснится, что она знает слишком много... Как узнать, что можно знать и что знать — слишком много? Она сможет судить об этом по двери. «Здесь нас трое», — сказала ей движение дверной ручки. Ну, а остальное? Ящики старого комода задвинуты неровно, как будто из них только что вынимали вещи. Около кровати стоит чемодан. Уже наполнен одеждой. На крышке комода — дамская сумочка, пара перчаток, мятый носовой платок. Сумочка раскрыта, как будто в ней что-то искали и слишком торопились — не успели снова закрыть.

Джоан Бристоль вытащила из-за стола стул, поставила его спинкой к двери в ванную и пригласила: «Садитесь». Брикки опустилась на стул, как будто бы он был сбит наспех и в любую минуту мог развалиться. Женщина села напротив.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Я ничего не говорила, но вы можете называть меня Каролиной Миллер.

Женщина недоверчиво улыбнулась, но ничего не сказала по этому поводу.

— Так, значит, вы знаете какого-то человека, по имени Грейвз, да? Скажите, а почему вы думаете, что я его знаю? Он говорил вам обо мне?

— Нет, — сказала Брикки. — Он ничего не говорил.

— Тогда почему же вы думаете, что я...

— Но ведь вы его знаете, не правда ли?

Джоан Бристоль облизнула густо намазанные губы:

— Скажите, вы его давно видели?

— Нет, недавно.

— Когда?

Брикки сказала с хитрым равнодушием:

— Я только что оттуда.

Бристоль напряглась. Это было довольно ясно видно. Ее взгляд устремился в какую-то точку за плечом Брикки. Брикки старалась не следить за взглядом женщины. Ведь там ничего, кроме двери, нет.

— Ну и как он?

— Мертвый, — сказала Брикки тихо.

Бристоль неестественно удивилась. Она удивилась, да, но это было какое-то жестокое, угрожающее удивление. Другими словами, ее не сообщение удивило, а источник этого сообщения.

Заговорила она не сразу. Очевидно, она хотела посоветоваться с тенью, которую Брикки видела раньше на стене. Или, может быть, тень сама хотела посоветоваться с ней. Легкий звук воды, текущей из крана, — там, за закрытой дверью. Это, видимо, сигнал.

— Извините меня, минутку, — сказала Бристоль, поднимаясь. — Я забыла закрыть кран.

Она обошла вокруг стратегически поставленного стула, на котором сидела Брикки, и быстро шагнула в ванную комнату, сразу закрыв за собой дверь.

Она дала Брикки возможность. Она сама дала ее — возможность найти что-нибудь, что можно найти в этой комнате. Возможность, которая длилась секунд тридцать — сколько нужно времени, чтобы получить инструкции, как действовать дальше. И такой возможности больше не будет. Не успела ручка двери остановиться, как Брикки уже вскочила. У нее было время осмотреть только одно: открытую сумку на комодe.

Она бросилась к сумке и сунула туда руку. Она знала, что никаких прямых улик не найдет. Но хоть что-нибудь, хоть что-нибудь! А там ничего не было. Губная помада, пудреница, прочая ерунда. Под ее судорожно двигающимися пальцами зашуршала бумага. Она быстро вытащила ее, развернула и пробежала глазами. Все еще ничего. Неоплаченный счет за гостиницу на 17 долларов 89 центов. Счет этой гостиницы. Какую он мог иметь ценность? Он никак не связан с тем, ради чего Брикки пришла сюда. И все же какой-то неясный инстинкт подсказал ей: «Возьми этот счет. Он может пригодиться». Она быстро села на свой стул, сделала что-то со своим чулком, и счет исчез.

Мгновение спустя открылась дверь, и Бристоль, получившая инструкции, вышла. Она села против Брикки.

— Вы были там, у Грейвза, одна или с кем-нибудь?

Брикки посмотрела на нее взглядом человека, уже перешагнувшего рубежи семнадцати лет.

— А вы что думаете — я с собой бабушку вожу?

Ее собеседница получила то, что хотела получить.

— В такое время вы не водите с собой бабушку?

— Ага.

— Ну, и... Кто-нибудь остановил вас у дверей и рассказал вам, что произошло, что там полиция? Уже народ собрался? Как вы узнали, что он мертв?

Брикки отвечала на эти вопросы. Это было похоже на танцы на туго натянутой проволоке, без балансира и без сетки.

— Нет, там никого не было. Никто об этом еще не знает. Я, видимо, первая его нашла. У меня был ключ, он мне сам его дал. Я пошла туда, а там у него не горел свет. Я подумала, что он еще не вернулся домой, и решила его обождать. Пошла наверх и увидела его там, застреленного.

Джоан Бристоль с лихорадочным интересом вслушивалась в ее рассказ.

— И что же вы сделали? Наверное, сразу бросились к телефону и начали орать: «Убийство, убийство!»

Опытная светская дама, сидящая на том стуле, где была Брикки, снова посмотрела на свою собеседницу.

— Вы что думаете, я совсем глупая? Конечно, я оттуда сра-

зу удрала, но на тормозах. Я выключила свет, заперла за собой дверь и ушла, оставив все так, как было. Сестричка, я никому не сказала ни слова! Неужели вы думаете, что я хочу быть замешанной в этом деле? Только этого мне не хватает.

— А когда вы там были?

— Только что.

— Значит, надо думать, еще никто об этом не знает, кроме вас...

— Вас и меня.

Она почувствовала сзади какое-то движение. Может быть, шелохнулся воздух или что-то скрипнуло.

— Вы сюда пришли одна?

— Конечно. Я все делаю одна. А кто у меня есть?

Зеркало, стоящее на комодe, показало, что дверь позади нее медленно открывается.

Она не могла повернуть голову. Она могла только подумать: «Дверь сзади меня открылась. Кто-то сейчас... Значит, это сделали они. Я попала в точку. Значит, мой след был горячий, а Куин пошел по холодному следу».

Теперь она все знает. Но это ей не поможет. Она сама напросилась на неприятности, и сейчас они начнутся.

Бристоль задала еще один вопрос — больше для того, чтобы отвлечь ее внимание еще на мгновение, чем для того, чтобы получить ответ:

— А почему вы меня с этим связываете? Почему вы пришли сюда?

Брикки нечего было беспокоиться об ответе, потому что ответа не ждали. Уже сосчитали, сколько будет дважды два, без ее помощи.

Что-то плотное и прыщавое, с маленькими узелочками, внезапно покрыло ее лицо. Махровое полотенце, видимо. Она вскочила, но одна рука оказалась в железной хватке. Бристоль тоже вскочила и схватила ее за другую руку. И обе руки были сведены сзади, перекрещены и связаны.

Потом грубая рука, тяжелее и больше, чем рука женщины, немного повозилась с полотенцем и опустила его до половины лица, освободив глаза и нос.

Бристоль стояла перед ней и сказала тому, кто стоял за ее спиной:

— Следи за ее ртом, Грифф. Сквозь эти стены слышно все.

Мужской голос проворчал:

— Свяжи ей ноги. Она бьет меня каблуками.

Женщина наклонилась. Брикки почувствовала, что ей стягивают щиколотки. Она превратилась в беспомощный сноп сена, связанный с обоих концов.

Джоан Бристоль снова поднялась.

— Что будем делать теперь? — спросила она.

Мужской голос ответил:

— Как ты думаешь, не следует ли нам...

Он не закончил: Брикки поняла, что он имеет в виду, по тому напряженному выражению, которое появилось на лице женщины. Он сказал об этом так спокойно, как будто говорил, что нужно задернуть занавески или погасить свет. Она похолодела.

Женщина была напугана. Не из-за Брикки. Она боялась за себя. Она, должно быть, хорошо знала этого человека. Знала, на что он способен...

— Не в этой комнате, не здесь, Грифф! — сказала она просительно. — Всем известно, что мы были в этой комнате. Мы нарвемся на неприятности.

— Нет, ты меня не поняла, — сказал он просто. — Я вовсе не имел в виду... — Он подошел к окну, спокойно открыл его. Блик света на противоположной стене... Он нагнулся и задумчиво посмотрел вниз. Потом повернулся и сказал негромко: — Четвертый этаж. Наверное, достаточно. — И сделал выразительный жест. — Мы троим стали пить, а потом она захотела открыть окно, немного проветрить комнату. А потом... Ведь часто так бывает.

Брикки казалось, что сердце ее горит, как факел.

— Да, но такие дела всегда расследуются, а это нам не годится, Грифф.

— Так что ж мы сделаем? Оставим ее здесь? — сказал он резко, лающим голосом.

Бристоль пригладила волосы.

— Посмотри, в какую беду ты нас втянул, — ворчливо сказала она. — Зачем тебе нужно было...

— Заткнись! — сказал мужчина жестко.

— Она уже знает. Как, по-твоему, зачем она сюда пришла?

— Какого черта ты не делала все как нужно было! С самого начала, как мы договорились!

— Не могла я с ним справиться! Я открыла тебе дверь, чтобы ты его напугал, заставил заплатить. Совсем я не думала, что ты его застрелишь.

— А что ты хотела, чтобы я сделал, когда он бросился на эту штуку? Хотела, чтобы я ее отдал? Ты видела, что произошло, — я должен был застрелить его, в порядке самозащиты. Да и вообще что теперь говорить об этом! Сама все испортила. А беду не исправишь. Теперь еще надо думать об этой юбке. Мне все-таки кажется, что самое умное...

— Нет! Говорю тебе, Грифф, нет! Это будет самое глупое. Пусть болтает, когда мы уйдем. Ведь это только ее слово против нашего слова. Она ведь тоже там была, верно? Она могла это сделать — так же, как и мы. Давай скорей уйдем отсюда.

Он открыл дверцу стеного шкафа и заглянул в него.

— А как насчет этого? Давай сунем ее сюда и потеряем ключ. Шкаф в капитальной стене, так что ее никогда не услышат. Это даст нам порядочно времени. Неизвестно, сколько пройдет, пока откроют шкаф.

Они оттащили ее к шкафу и сунули внутрь, как мешок...

— Надо ее к чему-нибудь привязать, — сказал он. — А то она начнет биться о дверцу. — Он приспособил что-то вроде сбруи из простынь и привязал к крючку в стене. Она теперь не могла пошевелиться.

Женщина сказала:

— А там есть чем дышать? А то вдруг долго не...

— Не знаю, — оборвал он. — Она выяснит это сама, а потом нам расскажет.

Они закрыли дверцу. Темнота. Ключ был вынут. Ключ, который они хотели бросить где-то на улице. Она слышала, как они разговаривают.

— Давай чемодан, Джоан.

— А как насчет того идиота, что сидит в холле? Он, должно быть, видел, как она поднималась сюда.

— Ну, с этим я справлюсь легко. Где бутылка виски, которую я сегодня купил? Я предложу ему выпить на прощание. Он, когда пьет, всегда отходит за почтовые ящики. Ты выскочишь, когда он будет там, и быстро выйдешь на улицу, разговаривая сама с собой, как будто с ней. Пошли. Ты готова?

— Эй, послушай-ка! Нет счета за номер. Надо расплатиться, иначе нас начнут искать. Он, наверно, упал на пол...

— Неважно, некогда сейчас искать! Дежурный выпишет нам новый...

Дверь закрылась. Они ушли.

(Окончание следует)

4 000 ВОЛЬТ В КАРМАНЕ

Давным-давно медицина установила целительную силу горного воздуха и стала прописывать его больным. Изучение показало, что не только горный, но любой воздух, богатый ионами, целебен.

Многим больным врачи прописывают ионотерапию. Ионизаторы довольно громоздкие и сложные устройства, поэтому их устанавливают преимущественно в городских больницах. Между тем хотелось бы, чтобы услугами ионотерапии пользовались и в пути, и в поле, и на лесоразработках. В общем желательно, чтобы принять лечебный воздух было не сложнее, чем проглотить таблетку, которая лежит у вас в кармане.

Сотрудник Института патологии Академии наук Казахской ССР Анатолий Щетилин изобрел миниатюрный ионизатор. Его действительно можно носить в кармане. Ионизатор Щетилина питается током батарейки от карманного фонарика. Специалист не пройдет мимо этого замечания: дело в том, что для ионизации воздуха требуется источник высокого напряжения — приблизительно 3—4 тысячи вольт. Щетилин разработал оригинальную схему генератора ионов на полупроводниках, решив эту проблему.

Несколько тысяч вольт в кармане — не шутка. Но ведь генератор потребляет всего доли ватта. Ионизатор Щетилина хорош и тем, что его можно переналадить на аккумуляторное питание с подзарядкой от электросети.

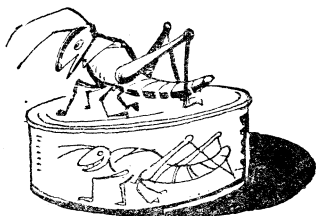
Применение ионизатора Щетилина дало отличные результаты: у 76 процентов больных гипертонией, находившихся на лечении в институте, артериальное давление полностью нормализовалось, а у остальных наступило значительное улучшение.

Ю. МЕДВЕДЕВ

КОНСЕРВЫ ИЗ САРАНЧИ

Известно, что саранчу можно употреблять в пищу. Некоторые арабские племена делают из саранчи своеобразные консервы.

Изготавливают их так: поджаривают саранчу на уг-

лях, затем размалывают, а муку ссыпают в мешок.

У этого пеммикана пустыни те же свойства, что и у полярного, — легкость, хорошая сохраняемость при любых температурах, высокая питательность.

МОРЕ И СОЛНЦЕ

Какая поверхность моря отражает больше солнечных лучей — спокойная или бурная?

До недавнего времени считалось, что спокойная. Однако измерения, проведенные с большой точностью, показали — дело обстоит иначе. Взволнованное море, имеющее значительно большую поверхность, чем штилевое, активнее отбрасывает в атмосферу солнечные лучи.

О верности долгу, о страсти поиска, приключениях морских пограничников рассказывают главы из романа Л. Платова «Секретный фарватер». Читайте их в следующих номерах «Искателя». →

На 4-й стр. обложки: «Дороги пустыни». Фрагмент фотографии Д. Бальтерманца с выставки «Семилетка в действии».

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор Н. Михайловская
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 3-93.

А07174. Подп. к печ. 6/VIII 1963 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5(8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1157.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцеская, 21.

ФАНТАСТИКА ●

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЦЕНА 20 коп.